

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 6 (175). Сентябрь, 2018

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БОЛЬШАКОВ

доктор биологических наук, профессор, академик РАН, Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХОВСКАЯ

доктор философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

И. П. ДУДАНОВ

доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. Н. ЗАХАРОВ

доктор филологических наук, профессор, Президент международного общества Достоевского (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

доктор филологических наук, профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, Университет Дзёти (Токио, Япония)

А. С. ИСАЕВ

доктор биологических наук, профессор, академик РАН, Московский государственный университет леса (Москва, Россия)

Т. П. ЛЁННГРЕН

доктор философии по филологии, Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, профессор, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

доктор филологических наук, профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

доктор философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

доктор философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

А. Ф. ТИТОВ

доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Н. А. ФАТЕЕВА

доктор филологических наук, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

М. А. БОБУНОВА

доктор филологических наук, профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

доктор филологических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

доктор философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

доктор филологических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

доктор филологических наук, профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Российская Федерация)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА

доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

О. В. НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. В. ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

В. И. СУПРУН

доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

доктор филологических наук, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 6 (175). September, 2018

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

- V. BARISHNIKOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
- V. BOL'SHAKOV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member, Institute of Plant and Animal
Ecology, Ural division of RAS (Ekaterinburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- I. DUDANOV**
Doctor of Medical Sciences, Professor, the RAS Corresponding
Member, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philological Sciences, Professor, President
of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Armenian National Academy of Sciences (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
Professor, University of Dzeti (Tokyo, Japan)
- A. ISAYEV**
Doctor of Biological Sciences, Professor, the RAS Corresponding
Member, Moscow State Forest University (Moscow, Russia)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy and Philology,
Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Institute of Linguistic Studies of RAS
(Saint Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philological Sciences, Professor, the RAS Academician,
Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Göteborg, Sweden)
- E. SENYAVSKAY**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy
of Sciences of Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- A. TITOV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre
of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philological Sciences,
Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kursk State University (Kursk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philological Sciences, Professor, Ural State
Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor, Northern Arctic
Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- D. KOBLENIKOVA**
Doctor of Philological Sciences,
All-Russian State Institute of Cinematography
(Moscow, Russian Federation)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philological Sciences, Saint Petersburg State University
for Cinema and Television (Saint Petersburg, Russia)
- T. MAL'CHUKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)
- A. PIGIN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philological Studies, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
(Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

I Международная научно-практическая конференция «ПРИТЯЖЕНИЕ СЕВЕРА: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, СОЦИУМ»**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ***Кобленкова Д. В.*

Религиозно-политический памфлет П. К. Ершильда «Путешествие Кальвиноля по свету» 7

Львова И. В.

Женская проза Карелии: о некоторых особенностях поэтики Р. Мустонен 14

Шарапенкова Н. Г.

Драма как путь к вершинам духа. Андрей Белый и Генрик Ибсен: к истории диалога 18

Бакула В. Б.

Литературное пространство Кольского Севера: саамская литература 24

Кундозерова М. В.

Туонела: иной мир в системе координат мироздания карельского эпоса 28

Остапова Е. В.

Художественный этнографизм первых коми романов: опыты перевода 36

Сафрон Е. А.

Мифологема острова в скандинавском фольклоре 41

Шилова Н. Л.

Искусство и художники в литературной репрезентации острова Кижь 46

ЯЗЫКОЗНАНИЕ*Толстая С. М.*

Говоры Русского Севера на общеславянском фоне 53

Березович Е. Л.

Из севернорусской лексики свадебного обряда: этимолого-этнолингвистические заметки 60

Васильев В. Л.

О влиянии языка карельских переселенцев XVII века на топонимию Новгородской области. 69

Шестакова Л. Л., Яковлева А. Ф.

Актуальный политический термин в перспективе общезыкового словаря 78

Жукова О. Ю.

Прилагательные эмоционально-позитивной семантики в вепсском языке (на основе диалектных и фольклорных материалов) 83

Захарова Е. В.

«Людка» в названиях географических объектов Карелии: к мотивам номинации 89

Котов А. А.

«Война и мир языков и культур» сквозь призму взгляда иностранных и русских студентов. 97

Кривошапова Ю. А.

Топонимы в севернорусских свадебных причитаниях. 104

Михайлова Л. П.

Беломорье как объект исторического, этнокультурного и ареального исследования сквозь призму языка. 109

Данова М. Я.

Место женщины в картине мира Эдварда Мунка – на основе его текстов 113

Коган Е. С.

Святость и святые в зеркале диалектного дискурса Волго-Двинского междуречья. 120

Юбилей

К 70-летию со дня рождения Г. А. Левинтона 125

Contents 128

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 28.09.2018. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 80 экз.). Изд. № 156

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ДИАНА ВИКТОРОВНА КОБЛЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент кафедры эстетики, истории и теории культуры, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Российская Федерация)
dvmk@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТ П. К. ЕРШИЛЬДА «ПУТЕШЕСТВИЕ КАЛЬВИНОЛЯ ПО СВЕТУ»

В шведской литературе сатира занимает особое, непочетное, место. Роман П. К. Ершильда «Путешествие Кальвиноля по свету» (1965) является уникальным произведением, концентрирующим большое количество острых мировоззренческих проблем, которые шведское общество старается не актуализировать. Среди них – вопросы католицизма и протестантизма, нацизма и расовой биологии, особого «третьего» пути Швеции и последствий нейтралитета на фоне мировых диктаторских режимов. Размышления о судьбах мира П. К. Ершильд облекает в условную форму религиозно-политического памфлета.

Ключевые слова: шведская литература, сатира, протестантизм, политический памфлет

В 1965 году вышел нетипичный для шведской литературы роман «Путешествие Кальвиноля по свету» (*Calvinols resa genom världen*)¹ Пера Кристиана Ершильда. Роман остается в Швеции наиболее претенциозным произведением на политическую тему и в то же время является одним из самых оригинальных по замыслу текстов в шведской сатирической прозе: он был написан как пародийный ответ на сакральное для Швеции произведение С. Лагерлёф «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции» (1905–1907). Герой романа Кальвиноль путешествует уже не по Швеции, а по всему миру и в разные исторические эпохи. Писатель совмещает временные планы, используя фантастическое допущение и создавая коллаж из разных фрагментов, в каждом из которых есть свой хронотоп. Образцом для построения романа послужили произведения Данте, Д. Свифта и Ж. Верна. Стилистически роман ориентирован на традиции Рабле, в жанровом – на форму религиозно-политического памфлета. Автор стремился дать критическую оценку мировым идеологиям, называя среди них католицизм, протестантизм, ислаизм, фашизм, коммунизм, расизм. В каждой из названных доктрин он выявляет стремление к мировому господству, облекая размышления в форму «черного» памфлета. На русский язык роман не переводился.

Судя по положению «Кальвиноля» в литературном процессе, тема и форма произведения вызвали отторжение в шведской критике. Например, в учебнике по «Истории шведской литературы» текст упоминается лишь как пример пастишной формы романа, игровой конструкции, которая стала присуща многим произведениям шведской литературы с середины 1960-х годов, в период авангардных экспери-

ментов с формой. Там же отмечается наличие пикаресной структуры. В двух монографиях о творчестве Ершильда «Люди как звери. Исследование творчества П. К. Ершильда» (1984) [10] и «Нарушение здравого смысла. О технокритике в творчестве П. К. Ершильда» (1990) [4] этот фундаментальный роман не анализируется. Исключение составляет работа шведского художника-карикатуриста Х. Линдстрёма, который написал об этом произведении отдельную главу в книге «Смех над миром в литературе» (1993) [9], теоретической основой которой стала работа М. Бахтина о смеховой культуре Средневековья и Ренессанса. Вместе с тем о Ершильде существует обширная газетная библиография². Это связано с тем, что он был ярким полемистом, постоянно участвовал в общественных дебатах, вел свою колонку в газете «Дагенс Нюхетер». В 2002 году была опубликована выборка 100 его автономных столбцов из «DN», подтверждающая его исключительную социальную активность. Газетная полемика, в которой он принимал участие, касалась главным образом общих вопросов науки и техники, этических границ допустимого в естественных науках. Позиция Ершильда нередко провоцировала идеологические споры, его критиковали за скептицизм, мизантропию, нарушение этических норм, за уподобление людей животным. Однако наблюдения над поведением тех и других приводили писателя к мысли, что люди более репрессивны к миру и к себе подобным, чем звери. Подтверждение своим размышлениям он находил и в прозе М. Булгакова. Среди его произведений Ершильд выше всего ставил «Собачье сердце», родственное его романам по мироощущению и поэтике³. В то же время несколько романов Ершильда вызвали более чем позитивный отклик читателей и литературоведов.

Среди них – «Детский остров» (1976)⁴ и «Вавилонский дом» (1978)⁵. По «Детскому острову» в Швеции был поставлен известный фильм Кая Поллака⁶.

Роман «Путешествие Кальвиноля по свету» (1965) можно расценивать как религиозно-политический памфлет. Он стал своеобразным прологом к дальнейшему полемическому творчеству писателя, так как в нем очерчены основные принципы его художественного мира. До Ершильда в первой половине XX века в литературную полемику с книгой Лагерлёф включались А. Стриндберг, П. Лагерквист и А. Линдгрэн, во второй половине века основным полемистом стал Ершильд: спустя 25 лет после написания «Кальвиноля» писатель создал еще и сиквел к сказке Лагерлёф – провокационный роман «Хольгерссоны» (*Holgerssons*, 1990). Напомним, что центральный герой знаменитой «педагогической поэмы» С. Лагерлёф Нильс Хольгерссон после превращения в карлика отказался возвращаться в мир людей и вместе с гусями облетел одну за другой шведские провинции. В композиционном отношении сказка строилась как авантюрно-приключенческий роман или «роман дороги», в который были вкраплены элементы романа воспитания, поскольку Нильс за время странствия проходил духовную инициацию. В жанровом отношении Лагерлёф, судя по всему, опиралась на средневековые рыцарские романы, философские повести Вольтера, на английский сентиментализм и немецкие романтические новеллы. В композиционном отношении был использован прием нанизывания глав на сквозной мотив путешествия. Спустя 60 лет после выхода этого «Евангелия от Лагерлёф» самый бескомпромиссный сатирик Швеции решил подвести итоги предложенной идеалистической концепции. Напомним, что в своем первом романе «К теплым странам» (*Till varmare länder*, 1961) Ершильд задумал отправить героя «в экспедицию» в ад, чтобы тот постиг человеческие страдания. Интертекстуальным фоном путешествия в исключительные пространства были, главным образом, произведения Данте и Д. Свифта; писатель использовал и образ Лагадо – страны, в которой Гулливер был во время третьего путешествия.

Мотивом к созданию в 1965 году «Путешествия Кальвиноля по свету» послужили политические события этого периода. Интеллигенция в Швеции активно обсуждала военное вмешательство США во Вьетнам. На фоне новых политических конфликтов Ершильд пишет роман о жажде власти и о неистребимости зла. По его убеждению, мир не только не движется к лучшему, но, напротив, порождает новые формы насилия. Будучи человеком науки, материалистом, писатель всегда реагировал на культивируемые политиками ложные идеи: он был убежден, что идеология политических и социальных доктрин,

от католицизма и коммунизма до нацизма и расизма, приводит к формированию враждующих социальных групп, обрекает людей на политические столкновения. Государственные системы, с чего бы они ни начинались, вырождаются в репрессивный аппарат.

В романе изображены реальные исторические деятели: священнослужители, политики, военные, археологи, ученые, кинорежиссеры (Папа Иннокентий III, Густав II Адольф, Валленштейн, генерал Корсаков, Леопольд II, Луи Пастер, Шлиман, академик Павлов, Эйнштейн, де Милль, Гильотен, Монтгомери, Эйхман, Чан Кайши, Ленин, Сталин, Брежнев). Наряду с историческими фигурами действуют литературные герои, среди которых ключевая роль отведена «беглецу от реальности» Мюнхгаузену.

В соответствии с канонами памфлета роман Ершильда полемичен и направлен на конкретные исторические реалии. События и персонажи в нем схематичны, в большинстве глав едва ли не впервые в шведской литературе доминирует гротескная образность. Но раблезианский экспрессивный стиль лишен у Ершильда амбивалентности, он по-свифтовски натуралистичен. Медицинский подход в описании низких сторон человеческого поведения, доминирование телесного начала сближает прозу Ершильда с произведениями «черного» рококо и «неистового» романтизма, постоянно обнаруживающих свое влияние на шведскую литературу. Изображая формы насилия над людьми, Ершильд отмечает, что все участники процесса – как палачи, так и жертвы – в равной степени соответствуют своему предназначению. Разница лишь в том, что одним, по закону естественного отбора, даны сила и стремление к власти, другим – слабость и желание подчиняться. В системе писателя нет положительных примеров; мир с его медицинской точки зрения – это большой зверинец, в котором действует закон биологической иерархии. До Ершильда к проблемам такого типа обращались Р. Киплинг в «Книге джунглей» (1894–1895) и Дж. Оруэлл в антиутопии «Скотный двор» («Звероферма», 1945).

Для отображения мизантропической картины общественных пороков Ершильд выбрал ключевую фигуру протестантизма – реформатора церкви, богослова, основоположника кальвинизма Жана Кальвина (1509–1564). Очевидно, что писатель вступил в сатирическую дискуссию с протестантскими идеями Кальвина, видя в них, как и в прочих системах, манипуляцию общественным сознанием. Надо полагать, что Ершильд не был принципиальным противником протестантских идей, он был скорее скептиком, видевшим несоответствие действительности идеалу. В одной из немногочисленных шведских работ о сатире утверждается, что, критикуя общественные институты, сатира не должна разрушать эти

институты, она может критиковать церковь, но не должна быть антирелигиозной [5: 24]. На этом фоне общественная позиция Ершильда и все, что им было создано, выглядят исключением. И начал писатель с кальвинизма, историческое значение которого огромно. Вслед за Лютером Кальвин реформировал церковь и стал одним из идеологов протестантизма. В исторических источниках его личность характеризуется противоречиво. С одной стороны, его отличали широта взглядов, высокая нравственность, с другой – жестокость и способность решать вопросы через применение смертной казни. Кальвинизм обвиняли в инициировании индивидуализма, который приводит к утверждению личной свободы, к осознанию человеком своих прав, но в то же время допускает авторитет сильной воли, чреватый нарушением равенства в демократическом сообществе. Человек, по Кальвину, должен проявлять послушание властям, а иногда и терпеть несправедливость с их стороны. В то же время Кальвин оставлял право сопротивляться даже для тех, кто занимал низшие ступени в государственной иерархии. Исследователи считают, что это сказалось на формировании либерально-демократической концепции прав человека, права на самозащиту и в целом на экономическом развитии Запада и его общественном сознании. В то же время Кальвин переориентировал этику с индивида на общество. Не столько через личную святость и аскетизм, сколько через труд и умеренное пользование благами мира, неустанное служение ближнему и общине. При этом по отношению к Богу Кальвин утверждал его суверенитет и верховную власть во всем.

Религиозная проблематика повлияла на композиционное построение памфлета, который близок к русским и европейским образцам. Образ жизни Кальвина, его постоянные перемещения по Европе послужили благоприятным материалом для построения авантюрного романа, сходного по структуре с «Путешествием Гулливера» Свифта, с «Мертвыми душами» Гоголя, «Островом пингвинов» А. Франса, «Мастером и Маргаритой» Булгакова. Литературный принцип путешествия героя по проблемным пространствам мировой истории был ему хорошо известен. Как и Чичиков у Гоголя, Кальвиноль не идеален: он является частью той мировой системы, которую, по воле автора, «инспектирует». Никаких внутренних мотиваций Кальвиноля в тексте нет. Его главная задача – быть связующим звеном в романе, в котором нет единого сюжета. Произведение представляет собой сцепление разрозненных глав-фрагментов, объединенных сквозным героем и общностью политической и этической тематики.

В романе излагаются три версии рождения Кальвиноля, являющиеся пародией на евангельские тексты о рождении Христа от Святого Духа и продолжающие традиции карнавальная литературы⁷. Ключ к стилю своего произведения Ершильд дал в эпиграфе из Рабле, который гласит,

что «история мира не более чем морская байка», что все идеологии – всего лишь анекдот.

С самого начала произведение Ершильда представляет собой метароман, который отсылает к сакральным текстам о непорочном зачатии. Использование средств негативной оценки характерно для *инвективы*, которая часто служит стилистической основой памфлета. Среди ее средств – использование

экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до негативно ориентированной и бранной лексики. Огрубление на лексическом уровне выражается, в частности, в более широком употреблении вулгаризмов, грубых просторечных и жаргонных слов и выражений⁸.

Ершильд варьирует несколько приемов Рабле: натуралистическое снижение образов, гиперболизация, многочисленные перечисления, иронический подтекст, обыгрывание слов и понятий в новом контексте. Повторяя принцип, использованный Рабле при описании рождения Гаргантюа из уха матери, Ершильд, очевидно, стремился продемонстрировать профанное тиражирование евангельской истории, которое присуще обывательскому уровню. Вместе с тем во всех трех версиях затрагивается неоднократно повторяющийся в разных вариантах у многих писателей Швеции мотив поиска Отца как поиск Бога, который в конечном счете есть поиск истины и самого себя.

Вряд ли случайно литература в протестантской стране идет по пути, намеченному Кальвином:

Почти вся наша мудрость – во всяком случае заслуживающая наименования истинной и полной мудрости – разделяется на две части: знание о Боге и обретаемое через него знание о самих себе [1].

Эта фраза открывала его «Наставление в христианской вере» [1]. Так, первая глава романа задает метафизическую перспективу сродни «прологу на небесах» в «Фаусте» Гёте, но в сатирическом варианте. На фактическом уровне в пародировании сюжета о Святой Троице можно усмотреть намек на идеологический конфликт между Жаном Кальвином и испанским врачом Мигелем Сервето. Последний опровергал учение о Святой Троице, за что по указу Кальвина был казнен. В художественной реальности Кальвинолю предстояло лично испытать на прочность версию о Троице: герой в романе замещает собой Христа, рожденный, однако, по этим трем версиям при весьма сомнительных обстоятельствах. Учитывая, что Кальвиноль не только проекция Кальвина и Христа, но и Нильса Хольгерссона, то у Кальвиноля появляется своя триада прототипов. Повторяемость троичности в разных вариантах также влияет на ее ироническое снижение. Вторая версия рождения Кальвиноля может трактоваться как многобожие, когда человек становится приверженцем какой-либо религии случайно, оставаясь вместе с другими во тьме корзины, то есть жизни, лишенной знания. В этом случае

тема Фауста может быть понята как вопрос об иллюзии Свободы, поскольку даже обретение Знания не даровало Фаусту ни истинной свободы, ни власти над миром. В третьей версии явно есть аллюзии на «Шагреновую кожу» Бальзака, которая сокращалась в зависимости от честолюбивых желаний Рафаэля де Валантена. Чем больше в размерах и сильнее становился Кальвиноль при рождении, тем слабее и меньше становилась его мать. Бальзак писал, что в жизни есть два главных слова: *желать* и *мочь*. Желать – сжигает нас, мочь – уничтожает. Человеку грозит опасность, если он многого желает, но еще большая опасность возникает тогда, когда он может это реализовать.

Научный подход Ершильда неоднократно сказывался на его представлении об общественных процессах как о примере естественного отбора. Но в «Кальвиноле» писатель отказался от прямого использования зооморфного кода. Основная часть романа состоит из фрагментарных сюжетных зарисовок о разных частях света, где происходят религиозные, политические или научные события. Например, во второй главе «Неудачник из Святого Бернхарда» показано, что восьмилетний Кальвиноль участвует в Крестовом походе детей на Святую землю в Иерусалим, который был инициирован Папой Иннокентием III в 1212 году. В этой части возникает немецкая тема, заявленная до этого образом Фауста. Власть исключительной личности и стремление к покорению мира являются здесь аллюзией на немецкий нацизм и создание отрядов гитлерюгенда. Папа символизирует сильную власть и харизматичность идеолога, католическая религия описывается почти как теория Третьего рейха, которая приводит к массовому фанатизму, в том числе среди детей и юношей.

Кальвиноль в начале Крестового похода был очень счастлив, что, несмотря на свой восьмилетний возраст, он был избран в ряды десятилетних немцев, направлявшихся в Землю обетованную. В романе постоянно подчеркивается, как заманчиво чувство избранности, как оно мотивирует на членство в закрытых сообществах и приучает к борьбе за лидерство и власть. Параллельно идут отсылки к новозаветному детству Иисуса, поскольку Кальвиноль отправился в Иерусалим на маленьком белом ослике со святой водой на локонах. За ним шли монахи, больные, инвалиды, чтобы прикоснуться к нему, а другие – чтобы прикоснуться к грязи из-под копыт его осла. Многие из участников похода утрачивали желание двигаться дальше и превращались в отступников: «они одичали» и «плевали ему вслед» (22). От прохода этого «поезда» по торговым городам не было никакой пользы, кроме того, что «цены еще долго не падали» (23). Кальвиноль, как и другие дети, не дошел до цели, но «обет всегда следовал за ним»: «Он не вернулся на свою

родину, а пошел окольными путями – он продолжал странствовать, но не по направлению к Иерусалиму» (25).

Следующая глава «Эль-Аламейн» переносит Кальвиноля в XX век, в 1942 год, в армию британского генерала Монтгомери, воюющего с немецко-итальянскими частями в Северной Африке. Девятилетний Кальвиноль не единожды вступает в драку с немецкими парнями за возможность побывать в туалете. Атмосфера пронизана тлетворными запахами, подробно описанными автором, немцы изъясняются потоком нецензурной лексики и пытаются унижить Кальвиноля. Параллельно солдаты Монтгомери поют песню-молитву:

...Да получают счастье те, кто любят Бога. Береги маму и папу, Ингри и Монти, и Черчилля, и Бигглесс, и дедушку, и бабушку, и смерть всем немцам во имя Иисуса (31).

В финале этой военной фантазмагии читателю становится ясно, что битва за туалетную комнату – это метафора исторического боя Монтгомери с немцами в Эль-Аламейне. Немецкая тема продолжается в главе «Труд Шлимана». В ней описано, как Кальвиноль участвует в раскопках, проходящих в XIX веке. «Армию» Шлимана провожают с оптимизмом, цветами и надеждами, как настоящую армию – на фронт. Группа Шлимана организована по той же иерархической системе, как все и всегда в Германии. В поезде участники едут по строго заданным правилам: одни в мягких вагонах, другие на полу или в отстойниках с животными. Даже в туалете, не раз обыгранном автором как предмет всеобщих притязаний, шлиманцы сидят по иерархии. Сатира Ершильда лишается карнавальной амбивалентности, присущей книге Рабле. Человечество, по его мысли, сражается не за высокие идеалы, а за возможность господствовать, проявляя низкие биологические инстинкты. В основе концепции писателя лежит убежденность в действенности законов естественного отбора. Так, в эшелоне Шлимана вышестоящие едут в хороших условиях, остальных перевозят, как заключенных, без света и воздуха. Среди низших числятся эпилептики, участники с заячьей губой и те, кто мочился в кровать (43). Если кто-то пытается нарушить порядок, его «подвергают допросу и процедуре осквернения» (41). Девятнадцатилетний Кальвиноль, несмотря на свои интеллектуальные достоинства, не может стать избранным, так как у него не немецкая фамилия. Он должен почитать за счастье, что его взяли в экспедицию чернорабочим. По ходу раскопок члены группы устраивают черные мессы и ждут быстрого результата своих деяний, так как Шлиман обещал им к Новому году вернуться домой. Однако время идет, Троя не найдена, великая цель не достигнута. Рабочие получают конверты с заданиями, не зная ничего наперед,

но по-прежнему повинуюсь воле лидера. Начинается дезинтерия и поедание лошадей в окружении снующих крыс. Этот фрагмент, создающий аллюзию на нереализованную немцами военную операцию блицкрига, обрывается, и действие переносится в 1935 год. Кальвиноль летит над Шампанью и размышляет о том, как труды шлиманцев приходят в упадок:

Что мы могли бы сделать для археологии, если бы выполнили всё. Нас прервали, но Шлимана бы впечатлили наши результаты (61).

Ключевой фразой всей главы становится риторический вопрос, характерный для памфлетной формы: «Как долго еще Северная Европа будет ждать своего Шлимана?» (39).

К теме Германии, но уже вне проблемы арийской исключительности и претензий на мировое господство, Ершильд вернется в главе «На немецкой земле», в которой тема власти подана в гротескно-фантастической форме. Действие перенесено в 1632 год, в эпизод битвы при Лютцене. Там на немецкой территории был убит шведский король Густав II Адольф. Кальвиноль выполняет в шведском лагере функцию псевдолекаря, в саквояже которого имеются отвар змеи, когти летучей мыши, зубы ангела и пр. Авантюристу-лекарю поручают реанимировать убитого короля. Тогда он высушивает его тело и надувает, как воздушный шар. Надувной король, ассоциирующийся с мыльным пузырем, король-иллюзия парит над полем боя в качестве вдохновляющего символа. Напомним, что Густав II Адольф — главная фигура шведского великодержавия. Но критика Ершильда в адрес разных проявлений власти не обошла стороной и национального героя страны. Правда, шведский монарх здесь — трагикомическая фигура, всего лишь парадная обложка, фетиш. Он лишь великая идея, которую нужно реинкарнировать, потому что психология масс требует героя.

В этой главе есть характерное замечание о карликах, образы которых появлялись во многих значительных шведских произведениях XX века. В эпизоде с убитым королем предлагается сначала посадить на коня вместо него карлика, но идея отвергается с формулировкой: «На карлика нельзя положиться, так как он с ума сойдет от величия и начнет творить самосуд» (96). Биологическая теория о высших и низших организмах, которым предопределено свое место в природном мире, была опорной теорией Ершильда — в соответствии с его естественно-научной картиной мира. Но, как и у Энквиста, в его художественной системе просматривается двойственное отношение к этой теме и к роли сильной личности в истории. Оба писателя, выпустившие романы на сходную тему в один и тот же год, продемонстрировали близкую идейную позицию: сильная личность опасна, страшны внушаемые ею идеи, но еще более опасна слабая

личность, которая проникается ими и, получив власть, не справляется с ней.

Помимо ключевой темы романа, Ершильд останавливается на других вопросах политической истории XX века. Одна из глав посвящена войнам на религиозной почве, в частности столкновению христианства и ислама, другая изображает тайваньский конфликт и «выращивание» солдат генералом Чан Кайши, «как другие выращивают рис». «Оловянные солдатики», прибывающие пачками в маленьких коробках, маршируют, как игрушечные зомби в американском Диснейленде рядом с Белоснежкой и Микки-Маусом. Тема Соединенных Штатов как кукловода в новой послевоенной эпохе затрагивается в главе о расизме, в которой столкновение белого и черного населения планеты приводит некоторых к устойчивому заблуждению, что человек с черными курчавыми волосами и плоским носом априори лишен интеллекта. Американский контекст возникает и в главе о современных типах любви. Брак остался в прошлом, отношения строятся на случайных связях, на подавлении одного партнера другим и имеют своим результатом венерические заболевания. Гораздо более эффективно сексуальность используется американцами в рекламе: например, когда обнаженные девушки обнимают автомобильные шины. Подобное утилитарное отношение проявляется к религии: для парней, приезжающих на бензоколонку Кальвиноль лечиться от заразных болезней, «религия — своего рода страховка с умеренной премией». У католиков, например, «Дева Мария болтается на шнурке зеркала заднего вида» (126–127). У других вместо нее «болтается» портрет Патриса Лумумбы.

Наиболее яркими в художественном отношении можно считать главы, в которых Кальвиноль встречается с Мюнхгаузеном и пытается излечить огромное тело Брежнева. Знаменитый барон посещает доктора Кальвиноля по собственному желанию, считая его родственной авантюрной душой. Он прибывает ради духовной беседы — обсудить свою «врожденную меланхолию», на что Кальвиноль иронически отвечает:

Вы парили над полем битвы на воздушном шаре, рассматривая страдание через перевернутый бинокль. <...> Летать на пушечном ядре — это бегство от реальности, эскапизм, безответственность. <...> Всегда будет пушечное ядро, воздушный шар, на котором можно улететь, чтобы не сталкиваться лицом к лицу с проблемами, если только случайно. <...> Вы даже не алкоголик, не опиоман, не ростовщик... почему кто-то должен вас жалеть? (146–147).

Но Мюнхгаузен остается эксцентричным интровертом, предпочитающим свою игру. В критическом отношении автора к его позиции просматривается осуждение всех, кто решил, что война и страдание не их дело. Чтобы Мюнхгаузен соответствовал своему имени «Иеронимус» (что означает «святое имя»), даваемое чаще всего

монахам), Кальвиноль выписал ему рецепт: «ответственность – 0,15; честность – 0,10; правда – 1,75; выносливость – 0,05» (148). Но у барона есть аргумент в защиту своей безответственной позиции: «Первым шутником был Бог, который создал Адама... как я могу соревноваться с Богом?» (7). Иными словами, так устроено все мироздание, и ответственность за это лежит на Всевышнем.

В главе «Великий человек» Кальвиноль оказывается в Советском Союзе. На календаре 1962 год, Сталин умер, Хрущёв отправлен на пенсию. Глава государства Брежнев становится символом огромных территорий:

С головой на Украине и ногами на Камчатке и Владивостоке... Большой человек вырос до таких размеров, что не мог подняться (149).

Кальвиноля приглашают в качестве врача придать ему силы, чтобы он смог занять определенное положение. С безликой переводчицей Надеждой⁹, которая ходит в сером платье с круглым воротничком и напоминает Крупскую, Кальвиноль обследует тело, объезжая его на машине и плавая по нему на корабле. Его маршрут пролегает через ноздри, среднее ухо, гортань, печень, желудок и т. д. От желудочных проблем Брежнева героев выкинуло на берег. В другой поездке – через ноздри «большого человека» – им дали топоры «прорубать выход» (158). После банкета в Москве Кальвиноль потерял сознание и очнулся в качестве ордена «на богато украшенной груди секретаря».

Рядом с ним было два ордена Ленина. Один из них был молодым Лениным с энергичным лбом, он усердно работал с бумагой и ручкой. С другой стороны висел старый и парализованный Ленин, у которого одна половина тела была вялой, он был с потухшим взором, которым смотрел на свою бесконечную Россию. Выше висел орден Сталина. Он пнул Кальвиноля в голову и спросил, есть ли у него табак для трубки (162).

Перед праздниками спускались на канатах чистильщики этих орденов. Осмотревшись, Кальвиноль заметил, что висит среди наград иностранных государств: «Соседи были более старые и хмурые, некоторые были смертельными врагами» (162).

Эта «советская» глава отличается повышенной гротесковой поэтикой. Однако Брежнев, как и Густав II Адольф, предстает у Ершильда без негативных политических коннотаций. Гиперболизация, которую применяет Ершильд, вызывает скорее сострадание к больному существу, столь же неподвижному, как бесконечная страна, которую он возглавляет.

Идеологическим центром всего памфлета можно считать главу «Акустические микробы». Эта часть написана как научная статья с посвящением Луи Пастеру, который в 1881 году первым выдвинул идею существования микробов такого типа. Статья должна была дать ответ на три научных вопроса:

1. Можно ли вырастить акустические микробы с помощью фонографа. 2. Если первое условие выполнено, то можно ли их классифицировать и разводить. 3. Можно ли воздействовать на них с помощью биологических методов и соответственно можно ли создать вакцину против этих микробов (74).

До них мир знал только «микробы-знаки», которые были зафиксированы «на бумаге, камне, глине». Но, будучи зафиксированными, они находились в своей неактивной фазе, в то время как акустические микробы заражают на расстоянии 1000 метров (77). Особо значим эффект эха, который может в три-четыре раза продлить их активную стадию. Фонографы, начиная с Эдисона, записывают их на пленку, после чего все слышат их по-своему. Массовый перенос с фонографа на фонограф и с эффектом эха изменяет их. Характерно, что человек может сам не болеть, но являться их разносчиком. Определенная защита достигается в том случае, если удастся «расщепить их на шумы или закрыть рот» (78). По мнению Ершильда, речь отличает человека от животного, но именно она становится источником распространения этих микробов, под которыми подразумевается информация. Ее смысл искажается по мере достижения адресата.

Гротескный памфлет П. К. Ершильда становится иллюстрацией его центральной концепции о вреде ложных политических идей и господствующих в обществе иллюзий. Все пространства, в которых оказывается персонаж, заражены вирусом какой-либо идеологии. Роман, помимо прочего, отражает убежденность П. К. Ершильда в абсолютной власти законов естественного отбора, который используется в политических целях.

В стиле и в изобразительных принципах письма очевидны черты «медицинской прозы» и влияния натурализма, но не французского образца, а немецкого и австрийского, напоминающего приемы Альфреда Дёблина. Однако форма многих произведений писателя, в том числе представленное памфлетное повествование о путешествии Кальвиноля, сознательно условна. Более того, проза П. К. Ершильда является в Швеции редким примером гротескового повествования. При построении хронотопа писатель использует и прямое фантастическое допущение, позволяющее соотнести разные эпохи.

«Путешествие Кальвиноля» – это одно из наиболее интертекстуальных произведений в Швеции: Ершильд использует большое количество аллюзий на тексты мировой литературы, среди которых главными остаются Новый Завет, произведения Данте, Дж. Свифта, И. В. Гёте и С. Лагерлёф. Очевидно также, что к середине 1960-х годов в оппозиционной социально-политической шведской прозе, как и в шведском кинематографе, стали превалировать антиидеологические мотивы. Обращение писателей к первоосновам мировоззренческой картины протестантизма обнаружило его глубокий кризис, который в итоге привел к постепенному угасанию

религиозного чувства в стране и к поиску иных основ в национальной картине мира.

Содержание в высшей степени условного романа П. К. Ершильда, конечно, не укладывается в единственную жанровую модель, структура этого памфлета многослойна. Читатель воспринимает текст как синтетическую форму религиозно-политического *road movie* с элементами исторического

и авантюрно-приключенческого жанров и интеллектуального «романа идей», как сатирический интертекстуальный пастиш-роман со свободной композицией и доминирующей гротескной образностью. Создание Ершильдом провокационной пародии на знаменитое произведение С. Лагерлёф говорит о том, что главными качествами писателя были бескомпромиссность и нонконформизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Jersild P. C. *Calvinols resa genom världen*. Lund: Rahms, 1982. 213 s. В статье в круглых скобках указаны страницы.
- ² См. статью и рекомендованную в ней библиографию: [8]. На русском языке о творчестве писателя и данном произведении см. подробнее [2].
- ³ Ершильд впервые прочел «Собачье сердце» в 1973 году – за 5 лет до создания им «Вавилонского дома». Он написал статью о Булгакове в сборнике «Писательская история литературы», в котором шведские авторы размышляли о своих фаворитах в мировой литературе. См. [6].
- ⁴ По убеждению Ершильда, человеку в современном мире никто не нужен, поэтому не стоит заводить детей тем, кто в них не нуждается.
- ⁵ «Вавилонский дом» был символическим образом: Уппсальский госпиталь символизировал государственную систему, которая функционировала как абсурдный и малопродуктивный механизм.
- ⁶ Кай Поллак (Kay Gunnar Leopold Pollak, 1938) – известный шведский кинорежиссер.
- ⁷ Одну из версий рождения Кальвиноля П. А. Лисовская рассматривает как метатекстовое юмористическое повествование, пародирующее сюжет Юхана Людвиг Рунеберга «Сказания Фенрика Столя» (*Fänrik Ståhls sägner*, 1848). См. [3].
- ⁸ См.: Памфлет как жанр сатирической публицистики. Приемы создания памфлетного жанра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diplomrus.ru/raboti/22143?mod=diploms> (дата обращения 05.07.2015); Ткачев П. Сатиры злой звенящая струна... (о памфлете). Минск: Наука, 1974; Тепляшина А. Н. Сатирические жанры современной публицистики. СПб.: СПбГУ, 2000; Инвектива: жанр или прием [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journ.ucoz.ru/forum/8-544-1> (дата обращения 05.07.2015).
- ⁹ В шведском варианте *Nadsezada*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере / Пер. с фр. А. Д. Бакулова. М.: Изд-во РГГУ, 1998. Т. 1–2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://knigosite.org/library/read/9853> (дата обращения 16.08.2018).
2. Кобленкова Д. В. Шведский роман второй половины XX – начала XXI века: поэтика художественной условности: Дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2016. 422 с.
3. Лисовская П. А. Репродукция эпоса Ю. Л. Рунеберга в романе П. К. Ершильда «Путешествие Кальвиноля по свету» // Скандинавская филология. *Scandinavica*. Вып. 9. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 152–160.
4. Anshelm J. *Förnuftets brytpunkt. Om teknikkritiken i PC Jersilds författarskap*. Stockholm: Bonniers Grafiska Industrier AB, 1990. 376 s.
5. Ekelund A. - S. *Konsten att protestera. Om satir i litteraturen*. Scripta minora № 23. Växjö: Högskolan i Växjö, 1994. 62 s.
6. Jersild P. C. Michail Bulgakov // *Författarnas litteraturhistoria. De utländska författarna 3* / Red. M. Gustafsson och B. Håkansson. Malmö: Författorförlaget, 1982. S. 248–259.
7. Knådan tradition: pastischen under 1960-talet // *Den Svenska Litteraturen. Medieålderns litteratur. 1920–1985*. S. 90–91.
8. Lindberg M. P. C. Jersild // *Svenska samtidsförfattare*. № 4. Lund: BTJ Förlag, 2006. S. 34–42.
9. Lindström H. *Skrattet åt världen i litteraturen*. Stockholm: Carlsson, 1993. 371 s.
10. Nordwall-Ehrlow R. *Människan som djur. En studie i PC Jersilds författarskap*. Malmö: Frank Stenvalls Förlag, 1984. 256 s.

Koblenkova D. V., All-Russian State Institute of Cinematography (Moscow, Russian Federation)

PER CHRISTIAN JERSILD'S RELIGIOUS AND POLITICAL PAMPHLET CALVINOL'S VOYAGE AROUND THE WORLD

In Swedish literature, satire has a special, inherently unvalued, place. Per Christian Jersild's novel *Calvinol's Voyage Around the World* (1965) is a unique text that concentrates a large number of acute worldview problems that Swedish society tries not to actualize. Among them are the issues of Catholicism and Protestantism, Nazism and racial biology, a special "third" path of Sweden and the consequences of neutrality against the backdrop of world dictatorial regimes. Reflections on the fate of the world are presented by Jersild in a conventional form of a religious and political pamphlet.

Key words: Swedish literature, satire, Protestantism, political pamphlet

REFERENCES

1. Calvin J. *Catechizing in the Christian faith*. Moscow, RGGU Publ., 1998. Vol. 1–2. Available at: <http://knigosite.org/library/read/9853> (accessed 16.08.2018). (In Russ.)
2. Koblenkova D. V. Swedish novel during the second half of the XX and the early XXI centuries: poetics of artistic conventions: Diss. ... Doctor of Philology. Nizhny Novgorod, 2016. 422 c. (In Russ.)
3. Lisovskaya P. A. Reproduction of Johan Ludvig Runeberg's epos in Per Christian Jersild's novel *Calvinol's Voyage Around the World*. *Scandinavian studies. Scandinavica*. Issue 9. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2007. P. 152–160. (In Russ.)
4. Anshelm J. *Förnuftets brytpunkt. Om teknikkritiken i PC Jersilds författarskap*. Stockholm: Bonniers Grafiska Industrier AB, 1990. 376 s.
5. Ekelund A. - S. *Konsten att protestera. Om satir i litteraturen*. Scripta minora № 23. Växjö: Högskolan i Växjö, 1994. 62 s.
6. Jersild P. C. Michail Bulgakov // *Författarnas litteraturhistoria. De utländska författarna 3* / Red. M. Gustafsson och B. Håkansson. Malmö: Författorförlaget, 1982. S. 248–259.
7. Knådan tradition: pastischen under 1960-talet // *Den Svenska Litteraturen. Medieålderns litteratur. 1920–1985*. S. 90–91.
8. Lindberg M. P. C. Jersild // *Svenska samtidsförfattare*. № 4. Lund: BTJ Förlag, 2006. S. 34–42.
9. Lindström H. *Skrattet åt världen i litteraturen*. Stockholm: Carlsson, 1993. 371 s.
10. Nordwall-Ehrlow R. *Människan som djur. En studie i PC Jersilds författarskap*. Malmö: Frank Stenvalls Förlag, 1984. 256 s.

Поступила в редакцию 28.03.2018

ИРИНА ВИЛЬЕВНА ЛЬВОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ilvovaster@gmail.com

ЖЕНСКАЯ ПРОЗА КАРЕЛИИ: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИКИ Р. МУСТОНЕН

Рассматриваются особенности поэтики рассказов Р. Мустонен 1990–2000-х годов в контексте развития современной женской прозы Карелии. Этот аспект изучения творчества Мустонен предпринят впервые, что обусловило новизну и актуальность исследования. Показывается, как в творчестве писательницы трансформируется женская традиция повествования, переосмысливается традиционный «женский» сюжет о поисках женщиной любви, что, в свою очередь, определяет особенности поэтики: пространственно-временной организации текста, композиции (включение фигуры рассказчицы), использования комплекса устойчивых мотивов (в том числе доминирующего мотива полета), гротеска и других приемов комического. В работе используется материал бесед автора с Р. Мустонен.

Ключевые слова: женская проза, современная проза писателей Карелии, проблема идентичности, герой-повествователь, гротеск

Одним из важных явлений в развитии литературы Карелии второй половины XX века стало возникновение и становление женской прозы. С приходом женщин-писательниц: Р. Мустонен, Г. Скворцовой, М. Лишанской, Я. Жемойте и др., – изменяется не только литературный ландшафт, но и сама литература, в которой женский взгляд на окружающий мир становится значимым и существенно определяет своеобразие литературы Карелии этого периода. Данный феномен отражен в работах И. Савкиной [8], Е. Марковой [5], А. И. Мишина [4], Ю. Дюжева [6] и других исследователей литературы Карелии. И. Савкина рассматривает женскую прозу (то есть прозу, написанную женщинами) как явление типологическое, стремится выявить особенности проблематики и поэтики:

Самое интересное в женской литературе – то, что есть только в ней и нигде больше: образ женщины, женского начала, увиденный, осмысленный и воссозданный самой женщиной. Когда избирается такой подход к женской прозе, то становится возможным не только поставить в один ряд произведения писательниц, несхожих в своих жанрово-стилевых пристрастиях, но и рассматривать наряду с отечественной – прозу переводную [8: 393].

Однако вопрос о том, что такое женская проза, как формировалась женская традиция повествования, поставленный И. Савкиной в связи с выходом первых сборников женской прозы Карелии, остается дискуссионным и требует обстоятельного рассмотрения. В связи с этим обращение к творчеству Р. Мустонен, известного прозаика, драматурга, киносценариста, представляется наиболее уместным для понимания особенностей становления женской прозы Карелии.

Раиса Мустонен пришла в литературу в 1970-е годы, став первой писательницей Карелии и наиболее значимым прозаиком этого периода. Она автор рассказов и повестей, вошедших в сборники «Каждый охотник желает знать...» (1981), «Бермудский круг» (1986), «Письма к незнакомым

людям» (1989), «В начале была любовь» (2004)¹. Предметом анализа стали рассказы, вошедшие в последний сборник, а также интервью и беседы с автором. Выбор литературного материала объясняется его значимостью в творческом наследии Р. Мустонен. Рассказы получили признание критики и высоко оцениваются самим автором.

Попытки охарактеризовать поэтику женской прозы разнообразны и основаны на разных методологических подходах (см. например: [1], [3], [7], [9], [10]). В данном исследовании основное внимание уделяется особенностям формирования женской повествовательной традиции на примере творчества Р. Мустонен. Нельзя не учитывать многообразие факторов, влияющих на этот процесс, в том числе и влияние литературной эпохи – реалистической прозы советского периода.

Говоря о влияниях, Р. Мустонен в беседе отмечала:

Женщины на меня никак не повлияли. Немного нравилась Виктория Токарева, немного Петрушевская. Но первая преувеличивала радость жизни, а вторая преувеличивала зло жизни. Вот если бы их смешать – получилась бы милая моему сердцу писательница. Нравилась Айрис Мэрдок. Но мужское перо люблю больше².

В интервью она также признавалась:

Мои любимые писатели Достоевский и Платонов. Не знаю, каким уж боком они на меня повлияли. А существенно повлиял Довлатов.

Среди влияний Р. Мустонен также называла Ш. Андерсона и У. Голдинга. Таким образом, «женская традиция» никогда не была для писательницы предметом рефлексии и тем более подражания. Но в том же интервью Р. Мустонен отмечала существующие отличия между женской и мужской точкой зрения:

Мы живем в мире, где пока еще превалирует мужская точка зрения на все. Наверное, поэтому термин «женская литература» подразумевает «второсортность». Но мы ведь составляем большую половину человечества и, думаю, не худшую, и тоже имеем право голоса. Было бы

смешно, если бы я вдруг заговорила басом. К сожалению, довольно часто мужчины говорят дамскими голосами.

В произведениях Мустонен женская точка зрения на события подчеркнута и организует повествование. Писательница зачастую выбирает форму сказа, таким образом, в произведениях присутствует рассказчик – женщина, которая является наблюдателем, свидетелем или участником событий (например, в рассказе «Пеперуда» рассказчица – подруга героини, имеющая собственную биографию и историю). Форма повествования может быть интерпретирована как женская – писательница воссоздает женский монолог или разговор подруг, используя стилизацию под народную речь: «разбитой морде лица», «совсем лыка не вяжет, в сосиску пьяный, в дупль, в хлам», «у ее подъезда водку пьянствует», «вот такой моряк с печки бряк» и т. д. («Щасте»), вводит женский комментарий с определенным набором лексических средств, речевых оборотов.

Женская проза тяготеет к исследованию бытия через бытовое, тривиальное. Традиционными для женской литературы являются темы семьи, брака, межличностных отношений. Наиболее распространенный женский сюжет – героиня в поисках счастья, понимаемого как благополучие в счастливом браке. Этот сюжет появляется в викторианском романе, но к нему обращается и современная женская литература – Э. Манро, Э. Уокер.

Мустонен также использует традиционный для женской прозы сюжет. Героиня ищет не только благополучия, но и определенного социального статуса. Самоопределение и самоидентификация женщины происходят только через мужчину, именно любовь к мужчине и семья составляют целеполагание и смысл жизни женщины. Характер поисков женских персонажей предопределен не только социальным опытом, но и традицией повествования о женщинах. Так, героиня рассказа «Щасте» Олюшка ищет «личнава щастя», для этого она знакомится с разными мужчинами. Сама ситуация интерпретируется автором как типичная: «Ну не дурочка ли?.. Или просто доверчивая, как многие женщины, которые жаждут “щастя”» (20). Постепенно героиня осознает труднодостижимость счастья и готова на компромисс: «Попался бы обыкновенный, нормальный человек, пусть даже женатый, и родить бы от него ребеночка» (28). Однако традиционный сюжет поиска предполагает встречу героини с будущим мужем. Искомый предмет должен быть найден. Кульминацией рассказа Мустонен является момент встречи героини с Олегом, с Ним, «с большой буквы». Эта встреча и сам герой практически не описываются рассказчицей, она обходится формулой: «нет слов». Тем самым она апеллирует к читательскому опыту, который предполагает хорошее знакомство с этим сюжетом и знание приемов, описывающих счастливый финал. Но Мустонен разрушает канон, продолжая повествование и вводя авторский комментарий. Она противопоставляет понятие щастя и счастья. Счастье глубже и объемнее, и автор приводит множество определений счастья: «это и есть такое состояние, когда ты совпадаешь со мной, а я с тобой»,

«счастье – это просто жить, а потом умереть, то есть вернуться домой, в космос...» (34, 35) и т. д. Писательница переосмысливает традиционный сюжет, включая другие цели поиска. Героиня стремится выйти за пределы быта, расширить границы своего существования, обрести гармонию с собой и вселенной. Важно отметить, что пространство, в котором существует героиня, постепенно расширяется, ее движение меняет направление – вместо горизонтали, она обнаруживает вертикаль – возможность восхождения к другим мирам и другим истинам. В литературной традиции это фаустовский поиск, который ведет мужчина, и у Мустонен он только намечен как альтернатива традиционному женскому пути. Маркеры пространства в первой части рассказа указывают на его замкнутость, механистичность. Героиня находится то в ведомственной библиотеке завода бумагоделательных машин, то в Доме культуры турбовентиляторного завода. Любовь освобождает героиню, она открывает пространство свободы: «вдвоем с ним летали над самой Землей, на Земле, как на небе» (33). Их встреча была в «прошлом тысячелетии на небесах». Не случайно муж героини – летчик, прилетевший «на крыльях любви».

Стремление героини выйти за пределы женского удела изображается и в других рассказах. Так, в рассказе «Большая белолобая любовь Любы Белолобовой» к свободе стремится муж героини:

...все стремится куда-то улететь. Может, в теплые края, может, еще куда. А мы его все отговариваем: куда тебе, у тебя и крыльев-то нет и уже не вырастут. А-а, говорит, хоть гнездо себе где на дереве свить, все повыше (14).

Неудовлетворенность настоящим, бегство от рутины, жажда творчества интерпретируются в рассказе как мужские качества, противопоставленные женским: «А тебе этого мало? Вопрос был женский. А ответ – истинно мужской. Мало» (15). Чтобы не расставаться с мужем, героиня разделяет с ним его стремление к полету. Однако, как и в первом рассказе, попытка полета лишь временно освобождает героев, которые вынуждены погрузиться в быт.

В рассказе «Пеперуда» мотив полета является доминирующим и сюжетообразующим. Как сообщает рассказчик, героиня рассказа также ищет счастья в любви: «Никому ничего худого от этих поисков счастья не было» (73). Жизненный путь Вероники – от влюбленности к влюбленности, от брака к браку, однако счастье для нее не в браке, даже не в любви к мужчине, а в состоянии свободы, полета. Этот путь воспринимается окружающими как неправильный, непонятный, эксцентричный, он неизбежно ведет к гибели героини. Но у рассказчика он вызывает сочувствие и понимание. В отличие от предыдущих рассказов повествователь избегает иронических комментариев, а признается, что испытывает боль потери: «Разве тебя нет, женщина-бабочка? Тс-с-с!.. Я слышу шелест крыльев...» (81). Таким образом, традиционный сюжет поиска героиней любви и семьи, которые должны определить ее социальный статус и способствовать самоидентификации, иронически переосмыслен благодаря использованию фигуры женщины-рассказчика,

изменению художественного пространства, а также включения в повествование мотивов полета, бегства. Тем не менее женские истории остаются историями поиска любви.

Нужно отметить, что само понятие любви, которую ждут и ищут героини рассказов Мустонен, также подвергается ироническому переосмыслению. В рассказе «Большая белолобая любовь Любы Белолобовой» повествователь замечает:

Любовь – психическое заболевание, протекающее с характерными изменениями личности, выражающимися в эмоциональном подъеме, утрате единства личности, потере связи с реальностью, характерными расстройствами мышления и развитием в определенной последовательности бредовых идей (6).

Любовь и освобождает героинь рассказов от рутины, привнося новый смысл в их жизнь, но и закрепощает, формируя зависимость от объекта любви.

В рассказе «Любошь» отношения между любящими столь мучительны, что разрыв воспринимается как освобождение. Любовь к мужчине как цель и смысл жизни для героинь перестает быть такой безусловной.

Таким образом, в прозе Мустонен не только переосмысливается традиционный «женский» сюжет, но и усложняются представления о женской природе, о характере женских поисков и желаний. Сама Р. Мустонен так прокомментировала существующие отличия между женским и мужским миром, женским и мужским способом существования:

Поэт Юрий Кузнецов как-то сказал, что мужчина смотрит на бога, а женщина на мужчину, мол, поэтому женщины не создали ни одного по-настоящему великого произведения. Тут я бы поправила любимого поэта. Женщина смотрит не столько на мужчину, сколько на свое дитя. Женщина прежде всего мать, даже если по каким-то причинам у нее не случилось детей. Мужчина, на мой взгляд, более одинок в этом мире. Мужчине не остается ничего другого, как бороться с ужасом бесследности, с небытием, утверждая себя в деле, которое останется и после него. Хотя допускаю, что женщина и биологически не приспособлена к тому, чтобы быть гениальной. Мужчины масштабнее мыслят. У меня есть свое определение искусства: «Искусство – это попытка, способ разговора с Богом». Я это определение передала своему герою, что характерно – мужчине. Было бы, наверное, нелепо, если бы эти слова в моем тексте произнесла женщина-героиня. Женщинам по общепринятому мнению вроде как не пристало теоретизировать и философствовать (для них главное – пеленки-распашонки, любви-моркови и т. д.). Хотя наша знаменитая академик Наталья Бехтерева, специалист по мозгу, как-то сказала: как ни странно, но мозг женщин хорошо приспособлен для писательства (цитирую по памяти). Великие женщины-писательницы существуют (те же английские романистки), но дождемся, наверное, и гениальной, так как мир, на мой взгляд, все же потихоньку отходит от мужского шовинизма.

В этом суждении писательницы отражены существующие противоречия в представлениях о месте и предназначении женщины в социуме, а также о женском творчестве. Р. Мустонен признает, что патриархальный взгляд на женщину является продуктом определенной эпохи и неизбежно будет пересмотрен, в то же время она разделяет утвердившиеся представления о биологической предрасположенности женщины к бытовому, узкому, что женщине «не пристало

философствовать», что более широкий масштабный взгляд на мир – прерогатива мужчины. Эти противоречия нашли отражение и в прозе писательницы, где героини ищут женского удела, но подсознательно стремятся вырваться из него.

Эти противоречия есть и в женских образах, созданных Р. Мустонен. Героини рассказов – женщины странные, необычные, эксцентричные, чудаки, по определению Ш. Андерсона (влияние которого писательница испытывала) – гротескные люди. Использование гротеска – одна из особенностей поэтики произведений Мустонен. В повествовании гротескные образы определяют развитие сюжета. Именно гротескный персонаж выявляет тривиальное, пошлое, неблагополучное в повседневности, разрушает привычные представления, раздвигает границы реальности. У героинь необычная внешность: «...и сама смотрелась неординарно: высоковато даже по нынешним меркам» (18) («Щасте»), «...а фигура странная – гибрид какой-то» (74–75) («Пеперуда»); поведение: «А то еще членовредительством занялась. Он себе нечаянно палец порезал, хлеб резал и порезал. А она отчаянно: как схватит нож, да как ударит им по своей руке! – чуть полпальца не отхватила... И все с улыбкой, блаженной на устах, с блеском безумным во взоре» (5–6); «Влезла Люба в гнездо, села на краешек, ноги свесила» (15) («Большая белолобая любовь Любы Белолобовой»); и т. д.

Именно странная, гротескная природа героинь дает возможность им вырваться за пределы бытового, женского, а главное, почувствовать условность принятых норм и правил. В глазах окружающих они безумны, но их безумие чело-вечно, тогда как норма механистична, безжизненна. Гротеск – указание и на их маргинальность, которая является частью женского опыта.

Гротескная стихия присутствует и в повести «93-й год, или бортовой журнал машинистки Риты Ч.»³. Гротескной является постперестроенная реальность, о которой повествует героиня. Здесь уже не герой «вывихнут», а мир, в котором существует герой. Дихотомия мужского и женского обозначена уже в начале этого произведения. Героиня заявляет, что представляет Землю как корабль, в котором она не машинист, а машинистка. Словесная игра указывает на женский статус, закрепленный в языке. Машинист – тот, кто ведет корабль, машинистка – воспроизводит уже готовый текст, в ее профессии отсутствует творческое начало. Однако героиня чувствует себя творцом, она воссоздает и творит реальность словом. В частности, гротескная природа реальности выражены в «блясах», которые сочиняет героиня. В начале повести рассказчица определяет особенности жанра женского дневника – он всегда «только про любовь», но в тексте любовная линия оказывается второстепенной, и только формально поддерживает жанровую традицию. Как и в рассказах, героиня повести стремится не только понять смысл происходящего с ней, страной и миром, но и выйти за рамки бытового, открыть для себя новые пространства, другую метафизическую реальность. В финале повести она размышляет:

А если книга упала – почему? Почему именно сейчас? Что нарушило равновесие? Или все в постоянном движении, несмотря на видимую неподвижность? Колебания каких-то невидимых частиц, молекул, атомов, электронов? (271).

Так реализуются представления писательницы об искусстве как разговоре с Богом, где не нужны посредники. Женщина только обретает язык, чтобы вести этот разговор.

Проза Мустонен выходит за грани не только бытового, но и регионального. Несмотря на

финские корни автора и тесную связь с историей и культурой Карелии, проблемы, которые она поднимает, не являются специфически северными, «карельскими», а универсальными, они отражают особенности и проблемы формирующейся русской женской прозы.

В последующем драматургическом творчестве Р. Мустонен закрепляется тенденция к исследованию экзистенциальных проблем: усиливается метафоричность ее прозы, используется символический подтекст.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мустонен Р. Г. В начале была любовь. Петрозаводск: Изд-во В. Ларионова, 2004. 270 с. В тексте в круглых скобках указаны страницы.
- ² Мустонен Р. Интервью и беседы. Из личного архива автора. Петрозаводск, 2018. Ссылки в тексте даны на это интервью.
- ³ Мустонен Р. 93-й год, или Бортовой журнал машинистки Риты Ч. // Все живое: Рассказы, повести, пьеса. Петрозаводск: Периодика, 1996. С. 201–271. В тексте в круглых скобках указаны страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочарова О. Формула женского счастья. Заметки о женском любовном романе // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 292–302.
2. Воробьева Н. В. Женская проза 1980–2000-х годов: динамика, проблематика, поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 257 с.
3. Зверева Г. «Чужое, свое, другое». Феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам&Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 2. М., 2002. С. 238–278.
4. Мишин А. И. Общая характеристика // История литературы Карелии. Т. 3 / Ред. тома Ю. И. Дюжев. Петрозаводск, 2000. С. 361–370.
5. Маркова Е. И. Образ женщины-творца в «триптихе» Р. Мустонен «Пеперуда», Г. Скворцовой «Дом для тысяч сердец», Э. Орешкиной «Дожди в Проточном переулке» // Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России. Петрозаводск, 2005. С. 76–87.
6. Писатели Карелии: Библиографический словарь / Карел. науч. центр РАН, Ин-т языка, лит. и истории, М-во культуры и по связям с общественностью; [Сост. Ю. И. Дюжев]. Петрозаводск: Острова, 2006. 304 с.
7. Ровенская Т. Женская проза конца 1980-х – начала 1990-х годов: Проблематика, ментальность, идентификация: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2001. 28 с.
8. Савкина И. Л. «Да, женская душа должна в тени светиться» // Жена, которая умела летать: Проза русских и финских писательниц / Ред.-сост. и автор вступления Г. Г. Скворцова. Петрозаводск: ИНКА, 1993. С. 389–404.
9. Kolodny Annet: A Map for Rereading: Gender and the Interpretation of Literary Texts // The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature and Theory / Edited by E. Showalter. N.-Y., 1985. P. 46–62.
10. Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um National und Gender in Deutschland und Russland / Herausgegeben von Elisabeth Cheaure, Regine Nohejl und Antonina Napp. Identitäten und Alteritäten. Band 20. Ergon Verlag. Würzburg, 2005. 556 p.

Lvova I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

WOMEN'S WRITING OF KARELIA: THE POETICS OF RAISA MUSTONEN'S SHORT STORIES

The article deals with the poetics of Raisa Mustonen's short stories in the context of the modern female prose of Karelia. It shows how the traditions of female narration are transformed in her creative work: the traditional plot about a woman's search for love is reinterpreted, which determines the specific features of Mustonen's poetics: composition, using a complex of stable motifs (including the motifs of escape, flight, etc.), the space and time organization of the text, symbolism and comic elements. The notion of the nature of women's searches become more complicated. The analysis is based on the stories written from 1990 to 2000 and the author's conversation with Raisa Mustonen.

Key words: women's writing, modern prose of Karelia, identity problem, narrator, grotesque

REFERENCES

1. Bocharova O. The formula of a woman's happiness. Notes on female romance novel. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1996. No 22. P. 292–302. (In Russ.)
2. Vorobyeva N. V. Female prose of the 1980s and the 2000s: dynamics, problems, poetics: Diss. ... Cand. Sci. (Philology). Perm, 2006. 257 p. (In Russ.)
3. Zvereva G. "Alien, self, other". Feminist and gender concepts in the intellectual culture of post-Soviet Russia. *Adam&Eva. Al'manakh gendernoy istorii*. Issue 2. Moscow, 2002. P. 238–278. (In Russ.)
4. Mishin A. I. Overview. *History of literature in Karelia*. Vol. 3. Ed. Y. I. Dyuzhev. Petrozavodsk, 2000. P. 361–370. (In Russ.)
5. Markova E. I. The image of a creative woman in the "triptych" of books, including *Peperuda* by R. Musonen, *The House for Thousands of Hearts* by G. Skvortsova and *Rains in Protochny Lane* by E. Oreshkina. *Gender v tvorchestve sovremennykh pisateley korennykh narodov Evropeyskogo Severa Rossii*. Petrozavodsk, 2005. P. 76–87. (In Russ.)
6. Writers of Karelia: bibliographic dictionary. Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Institute of Language and History; [Comp. by Y. I. Dyuzhev]. Petrozavodsk, Ostrova Publ., 2006. 304 p. (In Russ.)
7. Rovenskaya T. Female prose of the late 1980s and the early 1990s: problematics, mentality and identity: Abstract of Diss. ... Cand. Sci. (Philology). Moscow, 2001. 28 p. (In Russ.)
8. Savkina I. L. "Yes, a woman's soul should shine in the shade". *A wife who knew how to fly: prose of Russian and Finnish female writers*. Comp. and introduced by G. G. Skvortsova. Petrozavodsk, 1993. P. 389–404. (In Russ.)
9. Kolodny Annet: A map for rereading: Gender and the interpretation of literary texts // *The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature and Theory*. Ed. E. Showalter. N.-Y., 1985. P. 46–62.
10. Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um National und Gender in Deutschland und Russland / Herausgegeben von Elisabeth Cheaure, Regine Nohejl und Antonina Napp. Identitäten und Alteritäten. Band 20. Ergon Verlag. Würzburg, 2005. 556 p.

Поступила в редакцию 10.08.2018

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natshar@mail.ru

ДРАМА КАК ПУТЬ К ВЕРШИНАМ ДУХА. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ГЕНРИК ИБСЕН: К ИСТОРИИ ДИАЛОГА

Поднимаются вопросы рецепции, осмысления и трансформации сюжетно-образного и идейного слоев драм Генрика Ибсена Андреем Белым. На материале работ 1900–1910-х годов русского символиста представлены первые филологические интерпретации драматургии основоположника западноевропейской «новой драмы», а также прочерчена связь ранних произведений символистского периода Андрея Белого – через переключку образов и мотивов – с последним романом «Москва» (1926–1932). Акцент сделан на двух ключевых точках интерпретации творчества Г. Ибсена – теме рока и связанного с ним мотива горнего (духовного) восхождения героев. Интерпретации Андреем Белым сюжетно-образного пласта пьес именитого норвежца даны в контексте его оригинальной концепции драматического искусства в начале XX века и важнейшей символистской идеи – сопряжения жизни и творчества.

Ключевые слова: русская литература XX века, норвежская драматургия, вопросы рецепции, компаративистика, творчество Андрея Белого и Генрика Ибсена, творчество жизни, преобразование или пересоздание личности

Драматурга-норвежца, известного далеко за пределами скандинавской страны, Генрика Ибсена (1828–1906) с полным основанием называют создателем новой западноевропейской психологической и философской «драмы идей», драмы, во многом определившей художественный облик современной мировой драматургии [13], [14].

Драматургия Г. Ибсена имела большой резонанс как в Западной Европе, так и в России, став своего рода связующим мостом между романтизмом и реализмом, реализмом и символизмом, между традиционным театром и «новой драмой», вобрала в себя противоречия и идейные узлы предыдущих веков и века XX (индивидуальное и коллективное, художник и общество, долг перед обществом и собственное предназначение).

В свете нашей темы – литературных взаимодействий русской и скандинавской культур – следует оговорить, что интерес Г. Ибсена к русской литературе «золотого XIX века» был последовательным, влияние, к примеру, Ф. Достоевского и Л. Толстого на норвежского драматурга не раз становилось предметом анализа отечественных филологов и театроведов [14: 33–40].

Литературный XX век в лице ярчайших представителей Серебряного века воспринял именитого норвежца как «властителя дум», впитав и преобразив его идеи Третьего Царства, «грядущего царства духа» [2: 223] («Кесарь и Галилеянин»), Вечной женственности и «борьбы с троллями души» («Пер Гюнт»), образа «la femme fatale» («Гедда Габлер»), долга перед обществом и собственного предназначения («Строитель Сольнес», «Когда мы, мертвые пробуждаемся»).

Вынесенный в заголовок статьи *диалог* Андрея Белого и Генрика Ибсена не прихоть автора, а давно созревшая и актуальнейшая научная проблема. Безусловно, речь идет об одностороннем, но постоянном, особенно в ранний период, обращении Андрея Белого к творчеству этого норвежского «рудокопа духа» [2: 226]. В 1911 году в трактате «Кризис сознания и Генрик Ибсен» русский символист приводит комментарий одной из датских газет:

Он был, как сам себя обрисовал в одном из своих стихотворений, рудокопом, который своим тяжелым молотом пробивает себе путь вглубь – в самые недра жизни и души человеческой [2: 226].

Приведем для подтверждения строфу из стихотворения Г. Ибсена «Рудокоп»:

Нет, я дальше вглубь уйду,
Мир и вечность там найду.
Молот, путь тебе единый –
В сердце тайны, в мрак глубинный!¹

Модернисты в России (помимо античного и древнеславянского) тяготели к «северному», «варяжскому», «гиперборейскому»² мифу. Локус Север, северный этос, менталитет, характер получили актуализацию у символистов.

При обращении русских литераторов к наследию (драмам и поэзии) норвежского драматурга непременно возникали краски и приметы сдержанного северного локуса. Так, скандинавский природный ландшафт с его фьордами, ледниками, спадающими в водную гладь с горных круч водопадами увязывался в сознании символистов с чертами северного этоса (сдержанность,

скованность, суровость, холодность, некая отстраненность), но за всем этим кроется скрытая сила, рвущийся наружу огонь, обнаруживается проявление истинного северного менталитета³.

Приведем в подтверждение высказанного суждения наблюдения Андрея Белого. В своем поистине уникальном филологическом разборе произведений этого «патриарха новейшей драмы» [2: 161] писатель прочерчивал такой облик Г. Ибсена: «...холоден, мрачен», связывая его с локусом Север: «в подземных глубинах нашей земли холодно» [2: 226].

Андрей Белый связывает облик (лик) северного художника слова с композицией его драм:

Ибсен спокоен и сух: его спокойствие – земляная кора, под которой глухо грохочет вулкан: обычное для него спокойствие первых трех-четырёх актов разрывается взрывом последнего акта... [2: 226].

В России популярность Г. Ибсена достигла апогея в начале XX века и начала уже ослабевать в 1910-е годы. Так, Андрей Белый констатировал:

Мода на Ибсена в настоящее время уже кончилась; после эпохи увлечения Ибсеном пережили мы увлечение Метерлинком, Стриндбергом, Гофмансталем, Уайльдом... [2: 211].

«Мода» ушла, но, как писал далее русский символист, «он не пережит» [2: 211], поскольку «и вовсе мы Ибсена не знаем» [2: 212].

Под влиянием северного драматурга оказались Н. Бердяев, В. Розанов, Д. Мережковский, И. Анненский, В. Брюсов, К. Бальмонт и последующее поколение символистов – Андрей Белый и А. Блок. Представители русского Серебряного века откликнулись на «феномен Ибсена» переводами его драм, глубокими статьями о творчестве норвежского драматурга, в которых были намечены основные линии последующих филологических интерпретаций. Так, Н. А. Бердяев, назвав Г. Ибсена «духовным революционером», увидел в его драмах экзистенциальную «проблему личной судьбы и проблему конфликта творчества и жизни» [3: 211].

Можно с уверенностью констатировать, что творчество Генрика Ибсена в результате рецепции писателями и философами начала XX века сложившейся богатой исследовательской традиции, многочисленных сценических интерпретаций стало неотъемлемой частью отечественного литературоведения [10], [12] и современной театральной культуры [14], [15].

Новый толчок для развития темы «русского ибсенизма» дал 2006 год: 100-летие со дня ухода Г. Ибсена стало поводом для переиздания новых переводов драм «северного богатыря», тематических конференций, статей-обобщений и опытов компаративистского исследования [11], осмысления современных постановок пьес Ибсена как в России, так и на Западе [13], [15].

Отдельными самостоятельными темами, исследующими русскую переводческую традицию, вопросы рецепции мотивов, идей и тем норвежского драматурга, стали такие, как «Ибсен и старшие символисты» [4], «Ибсен и Блок» [5], [11], «Ибсен и Толстой» [14], «Ибсен и Достоевский» [14].

Фрагментарно тема «Ибсен и Андрей Белый» присутствует в исследованиях, в которых приведены важные свидетельства влияния и осмысления феномена «русского ибсенизма» [5], [11], хотя и не получила должного многогранного рассмотрения.

Вопросы рецепции и трансформации мотивов, идей, образов пьес Генрика Ибсена Андреем Белым остаются актуальными для филологической науки. В литературных симфониях⁴, в эстетических и филологических трактатах [6], особенно раннего периода, в переписке с братьями по перу [1] фигура норвежского драматурга и его герои предстают как воплощение главного постулата всего творчества Андрея Белого – «жизнь и есть одна из категорий творчества» [2: 154].

Воздействие драм Г. Ибсена, наряду с трудами Ф. Ницше и музыкальными драмами Р. Вагнера, оказалось наиболее действенным в период творческого становления Андрея Белого (а именно на рубеже веков).

Произведения норвежского драматурга вошли в круг чтения будущего писателя-символиста рано, став в том числе предметом разногласий между его родителями – отцом, профессором математики, деканом математического факультета Московского университета Н. В. Бугаевым и матерью, одаренной художественным вкусом А. Д. Бугаевой.

Он читает Чехова <...> негодует на дух отчаяния в Ибсене, хохочет над Метерлинком <...> я же в союзе с матерью прославляю Гамсуна⁵.

В дальнейшем уже сам писатель «организовывал вкусы матери». В Москве, на Арбате, 55⁶, где юный Боря Бугаев жил с родителями, соседями у них были брат философа В. С. Соловьева, М. С. Соловьев, и его жена. Чета Соловьевых сформировала эстетический горизонт будущего писателя-символиста.

...Вместе переживая Художественный театр... ходили на выставки Врубеля, Сомова, Левитана и на постановки драм Ибсена, Гауптмана и вместе читали Метерлинка⁷.

Первое серьезное погружение Андрея Белого в драматургию Г. Ибсена состоялось в гимназический период. В автобиографической трилогии русский символист так описывает этот «роковой день»:

...я, не сообразив последствий моего поступка, переступил черту; был мерзкий осенний дождь... оказавшись на Сенной площади перед читальней Островского,

я сказал себе: «Не случится ничего дурного, если я опоздаю на два глупых часа, ознакомившись с каталогом читальни»⁸.

Гимназист «натолкнулся» на драмы Г. Ибсена:

В каталоге оказались «Северные богатыри», «Гедда Габлер», «Нора» и «Праздник в Сольхауге» Ибсена; я спросил себе «Северных богатырей»; сел, открыл книгу: погиб!⁹

Воздействие на себя идей и персонажей драм северного драматурга Андрей Белый зафиксировал через глубинный для всего его творчества образ-символ: «Ибсен – взрыв бомбы во мне!»¹⁰

Личная (биографическая) ситуация, воспринятая писателем как «роковое событие», воплотится в слегка измененном виде в последнем романе-дилогии «Москва» (1926–1932). Митенька, тайно от отца, профессора Коробкина, признающего лишь точные науки, посещает читальню.

А Митя исчез – с перепугу: в гимназии не был неделю; он знал – буря ждет; будет изгнан с позором...¹¹

В разговоре с «объектом своих воздыханий» Лизашей Мандро Митенька признается:

...хожу на Сенную, в читальню Островского – знаю. Не посещаю гимназии: после приходится лгать, что в гимназии был.

– Ибсена драму прочел, – ту, которую Вы говорили.

– «Строителя Сольнеса»?

– Да (94).

Коробкин-младший, как и автор романа в гимназические годы, ждет законного возмездия, но директор гимназии Лев Петрович Веденяпин прощает ученика¹². От акта прощения и любви учителя в Мите Коробкине зарождается осознание себя. В параллель пережитому Митенькой появляется и образ восходящего над Москвой солнца, как символ преображения героя.

Фигура Ибсена, его герои становились своего рода «кодами» состояний, переживаний начинающего писателя. Так, вместе с друзьями-«аргонавтами» Андрей Белый совершал прогулки, которые

увенчивались восхождением на Иванову колокольню; я становился на перила испытать головокружение, называемое мной чувством Сольнеса¹³.

Упоминание имени Сольнеса отсылает нас к одноименной поздней драме Г. Ибсена «Строитель Сольнес» (1892). Сольнес в юности мечтал строить дома для Бога, взбравшись на построенную им башню после потери малолетних детей в пожаре, которых Бог отнял у него, чтобы, по словам героя, «...я был только строителем. И ничем больше» (695), произносит богоборческие слова:

Слушай меня, всемогущий! С этих пор я тоже хочу быть свободным строителем. В своей области, как ты в своей. Не хочу больше строить храмов тебе. Только семейные очаги для людей (695).

Приход к постаревшему Сольнесу Хильды, которая десять лет ждала его и была свидетельницей его знакового восхождения на башню, станет поворотным и одновременной финальным этапом жизни «свободного строителя». Вдохновляя и побуждая Сольнеса возвести для нее, для «принцессы», «чудесный, чудесный замок» и взойти вновь на построенную башню, Хильда тем самым толкает его к гибели (Сольнес срысывается с башни). Рефреном в пьесе звучат слова: «Юность – это возмездие».

Сольнес. Юность – это возмездие. Она идет во главе переворота. Как бы под новым знаменем (655).

Образы-состояния «чувство Сольнеса» и «падение Сольнеса с башни» обрамляют начало и конец творчества Андрея Белого. Так, в романе «Москва» героиня испытывает к отцу «бешеное поклонение» (70), именую его «богушкой» (90), «Сольнесом» (как Хильда у Г. Ибсена), Мандро для Лизаши был «источником всех совершенств» (89).

Пусть был коммерсантом; ей грезились Сольнес, строитель прекраснейшей жизни (Лизаша в те дни увлекалась Ибсеном)... (89).

Разоблачение отца в глазах Лизаши предстает через сравнение: «...рушился с башни как Сольнес» (205).

Символический абрис норвежского драматурга присутствует в литературных симфониях Андрея Белого.

В тот час в аравийской пустыне усердно рычал лев; он был из колена Иудина... Тут был и норвежский лев, чье рыкание раздражало покойницу, и толстокожий Емельян Однодум...¹⁴

Образ норвежского льва вырастает из подмеченного русским символистом сходства внешнего облика норвежского драматурга (убеленная сединами кудрявая шевелюра) и его центральным («царским») положением на литературной арене. «Рык» норвежского льва на покойницу Европу – метафора, шифрующая предпринятые Г. Ибсеном преобразования западноевропейского театра.

Образ Г. Ибсена-«льва» появляется вновь через двадцать два года в романе «Москва» и предстает как предмет неистовых увлечений героя, профессора Задопятава. Автор романа не без сарказма рисует портрет героя, который «принял» черты облика своего кумира:

Задопятав, соклассник, захаживал; после раздурлся в седовласую личность, строчащую все предисловия к Ибсену (Ибсен – норвежский рыкающий лев, окруженный прекрасною гривой седина)... (37).

В начале XX века выходят в свет две ключевые эстетико-филологические работы Андрея Белого – «Ибсен и Достоевский» (1905) и «Кризис сознания и Генрик Ибсен» (1911). В других статьях этого периода, таких как «Формы искусства» (1902), статье-некрологе «Генрик Ибсен»

(1906), «Театр и современная драма» (1908), Г. Ибсен предстает как создатель новой «символической драмы» [2: 161].

Г. Ибсен, согласно наблюдениям Андрея Белого, преодолел в своих пьесах «кризис сознания», разразившийся в полную силу на рубеже XIX–XX веков. Кризис коснулся глубинных основ человеческой природы (= сознания), таких как сознание и чувство, созерцание и воля, личность и общество, наука и религия, нравственность и красота [2: 210].

Именно противоречием (разрывом) между сознанием и чувством, между жизнью (практическим разумом) и творчеством продиктована, по мысли Андрея Белого, гибель Сольнеса, который, «строя дома для людей, он желает строить дома для Бога» [2: 236].

Современные теории познания на рубеже веков «требовали отрешения» от важнейшего звена познавательной деятельности, а именно от того, что Г. Ибсен воплотил трагедиями своих героев – жажду «*живого чувствования* в нас человеческого “Я”» [2: 210].

В статье «Театр и современная драма» (1908), апеллируя к античности, к этой колыбели театрального искусства, Андрей Белый выстроил теснейшую связь между *роком, драмой и творчеством* (шире – творчеством жизни). Тема рока, предопределенности пути героев, «детерминизм ибсеновских драм» [2: 230] – ключевые моменты в статьях Андрея Белого этого периода. Русский символист вычленяет в них главный идейный сюжет пьес Ибсена: «Изобразить борьбу человека с роком» [2: 153].

В основу драм Ибсена положена борьба человека с роком наследственности, с ошибками прошлого, с самим Всевышним. Год спустя в статье «Проблема культуры» данная тема будет продолжена: писатель-символист предрекал «преображение человеческой личности» через «преображение – в борьбе с роком» [2: 23].

Для раскрытия *темы борьбы с роком* Андрей Белый обращается в основном к четырем героям Г. Ибсена – Сольнесу («Строитель Сольнес», 1892), Рубеку («Когда мы, мертвые, пробуждаемся», 1899), Боркману («Йун Габриэль Боркман», 1896) и Бранду («Бранд», 1865). Все эти драмы объединяют конфликт между долгом и призванием, целью и средствами ее осуществления, тема отказа от любви и последующая расплата за это смертью или омертвлением героя. Все герои Г. Ибсена – «ученый, общественный деятель, художник, проповедник, мелкий служащий» – «проходят перед нами, и все они оказываются под знаком Рока» [2: 231].

Андрей Белый обращает внимание на построение драм Ибсена, тесным образом связанное с раскрытием *роковой* линии судьбы героев (постепенное раскрытие тайны прошлого героя, на-

стоящее – последствия этой тайны и/или преступления в глазах закона и мнения большинства).

Новаторским средством воссоздания прошлого героя символист считает не показ событий, а диалог. Ибсен, по слову Андрея Белого, плетет «тонкое кружево диалога», задача которого «ретроспективно развернуть перед нами всю жизнь героя, ибо вся их жизнь – трагедия» [2: 230].

Многие положения статьи еще не оценены по достоинству, не осмыслены в полной мере в современном литературоведении. Так, к примеру, автор статьи подчеркивает, что герои сами говорят о своем прошлом «немотой, жестами, часто незначащими словами», а всегда, когда «начинают они говорить, то говорят о прошлом» [2: 230].

Ибсен у Андрея Белого – мастер полутонов.

События подготавливаются у него полутонами; он накладывает полутон на полутон, подготавливая то или иное событие, ту или иную реплику... [2: 232].

Проблематика пьес Г. Ибсена строится, по мысли Андрея Белого как интерпретатора, вокруг двух важнейших символов или мотивов – мотива восхождения (Сольнес) и мотива долга (Бранд), которые входят в одно семантическое поле: восхождение на гору – это всегда «путь к вершинам духа». Сокрытое и постепенно проясняющееся прошлое приводит героев драм Ибсена к гибели, причем смерть наступает в момент наивысшего пика их жизни (восхождения на гору или башню). Сама гибель наступает словно бы случайно: от снежной лавины (Бранд), от разрыва сердца (Брокман), от падения с башни (Сольнес).

Неслучайность этой гибели вскрывает автор статьи. Все герои, по мысли Андрея Белого, «погибли – давно, до начала разворачивающихся событий» [2: 231]. За этим тонким филологическим анализом драм Ибсена обнаруживает себя иной уровень понимания текста, символист Андрей Белый прочитывает поступки героев норвежского драматурга в контексте важнейшей эстетической идеи именно русского символизма, идущей от Вл. Соловьева, – *теургического понимания искусства и преобразования жизни через прикосновение к драме*.

Образам-«призракам» Лиру, Офелии, Гамлету актер, по словам Андрея Белого, словно «загипнотизированный», «отдает... свою личную жизнь» [2: 153]. Зритель в свою очередь, видя их на сцене, «заражается как лихорадкой» *«творчеством жизни, высокой и важной»* [2: 153]. Для актеров и для зрителей «творческая идея становится... жизнью более ценной, нежели данная им жизнь» [2: 153]. Только соприкоснувшись с драмой, человек пробуждается от сна, от «сна нашего бездействия»:

И смутное закрадывается в душу предчувствие, что жизнь не жизнь, и что мы, как драматурги, ее творим [2: 154].

Театр в лоне символизма перестает восприниматься в узких рамках сценического искусства, сфера его влияния распространяется шире – на саму жизнь. Драма – переходный этап, она лишь форма искусства, которую сменит творчество жизни: «Люди станут собственными своими художественными формами» [2: 155].

Как провозглашает Андрей Белый, предназначение искусства драмы – «содействовать преображению человека в таком направлении, чтобы он сам стал творить свою жизнь...» [2: 153].

Человеку дарована роль, которую он должен воплотить, поднявшись к творчеству и став драматургом собственной жизни. «Жизнь станет драматическим произведением» [2: 154] – таков пафос и рефрен всех статей Андрея Белого символистского периода.

При всей многоликости и многогранности восприятия символистами наследия Г. Ибсена главным является «идея житнетворческого синтеза», конечная цель которого – «преображение человеческой личности» [2: 22].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ибсен Г. Драмы. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1972. С. 774. В дальнейшем ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.
- ² Гиперборея – «в греческой мифологии народ, живущий на крайнем севере, за “Борею”» [7: 155].
- ³ Тема представлена в статье Н. Ю. Грякаловой [6].
- ⁴ Белый А. Симфонии. Л.: Худож. лит., 1991. 525 с. (Забытая книга). В дальнейшем ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.
- ⁵ Белый А. Начало века. Воспоминания: В 3 кн. / Под ред.: В. Вацура, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М.: Худож. лит., 1990. Кн. 2. С. 20. (Литературные мемуары).
- ⁶ В настоящее время здесь располагается «Мемориальная квартира Андрея Белого».
- ⁷ Белый А. Начало века. Воспоминания. С. 20.
- ⁸ Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. Кн. 1. С. 318.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 319.
- ¹¹ Белый А. Москва / Под ред. С. И. Тиминой. М.: Сов. Россия, 1989. С. 111. В дальнейшем ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.
- ¹² Здесь «зашифрована» знаменитая классическая гимназия Льва Иванович Поливанова, в которой учился сам А. Белый.
- ¹³ Белый А. На рубеже двух столетий. Кн. 1. С. 27.
- ¹⁴ Белый А. Симфонии. С. 150.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
3. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, 1994. Т. 2. 511 с.
4. Грачева А. М. Ибсен и старшие символисты // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте: Материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 9–10 октября 2006 г.). СПб.: Пушкинский Дом, 2007. С. 44–57.
5. Гроховская Н. А. Ибсен в статьях Блока и Белого 1905–1908 годов: к проблеме комментирования прозы Блока // Шахматовский вестник. Вып. 9. М., 2008. С. 205–212.
6. Грякалова Н. Ю. «Рудокопы духа»: русский ибсенизм сквозь призму северного модерна // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 7 (160). Т. 1. С. 88–94.
7. Мифология / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 736 с.
8. Молчанова Н. А. Ибсен в художественном сознании К. Д. Бальмонта // Вестник Воронежского государственного университета. 2014. № 4. С. 34–38.
9. Спивак М. Л., Наседкина Е. В. Пути вещей: как собиралась коллекция «Мемориальной квартиры Андрея Белого» // Андрей Белый: память о памяти. Мемориальные вещи, рисунки, автографы, книги, портреты из собрания «Мемориальной квартиры Андрея Белого» (филиал Государственного музея А. С. Пушкина) / Отв. ред. М. Л. Спивак; Сост.: М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская. М.: ПК Галерея, 2015. С. 155–166.
10. Судья и строитель. Писатели России и Запада о Генрике Ибсене / Сост. и автор предисл. Б. А. Ерхов. М.: Рудомино, 2004. 528 с.
11. Толмачев В. М. А. Блок и Х. Ибсен: опыт компаративистского исследования // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III. Филология. 2016. Вып. 2 (47). С. 43–61.
12. Храповицкая Г. Н. Некоторые аспекты восприятия ибсеновского «символизма» в России начала XX века // Филологические науки. 1995. № 2. С. 43–52.
13. Шарапенкова Н. Г. Драма Г. Ибсена «Пер Гюнт»: современное прочтение в постановке театра «Ленком» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 7 (160). Т. 2. С. 78–82.
14. Юрьев А. А. Ибсен и русская культура XIX в. // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте: Материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 9–10 октября 2006 г.). СПб.: Пушкинский Дом, 2007. С. 29–43.
15. Weme Nilsen I. Ibsen today: A short analysis of three theatrical productions // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте: Материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 9–10 октября 2006 г.). СПб.: Пушкинский Дом, 2007. С. 203–210.

Sharapenkova N. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

DRAMA AS A WAY TO THE HEIGHT OF SPIRIT. ANDREI BELY AND HENRIK IBSEN: THE HISTORY OF THE DIALOGUE

The questions of reception, reflection and transformation of the narrative-figurative and ideological layers of Henrik Ibsen's dramas by Andrei Bely are raised in the article. The first philological interpretation of the drama of the founder of the West-European "new drama" is given in the article on the basis of the Russian symbolist's works. Apart from that, the link between the early works of Andrei Bely in the symbolist period and the last novel *Moscow* (1926–1932) is drawn through the interchange of images and motifs. The emphasis is placed on two key points of the interpretation of Ibsen's creativity: the subject of the fate and the associated motif of the mountain (spiritual) ascent of characters. Andrei Bely's interpretations of the narrative-figurative layer of plays by an eminent Norwegian writer are presented in the context of his original concept of dramatic art in the early twentieth century and a crucial symbolist idea – the alignment of life and creativity.

Key words: Russian literature of the 20th century, Norwegian drama, questions of reception, comparative literature, oeuvre of Andrei Bely and Henrik Ibsen, creativity of life, transformation or rebuilding of personality

REFERENCES

1. Andrei Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2001. 608 p. (In Russ.)
2. Bely A. Symbolism as a worldview. Moscow, Respublika Publ., 1994. 528 p. (In Russ.)
3. Berdyaev N. A. The philosophy of creativity, culture and art. Moscow, Iskustvo Publ., 1994. Vol. 2. 511 p.
4. Gracheva A. M. Ibsen and older symbolists. *The works of Henrik Ibsen in the global cultural context: Proceedings of the International Conference (Saint-Petersburg, 9–10 October 2006)*. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. P. 44–57. (In Russ.)
5. Grohovskaya N. A. Ibsen in Blok's and Bely's articles of 1905–1908: the problem of commenting on Blok's prose. *Shakmatovskiy Bulletin*. Issue 9. Moscow, 2008. P. 205–212. (In Russ.)
6. Gryakalova N. Yu. "Miners of the spirit": the Russian Ibsenism through the prism of the northern modern art. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities*. 2016. Vol. 1. № 7 (160). P. 88–94. (In Russ.)
7. Mythology. Ed. by E. M. Meletinsky. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya Publ., 2003. 736 p. (In Russ.)
8. Molchanova N. A. Ibsen in the artistic consciousness of Konstantin Balmont. *Proceedings of Voronezh State University*. 2014. № 4. P. 34–38. (In Russ.)
9. Spivak M. L., Nasedkina E. V. The ways things go: how the collection of Andrei Bely's memorial apartment was gathered. *Andrei Bely: the memory of memory. Memorial things, pictures, autographs, books, portraits from the collection of Andrei Bely's memorial apartment (branch of the Pushkin State Museum)*. Ex. ed. M. L. Spivak; Comp.: M. L. Spivak, E. V. Nasedkina, I. B. Delektorskaya. Moscow, PK Galeriya Publ., 2015. P. 155–166. (In Russ.)
10. The judge and the builder. Writers of Russia and the West on Henrik Ibsen. Ed. and introduced by B. A. Erhov. Moscow, Rudomino Publ., 2004. 528 p. (In Russ.)
11. Tolmachev V. M. Alexander Blok and Henrik Ibsen: experience of comparative research. *St. Tikhon's Orthodox University Bulletin*. Series III. Philology. 2016. Issue 2 (47). P. 43–61. (In Russ.)
12. Hrapovitskaya G. N. Some aspects of perception of Ibsen's "symbolism" in Russia in the early 20th century. *Philological Sciences*. 1995. No 2. P. 43–52. (In Russ.)
13. Sharapenkova N. G. Henrik Ibsen's play *Peer Gynt*: a modern interpretation in the performance by Lenkom Theatre. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities*. 2016. № 7 (160). Vol. 2. P. 78–82. (In Russ.)
14. Yuriev A. A. Ibsen and Russian culture of the 19th century. *The works of Henrik Ibsen in the global cultural context: Proceedings of the International Conference (Saint-Petersburg, 9–10 October 2006)*. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. P. 29–43. (In Russ.)
15. Weme Nilsen I. Ibsen today: a short analysis of three theatrical productions. *The works of Henrik Ibsen in the global cultural context: Proceedings of the International Conference (Saint-Petersburg, 9–10 October 2006)*. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. P. 203–210.

Поступила в редакцию 18.04.2018

ВИКТОРИЯ БОРИСОВНА БАКУЛА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и массовых коммуникаций, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Российская Федерация)
museum-vs@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КОЛЬСКОГО СЕВЕРА: СААМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Литературное пространство Кольского Севера традиционно представлено поморской культурой, сложившейся на протяжении XX века, и саамской культурой, которая является самой древней на Кольском полуострове. Однако литература саамов заявила о себе относительно недавно. Литература российских саамов (или восточно-саамская литература) – одна из самых молодых, мало изученных и мало известных финно-угорских литератур. Этим объясняется актуальность и новизна исследования. Под восточно-саамской литературой мы подразумеваем литературу российских саамов на саамском и русском языках. История ее становления неразделима как с историей саамской письменности, о создании которой известно несколько попыток, так и с судьбой коренного народа, отражающей исторические перемены в стране. Официально рождение литературы российских саамов на саамском языке связано с появлением письменности на кильдинском диалекте в 1982 году, однако саамская литература на русском языке заявила о себе много раньше. На становление саамской литературы большое влияние оказали саамский фольклор и русская классическая литература. Это влияние прослеживается на уровне жанров, тем, проблем, мотивов, образов произведений. Национальное своеобразие саамской литературы создается сочетанием фольклорных мотивов, традиций русской классической литературы и современной проблематики.

Ключевые слова: финно-угорская литература, поморский фольклор, литература саамов, саамская письменность

Литературное пространство Кольского Севера отражает исторически сложившиеся культуры разных этнических групп. Традиционно оно представлено поморской культурой, сложившейся на Кольском полуострове на протяжении XX века, и саамской культурой, которая является самой древней на полуострове [8: 18, 19].

Истоком поморской культуры является фольклор, который к XVIII веку сложился в единую целостную художественную систему [9: 3]. Основой культуры Кольского Заполярья XX века является литература о крае как приезжавших на Север до революции и после писателей и этнографов, так и литература тех, кто родился и вырос на Мурмане.

Самой древней на Кольском полуострове является саамская культура, однако литература коренного народа Севера заявила о себе относительно недавно, именно поэтому она является одной из мало изученных и мало известных финно-угорских литератур [5: 290]. Кроме того, вопрос о месте литературы российских саамов в финно-угорском, российском и мировом литературном процессе не освещен. Все это определяет новизну и актуальность исследования. Статья не претендует на освещение данного вопроса в полном объеме, а лишь рассматривает место саамской литературы в литературном пространстве Кольского Севера.

Под литературой российских саамов (восточно-саамской литературой) мы подразумева-

ем литературу на саамском и русском языках. История ее становления, как и история становления других финно-угорских литератур, неразделима с историей письменности [10: 128]. Из всех попыток создания алфавита¹ успехом увенчалась последняя (1979), которая связана с именем А. А. Антоновой и подготовкой ею Букваря (1982) и книг для чтения. Алфавит А. Антоновой положен в основу современного письменного кильдинского языка, который наиболее распространен на территории Кольского Заполярья и достаточно хорошо сохранился. На нем написана большая часть художественных произведений, учебно-методической литературы, словарей. Литературы на иокангском диалекте (диалект первой книги О. Вороновой на саамском) сегодня не существует в силу объективных и субъективных причин².

Литература российских саамов заявила о себе вначале на русском языке сборником стихов Аскольда Бажанова «Солнце над тундрой» (1983), вслед за этим – на саамском (на иокангском диалекте) сборником стихов Октябрины Вороновой «Ялла» (1990).

Аскольд Бажанов (1934–2012) стал печататься с 1965 года на страницах районной газеты «Ловозерская правда», писал на русском языке. Он автор пяти книг: сборника стихов «Солнце над тундрой» (1983), повести «Белый олень» на саамском и северо-саамском (1996), на русском языке (2007), сборника стихов «Стихи и поэмы

о саамском крае» (2009) на английском и русском языках [1: 80]. Октябрьина Воронова (1934–1990) – член Союза писателей СССР, первая саамская поэтесса, автор десяти книг: трех книг «Ялла» (1989, 1993, 1996) на саамском и русском, коми и саамском, ненецком и русском; сборников стихов на русском языке «Снежница» (1986), «Вольная птица» (1987), «Чаккли» (1989), «Тайна Бабьего озера» (1995), «Поле жизни» (1995), «Хочу остаться на земле» (1995), «Чем ты притягиваешь, Родина» (1999). Она писала на саамском (иокангском диалекте), ее стихи известны нам в переводах прежде всего мурманского поэта В. Смирнова [1: 22].

В 1986 году в Ловозере было организовано первое саамское литературное объединение, в которое вошли О. Воронова, А. Бажанов, А. Антонова, Л. Авдеева, Е. Коркина, П. Конькова, М. Медведева и Ф. Клещев. Объединение получило символическое название «Кяййн», что значит «Путь» [6: 14], однако как писатели стали известны только О. Воронова, А. Бажанов, А. Антонова, Е. Коркина, М. Медведева.

Творчество А. Бажанова положило начало национальной литературе на русском языке, а творчество О. Вороновой – на родном саамском. В дальнейшем оба направления развивались неравномерно, что было связано с положением саамского языка на территории Заполярья. Так, сегодня к пишущим и писавшим на саамском языке относятся О. Воронова, А. Антонова, И. Виноградова, С. Якимович, Е. Коркина, О. Перепелица. Пробует писать Э. Галкина, пишет Антонина Антонова, остальные создавали и создают свои произведения на русском. На кильдинский диалект их переводила Александра Андреевна Антонова – ученый, создатель саамских учебников, педагог, видный общественный деятель, радиожурналист, публицист, переводчик как художественной, так и духовной литературы, поэтесса. В переводах А. Антоновой на саамском языке появляются книги А. Бажанова, Н. Большаковой, И. Матрехина и др. Она один из авторов книги «Сергей Есенин на саамском» (2008), единственная, кто переводил на саамский язык духовную литературу: в 1996 году в Финляндии вышла в свет Библия для детей – «Исус паррнэ каннъц» на кильдинском диалекте саамского языка, в 2009 году она перевела Евангелие от Матфея, в рукописи хранится переведенное ею «Житие Трифона Печенгского». На 82-м году жизни А. Антонова перевела на кильдинский саамский книгу А. Линдгрена «Пеппи Длинный чулок». Она автор шести книг: «Моя боль» (1997), «Ялла» (1997), «Струны сердца» (2007), «Стихи для детей» (2007) – на русском; «Пирас» (2004) и «Кутък кэбп» (2004) – на саамском и северо-саамском. Вклад А. Антоновой в становление литературы кольских саамов огромен.

В имеющихся литературных энциклопедиях и справочниках нет достаточной информации как о литературном процессе российских саамов, так

и о творчестве саамских писателей. Между тем в 2012 году вышла в свет «Антология саамской литературы», где впервые представлены все саамские литераторы на то время – восемнадцать прозаиков и поэтов (2012). Для коренного народа Севера, численность которого составляет по переписи 2010 года 1771 человек, это не мало.

В «Антологии...» достаточно полно представлено творчество самобытной саамской сказительницы, поэтессы, прекрасно знавшей свой родной язык и фольклор, – Софьи Якимович (1940–2006). В литературу С. Якимович пришла поздно, будучи на пенсии, однако это не помешало ей оставить свой след в саамской литературе. Она автор двух книг: «Праздник медведя» (1999) на русском языке, «Моджесь Наст» (1999) на саамском и северо-саамском. Стихи ее, положенные на музыку композитором Алексеем Шамшурой, вышли в книге «Саамские напевы» (2000). Софья – один из авторов книги «Сергей Есенин на саамском» (2008). В журнале «Наука и бизнес на Мурмане» в серии «Культура саамского народа» (2007) опубликованы сказки Якимович на русском языке в обработке Н. Большаковой. Стихи Якимович напечатаны в коллективном сборнике «Здесь начинаются дороги» (1999, 2001), в сборнике песен «Спешит в Ловозеро оленевод» (2007). В художественной картине мира С. Якимович воплощены мировоззренческие особенности, менталитет предков саамов, а основу поэтики сказок Якимович составляет мифологическое мышление самой сказительницы.

Вклад писателей в саамскую литературу различен: есть авторы одного стихотворения – Николай Кузнецов (Матрехин) и Гавриил Юшков. Самым плодовитым саамским литератором является Надежда Большакова – член Союза писателей России, творчество которой представлено сказками, рассказами, повестями, публицистикой, научно-популярной литературой, работами по культуре края. Ее перу принадлежит первый в литературе восточных саамов роман – «Алхалалалай» (2003). В 2016 году вышел второй ее роман – «Письма в школьных тетрадках». Н. Большакова – создатель и хранитель уникального литературного музея – Музея саамской литературы и письменности имени Октябрьины Вороновой (1994 год, п. Ревда).

Истоком саамской литературы является саамский фольклор, который испытал определенное воздействие поморского фольклора, в то же время на становление саамской литературы большое влияние оказала русская классическая литература. Это влияние прослеживается на уровне жанров, тем, проблем, мотивов, образов произведений. Так, первой книгой Н. Большаковой стал сборник сказок «Подарок чайки», который имеет мифофольклорную основу. Влияние фольклора ощутимо и в романе «Алхалалалай». В то же время роман «Письма в школьных тетрадках» написан в традициях русской классической литературы. Фольклорная традиция определяет

особенность художественного мира в сказках Надежды Фениной. Ее «Сказка о Севере» – сознательная трансформация известных ей с детства мифов, сказок, песен и легенд. Тесную связь с фольклором обнаруживают сказки С. Якимович, Э. Галкиной. Фольклорными мотивами и образами пронизана поэзия О. Вороновой. В то же время поэзия Александры Антоновой, Ивана Матрехина обнаруживает гражданские мотивы. Особняком стоит поэтическое творчество Михаила Филиппова, в котором ярко чувствуется влияние русского авангарда. В стихах Михаила отражено непривычное и нетрадиционное для саамской культуры видение мира, он экспериментирует с формой, создает экстравагантные образы, зачастую эпатуруя читателя.

С точки зрения литературных родов саамская литература представлена поэзией и прозой, драматургии на сегодняшний день не существует. Однако известен опыт создания драматургического произведения – двухактная пьеса на саамском языке «Сийтшурьмусс» («Председатель сельсовета»), написанная в 1926 году студентом Института народов Севера [12: 83–84].

Проза российских саамов представлена достаточно большим спектром жанров: публицистическим и художественным очерком (Н. Большакова), обработанной народной сказкой (Н. Большакова, П. Юрьев), литературной сказкой (Н. Фенина, Н. Большакова, С. Якимович), рассказом (В. Чернышихин, Н. Большакова, М. Медведева), большое место занимает мемуарно-автобиографический жанр (Н. Большакова, М. Медведева, О. Перепелица, Н. Миронова и др.), в меньшей мере представлена повесть (А. Бажанов, Н. Большакова), сегодня уже есть два романа (Н. Большакова).

Главными темами саамской литературы являются тема родной природы, тема памяти, детства. Это характерно для писателей разных поколений. Ярko выражен в их творчестве мотив утраты родного дома, обращенность в прошлое. В некоторых произведениях прослеживается философское осмысление действительности.

Саамская детская литература представлена поэзией и прозой как на саамском, так и на рус-

ском языках. Основоположниками ее можно по праву назвать А. Бажанова и О. Воронову. Детские стихи писали также А. Антонова, И. Виноградова, Э. Галкина, П. Данилова, К. Коркина, О. Перепелица, С. Якимович.

В детской литературе саамов можно выделить несколько групп на основании возраста читателя: дошкольный возраст (стихи Е. Коркиной, сказки Н. Большаковой, С. Якимович), школьный возраст (стихи О. Вороновой, С. Якимович, Э. Галкиной) и юношеский (повесть А. Бажанова «Белый олень»). Тематику детских стихов являются родная природа, традиционные народные занятия, школьная жизнь. Любимыми образами саамских поэтов являются образы животных и родной природы, поэтому стихотворения зачастую так и называются: «Большой медведь», «Гагара» И. Виноградовой, «Олененок», «Морошка» Э. Галкиной, «Медвежонок», «Забывший пес» П. Даниловой, «Сосна», «Ручеек» А. Антоновой, «Котенок», «Собачка» О. Перепелицы. Прозаические произведения для детей представлены жанрами рассказа и сказки (Н. Большакова, Э. Галкина, С. Якимович), повестью А. Бажанова «Белый олень». Приключенческие жанры и фантастика, исторические и научно-познавательные жанры в детской саамской литературе отсутствуют.

Литература российских саамов имеет матриархальную направленность (писатели в основном женщины) [4: 7–11], для произведений восточных саамов свойственен автобиографизм, философичность и тонкий юмор [2], [3: 225], [7: 20], [11: 150].

Литература саамов – важная составляющая литературного пространства Кольского Севера. Возникнув в последней трети XX века, она находится в процессе развития [14], вбирая в себя традиции фольклора и классической литературы. Феномен литературы российских саамов еще не получил достаточного освещения в научных исследованиях как российских, так и зарубежных ученых, между тем ее уникальность, которая определяется самобытной культурой народа и органической связью с историческими судьбами своей страны, не вызывает сомнений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы по развитию языков и письменности народов Севера в Мурманском округе. Вып. 1. Мурманск: Издание Комитета Нового Алфавита, 1934. С. 4.

² До недавнего времени на территории Кольского полуострова язык восточных саамов был представлен четырьмя диалектами: кильдинским, иокангским, бабинским и нотозерским, степень сохранности и статус которых неоднородны. Носителей бабинского диалекта саамского языка осталось 1–2, иокангским диалектом владеют около 20 носителей, нотозерским – около 20, кильдинским – около 700. Не все из них являются активными носителями языка, то есть «свободно говорят на саамском языке как на первом или втором языке, используют саамский язык естественно, в быту на всех уровнях общения». Активных носителей кильдинского диалекта менее 100 человек, иокангского – 1–2, активных носителей нотозерского и бабинского не осталось. Подробно о ситуации с саамскими диалектами пишет исследователь восточных диалектов Э. Шеллер (Норвегия) [13], [15: 396], [16], [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология саамской литературы / Авт.-сост. Н. П. Большакова, В. Б. Бакула; Авт. вступ. ст. Н. П. Большакова. Мурманск: Опимах, 2012. 384 с.
2. Бакула В. Б. Мемуарно-автобиографическая проза саамских писателей // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2016. № 4 (40). С. 210–222.
3. Бикмухаметов Р. Г. Утверждение личности // Нанайская литература: Сборник. М.: Литературная Россия, 2002. С. 225–233.
4. Большакова Н. П. Саамской литературе – 15 лет // Наука и бизнес на Мурмане. 2005. № 5. С. 7–24.

5. Домокош П. Этот удивительный мир // *Ненецкая литература: Сборник* / Сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 290–303.
6. Керт Г. М. Проблемы возрождения, сохранения и развития языка и культуры кольских саамов // *Наука и бизнес на Мурмане*. 2007. № 5. С. 9–16.
7. Огрызко В. Литература отчаяния и надежды // *Хантыйская литература: Сборник*. М.: Литературная Россия, 2002. С. 3–29.
8. Пантелеева Л. Т. Литературное краеведение в теории и практике школ Мурманской области // *Наука и образование: Вестник Мурманского отделения Академии педагогических и социальных наук и МГПИ*. Мурманск, 2001. № 2. С. 17–25.
9. Пантелеева Л. Т., Лявданский Э. К. Храни огонь родного очага. Мурманск: Мурманский государственный педагогический институт, 1993. 118 с.
10. Полторацкий И. С., Силантьев И. В., Широбокова Н. Н. Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур // *Сибирский филологический журнал*. 2013. № 4. С. 124–131.
11. Соколова З. Мир многоцветен // *Хантыйская литература: Сборник*. М.: Литературная Россия, 2002. С. 150–151.
12. Черняков З. Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi: Университет Лапландии, 1998. 129 с.
13. Шеллер Э. Ситуация саамских языков в России // *Наука и бизнес на Мурмане*. 2010. № 2. С. 15–27.
14. Domokos J. Bazhanov's poetical journey as a typical example for an East Saami author // *Бажанов А. А. Стихи и поэмы о саамском крае = Verses & poems on the Saami land / English translation by Naomi Caffee; With an essay by Johanna Domokos*. Berlin: Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität, 2009. P. 186–189.
15. Scheller E. Kola Sami language revitalization – opportunities and challenges // *L'Image du Sápmi II / Textes réunis par Kajsa Andersson*. ÖREBRO UNIVERSITY, 2013. P. 392–421.
16. Scheller E. The Sami Language Situation in Russia // *Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities*. Uralica Helsingiensia 5. Helsinki, 2011. P. 79–96.
17. Scheller E. Kola Sami language revitalisation – opportunities and challenges // *Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities*. Uralica Helsingiensia. 2011. № 5. P. 392–394.

Bakula V. B., Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation)

LITERARY SPACE OF THE KOLA NORTH: THE SAMI LITERATURE

The literary space of the Kola North is traditionally represented by the Pomor culture, formed during the 20th century, and the Sami culture, the oldest on the Kola Peninsula. However, the Sami literature is relatively young. The Russian Sami (or the Eastern Sami) literature is one of the youngest, least studied and least known Finno-Ugric literatures. This explains the relevance and novelty of the study. By the “Eastern Sami literature” we mean the Russian Sami literature in the Sami and the Russian languages. The history of its formation is inseparable both from the history of the Sami written language, which was attempted several times, and from the fate of the indigenous people, which has reflected historical changes in the country. Formally, the birth of the Russian Sami literature in the Sami language is associated with the formation of the Kildin dialect in 1982; however, the Sami literature in Russian had appeared much earlier. The formation of the Sami literature was greatly influenced by the Sami folklore and Russian classical literature. This influence can be traced through genres, themes, problems, motifs, and literary images. The national identity of the Sami literature is determined by a combination of the folklore motifs, Russian classical literature traditions and contemporary issues.

Key words: Finno-Ugric literature, the Pomor folklore, the Sami literature, the Sami written language

REFERENCES

1. Anthology of the Sami literature. Murmansk, Opimakh Publ., 2012. 384 p. (In Russ.)
2. Bakula V. B. Memoirs and autobiographical prose of Sami writers. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. Saransk, 2016. No 4 (40). P. 210–222. (In Russ.)
3. Bikmuhametov R. G. Confirmation of personality. *Nanayskaya literatura: Sbornik*. Moscow, Literaturnaya Rossiya Publ., 2002. P. 225–233. (In Russ.)
4. Bolshakova N. P. Fifteen years of the Sami literature – 15 years. *Nauka i biznes na Murmane*. 2005. No 5. P. 7–24. (In Russ.)
5. Domokosh P. This wonderful world. *Nenetskaya literatura: Sbornik*. Moscow, Literaturnaya Rossiya Publ., 2003. P. 290–303. (In Russ.)
6. Kert G. M. Problems of the revival, preservation and development of language and culture of the Kola Sami language and culture. *Nauka i biznes na Murmane*. 2007. No 5. P. 9–16. (In Russ.)
7. Ogrzyzko V. Literature of despair and hope. *Khantyyskaya literatura: Sbornik*. Moscow, Literaturnaya Rossiya Publ., 2002. P. 3–29. (In Russ.)
8. Panteleeva L. T. Local literary studies in the theory and practice of the Murmansk Region school teaching. *Nauka i obrazovanie: Vestnik Murmanskogo otdeleniya Akademii pedagogicheskikh i sotsial'nykh nauk i MGPI*. Murmansk, 2001. No 2. P. 17–25. (In Russ.)
9. Panteleeva L. T., Ljavidanskij Je. K. Keep the hearth of your home burning. Murmansk, Murmanskij gosudarstvennyy pedagogicheskij institut Publ., 1993. 118 p. (In Russ.)
10. Poltorackij I. S., Silant'ev I. V., Shirobokova N. N. Some theoretical aspects of the study of the newly written literatures study. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2013. No 4. P. 124–131. (In Russ.)
11. Sokolova Z. The world is multicolored. *Khantyyskaya literatura: Sbornik*. Moscow, Literaturnaya Rossiya Publ., 2002. P. 150–151. (In Russ.)
12. Chernyakov Z. E. Ethnographic essays on the Sami. Rovaniemi, Universitet Laplandii Publ., 1998. 129 p. (In Russ.)
13. Scheller E. The Sami language situation in Russia. *Nauka i biznes na Murmane*. 2010. No 2. P. 15–27. (In Russ.)
14. Domokos J. Bazhanov's poetical journey as a typical example of an East Saami author. *Бажанов А. А. Стихи и поэмы о саамском крае = Verses & poems on the Saami land / English translation by Naomi Caffee; With an essay by Johanna Domokos*. Berlin: Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität, 2009. P. 186–189.
15. Scheller E. Kola Sami language revitalization – opportunities and challenges. *L'Image du Sápmi II / Textes réunis par Kajsa Andersson*. ÖREBRO UNIVERSITY, 2013. P. 392–421.
16. Scheller E. The Sami Language Situation in Russia. *Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities*. Uralica Helsingiensia 5. Helsinki, 2011. P. 79–96.
17. Scheller E. Kola Sami language revitalisation – opportunities and challenges. *Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities*. Uralica Helsingiensia. 2011. № 5. P. 392–394.

Поступила в редакцию 30.03.2018

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КУНДОЗЕРОВА

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора фольклористики с фонограммархивом Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

maria.vlasova@mail.ru

ТУОНЕЛА: ИНОЙ МИР В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ МИРОЗДАНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЭПОСА*

Рассматриваются представления о мифической стране Туонеле карельского эпоса, о ее месте в карельской картине мира на основе текстов эпических рун. Выявляются особенности локализации мифического топоса, дается характеристика обитающих в нем персонажей, представлены семантические интерпретации образов и мотивов. Используется метод текстологического и структурно-семантического анализа фольклорного произведения. В качестве материала исследования привлекаются тексты произведений калевальской метрики, или рун, собранные в разные годы в Карелии и опубликованные в нескольких сборниках. Актуальность и новизна исследования обуславливается отсутствием в отечественной фольклористике специальных работ по топографии мифических стран карельского эпоса. Впервые образ Туонелы стал объектом самостоятельного изучения с привлечением всех выявленных текстов карельских рун. Проведенное исследование показало, что Туонела аккумулирует в себе представления о потустороннем мире, далеком крае, царстве мертвых, которое не только локализуется в горизонтальной плоскости за водоразделом, но и имеет некоторые признаки соотнесенности с подземным миром, что указывает на вертикальную структуру мироздания. Ключевые слова: Туонела, Манала, Антеро Випунен, потусторонний мир, загробное царство, водораздел, карельский эпос, карельские руны

Карельский эпос содержит весьма обширную топографию мифических стран, куда с той или иной целью отправляются эпические герои. Мифические страны могут упоминаться в текстах рун эпизодически, а некоторым из них посвящены целые сюжеты. Одним из таких сюжетов является «Путешествие в Туонелу», согласно которому эпический герой предпринимает опасное путешествие в иной мир с целью добыть магические слова или инструменты, недостающие ему для завершения строительства лодки или починки «песенного полоза». С данным сюжетом преемственно связанным оказывается и сюжет «Путешествие к Випунену»: имеются в виду те загрязненные варианты, когда давно почивший в земле предок Антеро Випунен, к которому отправляется герой добывать необходимые для строительства лодки знания, локализуется в Туонеле. Рассмотрению этих сюжетов посвящена данная статья.

В качестве материала исследования привлекаются тексты произведений калевальской метрики, или рун, собранные в Карелии. Всего выявлено 48 текстов из опубликованных источников (SKVR¹, КЭП², КФНЭ³, ККР⁴). Сюжет о путешествии в Туонелу был распространен преимущественно среди беломорских карелов (45 северно-карельских, 2 южных и 1 приладожский текст). Рассматриваемые тексты были записаны в основ-

ном в 1820–1830-е, 1870-е годы и представляют собой довольно полные варианты. Последняя запись, произведенная в Ухте (ныне Калевала), относится к 1952 году.

Целью данной статьи является рассмотрение представлений о мифической стране Туонеле, о ее месте в карельской картине мира. Выявление особенностей локализации мифического топоса, характеристика обитающих в нем персонажей, семантические интерпретации образов и мотивов станут задачами данного исследования, в основе которого лежит текстологический и структурно-семантический анализ фольклорного произведения.

В отечественной фольклористике образ Туонелы карельского эпоса не являлся предметом отдельного изучения, но привлекался к рассмотрению в контексте исследования других мифических топосов, например Хийтолы [2: 85–92] и Похьёлы [1: 6–15]. В работах финских фольклористов Туонела попадает в орбиту исследований в разных контекстах, непременно рассматривается соотнесенность ее с загробным миром [6], [7: 289–292], [8: 120–121], [10: 308–313].

Образ Туонелы, потустороннего загробного царства, прочно вписан в систему народных верований карелов. «Отправиться в Туонелу» (кар. *lähtie Tuonela*) в карельской речи означает «умереть»⁵. Топоним *Туонела* (*Tuonela*) образуется

путем прибавления суффикса -la, обладающего локативной семантикой, к основе лексемы "tuoni", что означает «смерть, местопребывание мертвых»⁶. С образом Туонелы связано множество примет и поверий, которым посвящена статья М. Хаавио «Представления финнов о Туонеле» [5]. Так, например, согласно народному поверью, звон в ухе означает, что в Туонеле родственники либо заблудились, либо кличут лодку для переправы в царство мертвых. Тогда надо встать перед образами и молиться: «Пропусти, Бог, через реку Туонелу!» [5: 68].

Согласно примеру из словаря карельского языка, Туонела воспринимается как мир мертвых, в которых живым нет места: *Kuolduo tuonelah viijäh, hengiz ollez vie teäl olemmo*⁷ (После смерти в Туонелу отправляют, живыми еще все здесь (букв. на этом) находимся). В мифопоэтической же традиции в Туонелу может отправиться живой человек, наделенный необходимыми магическими способностями, преодолев при этом определенные препятствия.

Согласно текстам эпических песен, в мифическую страну Туонелу (в вариантах – Туони), имеющую в параллельном стихе название Манала (о чем речь пойдет чуть позже), путешествует Вайнямёйнен, главный культурный герой, демиург карельского эпоса. Иногда в путь отправляется Лемминкяйнен, Каукомиели. Причина, по которой герой вынужден совершить этот поход, – три магических слова, недостающих ему для завершения строительства лодки, например:

Vaka v[anha] V[äinämöine]
Teki tiijolla venehtä,
Laitto purtta laulamalla,
Uupu 3 sanaa
5 Keskilaijan liitoksessa,
Peräpeätä peättäessä.
Läksi Tuonelt[a] sanoa,
Manalalta laulujoa.
(SKVR II 160: 1–8)

Старый добрый Вайнямёйне
Создавал знанием лодку,
Созидал ладью пением.
Не хватило трех слов
Для стыка бортов,
Для завершения кормы.
Отправился в Туони за словами,
В Маналу за песнями.
(Здесь и далее перевод автора статьи)

Необходимо отметить, что по одной из версий карельского эпоса для добывания нужных магических слов-заклинаний для строительства лодки Вайнямёйнен отправляется к великану Антеро Випунену, мифическому великану-первопредку, хранящему в своей могиле мудрость и знания предшествующих поколений.

Согласно другой версии, у великого рунопевца Вайнямёйнена, торжественно приглашенного

на пир в Пяйвёля, на третий день исполнения рун ломается «песенный полоз». Чтобы его починить, надо добыть из Туонелы «инструменты» – шило и сверло:

Rikkautu reki runolta,
Jalas taittu painajalta,
Itse vanha Väinämöini
Lähti Tuonelta oraa,
Manalalta vääntiötä.
(SKVR I, 361a: 1–5)

Сломались сани у руно (рунопевца),
Полоз погнулся у путника,
Сам старый Вайнямёйни
Отправился в Туони за шилом,
В Маналу за сверлом.

«Починить песенный полоз» – значит вернуть рунопевцу способность сказывать свои руны-заклинания, вложить недостающие слова в его уста. Вся иносказательность коллизии теряется, когда, согласно еще одной версии, Вайнямёйнен отправляется в церковь на санях, и они ломаются:

Tuopa vanha Väinämöini
Läksi kirkkoho kivasta
Üli muista ülpeistä;
Jalas patvini pakahtu,
Jalas koivuini kolahti
Kivisellä kirkko-tiellä.
(SKVR I, 370: 1–6)

Тот старый Вайнямёйни
Отправился в церковь гордо
Над другими гордыми;
Полоз деревянный заклинил,
Полоз березовый стукнул
На каменной дороге к церкви.

Убедившись, что среди людей нет человека, способного добыть необходимые инструменты из Туонелы, Вайнямёйнен отправляется в путь.

Мифическая страна Туонела находится за одноименной рекой (в вариантах: за рекой Похьёлы), которую герою необходимо пересечь. Как правило, в большинстве текстов рун герой оказывается на берегу потока без преодолевания какого-либо пути или препятствий. Единичные варианты упоминают о том, что Вайнямёйнен идет к реке Туонелы по дороге:

Astu tietä asteloopi,
Astua taputtelo[opi]
Tuolle T[uonela]n joelle.
(SKVR I, 362: 58–60)

Шагает по дороге,
Ступает
К той реке Туонелы.

Варианты, контаминированные с сюжетом «Путешествие к Випунену», могут содержать

описание препятственного пути к цели, например, герой должен идти один день по кончикам игл, другой день – по лезвиям мужских мечей (SKVR I₁ 369), либо герой должен преодолеть три отрезка пути: первый – по татарским остриям, второй – по кончикам мужских мечей, третий – по женским иглам (SKVR I₁ 375, 419). В единичных случаях отмечается, что третий отрезок пути ведет к реке Туонеле (SKVR I₁ 415) либо путь пролегает от одной челюсти Випунена до другой (SKVR I₁ 404), в результате прохождения которого герой проваливается в чрево великана-первопредка.

Преодоление непреодолимых препятствий свидетельствует об особой силе и знаниях, которыми наделяется герой, направляющийся в иной мир. Тем не менее для прохождения по остриям и иглам герой запасается прочной обувью, например:

Tuo oli viisas Väinämöini
Kenkät vaskiset varusti,
Hopijaiset paulat pañi,
Läksi tuosta astumahe. <...>
Miesten miekkojen terijä,
Naisen neuojen nenijä,
Kenkät kultaset kuluvi...

(SKVR I₁ 422: 15–18, 21–23)

Мудрый Вайнямейнен
Обувь медную заготовил,
Серебряные подвязки приладил,
Отправился в путь.
По остриям мужских мечей,
По кончикам женских игл,
Обувка золотая поистерлась...

Представления о пути в загробный мир, усталанном острыми предметами, которые должны поранить ноги идущего, имеют широкие мировые параллели, что отразилось и в похоронном культе. Как указывает А.-Л. Сиикала, уже в доисторическом периоде, согласно археологическим раскопкам, у скандинавов был обычай снабжать покойника обувью. У якутов в могилу к покойнику клали обувь и коня, чтобы умерший смог пройти в загробный мир по дороге, покрытой острыми сосульками [8: 126].

Мотив выполнения невыполнимого задания на пути в иной мир весьма характерен для карельского эпоса. Герои способны преодолевать смертельные опасности, поджидающие их в дороге. К примеру, Лемминкяйнен, отправившись незваным гостем на пир в Пяйвёля, справляется с тремя опасностями: огненный забор от земли до неба, обвитый змеями; огненный орел на огненной березе посреди огненного порога, который жаждет убить героя; железные волки и медведи, охраняющие ворота Пяйвёлы (SKVR I₂ 702). Подобные испытания маркируют путь в иной мир, равно как и нахождение в нем: героям приходится выполнять немыслимые для мира обычных людей задания при сватовстве: вспахать змеиную

поле огненной сохой, взнудать святого жеребца шелковой уздечкой, поймать щуку в реке Туонеле (SKVR I₁ 473a, 469). Сложной, но выполнимой для героя становится задача попасть в царство Туонелы, так же как и выбраться оттуда, что мы увидим далее.

Оказавшись на берегу реки Туонелы, Вайнямейнен кличет переправщика – дочь Туони, чтобы она перевезла его на лодке/карбасе через водную преграду:

Tuos venettä Tuonen tytti,
Yli salmen soahasseni,
Joen poikki päässäseni!

(SKVR I₁ 362a: 121–123)

Подай лодку, дева Туони,
Чтобы пересечь мне пролив,
Через реку перебраться!

Мотив переправы на лодке в потустороннее царство отражает древнее мировосприятие, согласно которому души умерших отправляются на тот свет, находящийся за водной преградой, на лодке / ладье. Как отмечал В. Я. Пропп, все виды переправы идут от представлений о пути умершего в иной мир, а некоторые довольно точно отражают и погребальные обряды [3: 202]. Подобные представления широко отражены в похоронной традиции карелов: как правило, кладбище находится на другом берегу реки / озера или на острове.

Образ переправщика, имеющий широкие мировые параллели, также был карелам близок и понятен. В прежние времена передвигались преимущественно по водным путям. Путник, находясь на противоположном берегу от деревни, вынужден был кликать (кар. *huhuta* «кричать, звать голосом») переправщика. Наиболее яркий, типологически схожий образ переправщика встречается в греческой мифологии. Им является мрачный старец Харон, который перевозит умерших по водам подземных рек, получая за это плату в один обол⁸ (по погребальному обряду находящийся у покойников под языком)⁹. Живым путь в царство Аида закрыт. Только золотая ветвь, сорванная в роще Персефоны, открывает живому человеку путь в царство смерти.

Непросто оказывается и Вайнямейнену попасть в Туонелу. Дева / дочери Туони выспрашивают у путника цель его визита, по какой причине он явился в царство мертвых живым, не сраженный болезнью или смертью. Попытки выдать себя за **утонувшего** (*Вода меня привела в Ману / Туонелу – Vesi on min Manalle tuonut, Vesi tuonut Tuonelaan* (SKVR I₁ 362: 80–81)), **сгоревшего** (*Огонь меня привел в Ману / Туонелу – Tuli on Manalla tuonut, Tuli on tuonut Tuonelahe* (SKVR I₁ 363: 29–30)), **убитого железом** (*om Manalla tuonut, Rauta on tuonut Tuonelahe* (SKVR I₁ 363: 16–17)), **сраженного смертью** (*Смерть*

меня привела в Ману / Туонелу – *Tuoni on miun Manalle tuonut, Tuoni tuonut Tuonelahen* (SKVR I₁ 362a: 141–142)) оказываются неудачными. Девы Туони быстро признают в нем лгуна: вода бы капала с одежды (*Vaattiet vesin valuu, Laineihin lapahteloo* (SKVR I₁ 362: 87–88)), искры летели бы с языка (*Syvet suustase tulouve, Kekälehet alta kielten* (SKVR I₁ 363: 33–34)), кровь бы капала с одежды (*Verin voattiet valuuve, Hurmehin huroail'ouve* (SKVR I₁ 363: 20–21)), смертью бы изо рта разило (*Tuoni suusta tupruapi* (SKVR I₁ 362: 78)). Обличенный во лжи, герой рассказывает истинные причины своего появления, после чего его переправляют на другой берег. Так Вяйнямйнен попадает в обитель Туонелы – вечное пристанище Маналы (Tuonelan koti, Manalan ikimaja):

Äij' on šinne männehiä,
Väh' on šieltä tullehia,
Ei paljo palannehia.
(SKVR I₁ 363: 70–72)

Много кто туда ушел,
Мало кто оттуда пришел,
Немного кто вернулся.

Расположение царства Туонелы за водной преградой, что является главным маркером его потусторонности, отражает представление о горизонтальной проекции мироздания, когда все миры / страны находятся в одной плоскости. В противовес этому, например, в работах по причитаниям указывается, что в плачах, в отличие от произведений поэзии калевальской метрики, в Туонелу можно попасть и по ступеням, причем движение это мыслится не только вниз, но и вверх [9: 262]. В связи с этим остановимся подробнее на некоторых вариантах руны о посещении Туонелы, в которых есть намек на несколько иную, чем горизонтальная, структуру мироздания.

В этой связи необходимо рассмотреть этимологию названия Манала / Мана, которая является в карельских рунах устойчивым параллельным наименованием Туонелы / Туони:

Tuolla Tuonelan koissa,
Manalan ikimajassa.
(SKVR I₁ 362a: 172–173)

Там в доме Туонелы,
В вечной обители Маналы.

Отметим, что разные фонетические варианты названий в текстах чередуются. Как правило, Туонела сочетается с Маной, а Манала – с Туони, например:

Mikä sun Manalla toije,
Mikä toije Tuonelaha?
(SKVR I₁ 357: 56–57)

Läksin Tuonelta oruo,
Manalalta veäntietä.
(SKVR I₁ 361a: 54–55)

Что тебя в Ману привело,
Что привело в Туонелу?

Пошел взять у Туони шило,
У Маналы – сверло.

В основе топонима Манала / Мана (*Manala / Mana*) лежит лексема “mana”, которая, согласно этимологическому словарю финского языка, означает то же, что и *tuoni*, – «смерть»¹⁰. Составитель словаря калевальской лексики А. Турунен предполагает, что изначально лексема *manala* могла представлять собой словосочетание *maan ala* (букв. «пространство земли») или *maan alla* («под землей»), которое позднее устоялось в фонетическом варианте *manala* [11: 202]. Однако составители финского этимологического словаря подвергают это предположение сомнению, считая, что в народной среде могло произойти именно обратное явление: народ пытался объяснить малопонятное слово *manala* фонетически близким сочетанием *maan alla*¹¹. Таким образом, Манала могла ассоциироваться в народном сознании с подземным миром. Хорошим примером этому служит южнокарельский вариант эпической песни «Мать ищет свое дитя» (*Luojan virsi*). Данная эпическая песня, согласно комментарию В. Я. Евсеева, «примыкает к циклу песен о борьбе язычества с христианством»¹². Сюжет ее сводится к тому, что мать отправляется на поиски своего исчезнувшего сына Божьего. Она спрашивает о сыне у дерева, месяца, солнца, звезды, Адама, от которых узнает, что сын попал в мучения к чертям / поганым. Узнав об этом, она идет за ним в Туонелу, которая, согласно некоторым вариантам, локализуется под землей, например:

Mitäs Tuonella tulet,
muan alla matkoat?
(SKVR II 322: 108–109)

Чего в Туони идешь,
Под землю путь держишь?

Необходимо отметить, что и там ее переправляет на лодке дева Туони. Однако населяют эту страну черти, плохой народ (*pirulaiset, paha joukko*), которые держат сына в неволе. Там же кузнец кует в своей кузне «без окон, без дверей» цепи для Божьего сына. Религиозная подоплека сюжета, видимо, предопределила отождествление загробного мира с адом и его нахождение под землей, в нижнем мире.

Тем не менее нижний мир может быть противопоставлен верхнему и в горизонтальной плоскости. Этим представлениям соответствуют исток и устье реки. Как отмечал В. Н. Топоров, «в ряде культур, прежде всего шаманского типа, в качестве некоего стержня Вселенной, пронизывающего все три вертикальные зоны, выступает так называемая космическая (или мировая) река» [4: 457]. Верховья этой реки в верхнем мире, среднее течение – в среднем мире, а устье

уходит в нижний мир. Представления о нижнем мире, локализованном в устье реки, отражаются и в карельском эпосе, например:

Tuoko vanha Väinämöini
Läksi soamahan sanoja
Tuonen mussasta jovesta,
Manalan alantehesta.

(SKVR I₁ 357: 25–28)

Тот ли старый Вайнямейни
Отправился добывать слова
Из черной реки Туонелы,
Из низины Маналы.

Образ низины Маналы может в текстах дополняться также упоминанием нижней избы Маналы (ala-maja, alus-maja (SKVR I₁ 366)), в которую попадает путник. Таким образом, находясь в устье реки Туонелы / Маналы, мифическая загробная страна вписывается в некую вертикальную проекцию мироздания, выраженную горизонтальным ландшафтом, или, иначе говоря, здесь мы имеем вертикаль в горизонталь.

Среди вариантов рун о путешествии в Туонелу есть один текст, в котором герой буквально уходит под землю. Так, Вайнямейнен отправился добывать заклинания из уст девицы Туони. Для этого «он “руками” отправился в Ману, ладонями в яму устремился» (*Se kävi käsin Manalla, Kourin kuoppaha sütelih* (SKVR I₁ 357: 51–52)). Возвратившись из своего путешествия, Вайнямейнен также предостерегает, чтобы не было одобрения тому, кто «сам в Ману отправился, ладонями яму выкопал» (*Itse mennyttä manalle, Koprin kuopan kaivanutta* (SKVR I₁ 360: 15–16)). Подобное падение героя в яму, видимо, отождествляемую с могилкой, как раз способствует попаданию в Туонелу, где он добывает необходимые вещные знания. Схожие представления высвечиваются также в рунах на сюжет «Посещение Випунена», где Вайнямейнен нисходит под землю в утробу великана либо оказывается съеденным девицей Туони. Чрево поглотительницы либо Випунена, локализованного в могиле, под землей, предстает как целый мир, где можно выстроить кузнецу или, изготовив лодку, кататься на ней по кишечнику пожирателя. Нахождение Вайнямейнена в чреве почившего под землей Туонелы великана может приравниваться к пребыванию в подземном мире.

Таким образом, на основе приведенных примеров можно говорить о том, что мифическое потустороннее царство Туонелы в карельских рунах локализуется не только в горизонтальной плоскости за водоразделом, но и имеет некоторые, иногда явные, иногда не очень, признаки соотношенности с подземным миром, что указывает уже на вертикальную структуру мироздания.

Возвращаясь к текстам рун, отметим, что основными обитателями Туонелы оказываются девицы Туони, встречающие путника на перепра-

ве (в некоторых вариантах действует лишь одна дева). В параллельном стихе девицы Туони называются детьми смерти (*Tuonen tyttöset, lapset kalman*), в связи с чем Туони может восприниматься как персонификация самой смерти. Подобное предположение находит отклик в одном из вариантов руны, где Туони является действующим персонажем:

Jo Tuoni kot'ih tulovi.
Irvisti ikenijehe,
Lonkotteli leukojaha.

(SKVR I₂ 809: 49–51)

Уже Туони домой приходит.
Оскалил десны,
Расщеперил челюсти.

Половая принадлежность Туони в данном эпизоде исходного текста остается неясной, хотя в последующем развитии сюжета образ Туони сливается с образом Антеро Випунена, в чреве которого оказывается герой. Интересно отметить, что появляющееся в одном из вариантов описание принимающего персонажа (вариант неполный, поэтому невозможно определить, идет ли речь о дочери Туони или о самой персонифицированной смерти) является устойчивым оборотом, обозначающим в карельском эпосе мертвеца, жителя загробного мира [12: 348]: шляпа Туони на плечах, шапка Туони на темени (*Tuonen hattu hartioilla, Tuonen lakki pääläella* (SKVR I₁ 360: 7–8)).

Из элементов внешности дочери / дочерей Туони можно выделить лишь небольшой рост (*lyhykäinen, matala*), железные пальцы с ногтями (*rautakynnet, rautasormet*). Наряду с девами в Туонеле действуют парни – сыновья Туони, также обладатели железных пальцев и ногтей. Дети Туони плетут железные сети, отливают медные невода, чтобы ловить гостей, собирающихся пересечь реку Туонелы в обратном направлении.

Несмотря на все тайные приготовления, ничего не подозревающему путнику оказывается самый теплый прием. В обители Туонелы Вайнямейнен становится почетным гостем, обращаются с ним, как положено со всякими гостями этого места:

Pietti vieras vierahana,
Vieras vierasten tavalla:
Syötettiin on, juotettiin
Pal'lahilla keärmehen päillä.

(SKVR I₁ 358: 68–71)

Обходились, как с настоящим гостем,
Как обычно с гостями поступали:
Кормили, поили
Одними / голыми змеиными головами.

Сомнительная гостеприимность принимающей страны может объясняться ее запредельным,

иным местоположением, где царствуют другие представления о нормах и правилах. С другой стороны, поднести напиток с кишашими в нем змеями и червями могут нежеланному, незваному гостю. Таким «угощением», например, был встречен Лемминкяйнен, который без приглашения явился на пир в Пяйвёля (SKVR I₁ 758). Как отмечал В. Я. Пропп на материале сказки, герой, попадающий в избушку Бабы-яги, непременно должен приобщиться к миру мертвых, в том числе через еду, которая вызывает у живых отвращение [3: 67]. Несложно заметить параллель между избой Бабы-яги, стоящей на грани двух миров, и обителью-домом Туонелы (Tuonelan koti), где путника также потчуют отвратительной едой. Приготовлена она для мертвых, которые должны приобщиться к ней, так как, «подобно тому, как пища живых дает живым физическую силу и бодрость, пища мертвых придает им специфическую волшебную, магическую силу, нужную мертвецам» [3: 67]. Именно на основе представления о пище, принимаемой усопшими по пути в потусторонний мир, как считает В. Я. Пропп, и сложился мотив угощения героя ягой на его пути в тридцатое царство. Нечто подобное улавливается и в гостеприимстве хозяев Туонелы: потчуют гостя привычными для Туонелы блюдами, но отвратительными для живого человека.

Однако змеями кишели не только блюда и напитки, предложенные Вайнямёйнену, но и кровать – снизу черви ползали, сверху змеи извивались (SKVR I₁ 358), постель была из ящериц (SKVR I₁ 372). Путник укладывается спать, тогда как его одежда проявляет бдительность:

Mieš matka makoaill'ouve,
Voattietko valvonouve.

(SKVR I₁ 363: 46–47)

Путник спит,
Одежда наблюдает.

Способность героя находиться в кровати с кишашими в ней ползучими гадами сочетается с его даром перевоплощения в им же подобных. Когда дети Туони перетягивают реку Туонелу сетями вдоль и поперек, Вайнямёйнен оборачивается червем / змеей / ящерицей и проскальзывает сквозь путы. В некоторых вариантах упоминается, что герой превращается в железного (SKVR I₁ 362a: 194), черного (SKVR I₁ 363: 54) или красного (SKVR I₁ 370: 92) червя-змея. Способность трансформации героя в иных существ напоминает о тесной связи его образа с представлениями о знахарях-шаманах, чьи души перевоплощаются в животных-помощников во время путешествия в иной мир и обратно.

Необходимо отметить, что путешествие в Туонелу в подавляющем количестве вариантов так и не принесло Вайнямёйнену желаемого – он не добыл нужных ему знаний-слов для заверше-

ния строительства лодки. Исключением является случай, когда герой по прибытии на тот берег попадает в чрево великана-первопредка Антеро Випунена либо его проглатывает сама дочь Туони.

Мотив проглатывания Вайнямёйнена дочерью Туони присутствует в нескольких текстах, зафиксированных в Ухте (ныне п. Калевала) (SKVR I₁ 377, 378, 378a, 379, 380). После выпрашивания причин прибытия героя в Туонелу дева Туони проглатывает Вайнямёйнена. Выясняется, что ничего вкуснее она до этого не пробовала. Мудрый Вайнямёйнен находит способ вызвать к себе отвращение – создает у нее в животе лодку (по одной версии – магическим пением, по другой – из крючка и кресала (SKVR I₁ 377)) и начинает кататься на ней из одного конца кишки в другой. Не выдержав мучений, дева Туони изрыгает путника и сообщает ему нужные магические слова-формулы. По другой же версии, дева выплевывает героя в море, где он скитается до сих пор, и ожидается его возвращение до того, как наступит конец света (SKVR I₁ 378, 378a).

Подобное же поглощение мы видим в сюжете о посещении героем Антеро Випунена (в вариантах его имя может фонетически изменяться), который так давно почил в земле, что порос деревьями: на бровях выросли ели, на голове / ногах – сосны, на подбородке – ольха, на плечах – осина, на пальцах / бороде – ивы, на пятках – можжевельник, на пальцах ног – березы и т. д. (SKVR I₁ 369, 382, 419), (SKVR II 160, 161).

Вайнямёйнен после трех дней опасного пути по остриям топоров и кончикам игл буквально проваливается меж оскаленных десен, сквозь стучащие зубы (*Ikenihin irjuvihin, Leukohin lotiseviijn* (SKVR I₁ 420)) в чрево великана, например:

Jo päivänä kolmantena
Toine jalka torkahtavi,
Vasemmitta voapahtavi,
Suuhu Ankervon Vipuisen.

(SKVR I₁ 410: 15–18)

Вот уж на третий день
Одна нога подвернулась,
Левая провалилась
В рот Анкерво Випунена.

Оказавшись внутри, Вайнямёйнен устраивает кузницу: превращает рубаху в кузню, шубу / штаны делает мехами, локоть обращает в молот, колено – в наковальню, маленькие пальцы – в клещи (SKVR I₁ 395, 402, 409, 410, 418). В кузнице он выковывает железное коромысло, вставляет его в горло Випунена и, получив необходимые слова-заклинания, выбирается наружу. Иногда герою достаточно срубить деревья с тела великана, чтобы получить нужные слова (SKVR II 160, 161, I₁ 354, 354a).

Образы девы Туони и Антеро Випунена, локализующиеся в потустороннем мире и поглощающие героя, дополняют и взаимозаменяют друг

друга. Мотив поглощения героя с целью придать магических или колдовских сил, как отмечал В. Я. Пропп, идет от обрядов, при которых юноша подвергался проглатыванию и изверганию, вследствие чего он приобретал магические способности [3: 231]. Побывав в чреве у поглотителя, Вяйнямейнен обретает определенные магические знания, необходимые для завершения постройки лодки.

Суммируя все вышесказанное, еще раз обратим внимание на потусторонний характер посещаемого героем царства. Наиболее очевидным маркером потусторонности Туонелы является его локализация за рекой, которая традиционно является медиативным рубежом между потусторонним и посюсторонним пространством. Черный поток (Tuonen musta joki), разделяющий миры, можно преодолеть с помощью переправщика на ладье / лодке, а путь по иглам, ножам и лезвиям топора – только имея специальную обувь. При этом живым вход в загробный мир Туонелы закрыт, исключение составляет герой с магическими способностями – руны так и говорят:

Vain ei ole sieltä ottamista
Mahittoman, maltittoman,
Tolkuttoman, tiittoman.

(SKVR I, 416: 13–15)

Только нечего там делать
Герою без могущества, без разума,
Без ума, без знаний.

Туонела отмечается знаками соотнесенности и с нижним миром: нижняя изба находится в низине Маналы и кишит хтоническими существами – змеями и червями. Некоторые рассматриваемые нами способы попадания (а буквально – падения и проваливания) путника в Туонелу могут указывать на вертикальную проекцию мироздания, в которой место загробному миру отведено на нижнем ярусе. В текстах путнику

необходимо приобщиться к иному миру через ритуальную еду мертвых, пройти испытание сном, проявить способности перевоплощения, чтобы покинуть мир мертвых целым и невредимым. Дева Туони (дочь Смерти), встречающая путника на переправе и поглощающая его, воспринимается в роли хозяйки Туонелы. В женской природе подобного существа можно видеть отражение матриархальных отношений [3: 109]. Образ Антеро Випунена, великана-первопредка, хранящего в своей могиле магические знания, необходимые путнику, весьма органично локализуется в загробном царстве Туонеле в результате контаминации сюжетов. Обращение к умершим за мудростью, советом, «добывание знаний» на могилах было известно еще сравнительно недавно¹³, что отразилось и в тексте рун: эпический герой карельских рун становится обладателем магических формул-заклинаний, провалившись в могилу (либо чрево) Випунена, что равнозначно посещению Туонелы.

Образ Туонелы является одним из самых знаковых в топографии карельского эпоса. Аккумулируя в себе представления о потустороннем мире, далеком крае, царстве мертвых, Туонела нередко соотносится в текстах с названиями других стран, таких как Похьёла, Сариола, Хийтола, Вуоёла, Пиментола и др., изучение которых станет задачей дальнейшего исследования. Но если в указанные страны эпические герои отправляются в том числе за невестами, в чем отразился древний экзогамный обычай брать себе невесту из другого рода, то Туонела в карельских рунах представляется как потусторонний, загробный мир, страна мертвых со своими законами и правилами, где царит вечность. В то же время это – место, где хранится великая мудрость и знания предков, в поиске которых герой предпринимает столь опасное путешествие.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190094-6).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Suomen Kansan Vanhat Runot. I–XV. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1908–1997. В дальнейшем при цитировании данного издания (SKVR) римской цифрой указывается номер тома, подстрочной цифрой – номер книги тома, далее следует номер текста и после двоеточия – номера стихов.

² Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 526 с.

³ Карело-финский народный эпос: В 2 кн. / Сост., вступ. ст., пер., примеч. В. Я. Евсеева. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. Кн. 1. 476 с.; Кн. 2. 510 с.

⁴ Karjalan kansan runot. Kokoonpannut V. Jevsejev. Tallinn: Eesti Raamat, 1976. I. 360 s. 1980. II. 181 s.

⁵ Karjalan kielen sanakirja / päätoim. P. Virtaranta. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. Osa 1–6. 1968–2005. Osa 6. 2005. S. 303.

⁶ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. R–Ö. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2000. S. 330.

⁷ Karjalan kielen sanakirja / päätoim. P. Virtaranta. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. Osa 1–6. 1968–2005. Osa 6. 2005. S. 303.

⁸ Небольшая серебряная греческая монета, равная 1/6 драхмы.

⁹ Вергилий. Собрание сочинений / Пер. С. Ошерова; Под ред. Ф. Петровского. СПб.: Биографический институт «Студия Биографика», 1994. (VI 298–303).

¹⁰ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. L–P. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2000. S. 145.

¹¹ Suomen sanojen alkuperä. S. 146.

¹² Карельские эпические песни. С. 494.¹³ Карельский фольклор: Хрестоматия / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1992. С. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киуру Э. С. Тема добывания жены в эпических рунах: К семантике поэтических образов. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. 132 с.
2. Миронова В. П. Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтоле в контексте карельской эпической традиции. Петрозаводск: Периодика, 2016. 224 с.
3. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.
4. Топоров В. Н. Река // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 457–470.
5. Haavio M. Suomalaisten tuonelakuvitelmiä // Kotiseutu. 1939. № 2. S. 65–77.
6. Mansikka V. J. Itkujen Tuonela // Kieli- ja kansantieteellisiä tutkimuksia. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1924. S. 160–180.
7. Siikala A.-L. Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. 536 s.
8. Siikala A.-L. Suomalainen šamanismi: mielikuvien historiaa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1992. 359 s.
9. Stepanova E. Mythic Elements of Karelian Laments. The Case of syndyzet and spuassuzet // Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions. Edited by Frog, A.-L. Siikala, E. Stepanova. Helsinki: Finnish Literature Society, 2012. S. 257–287.
10. Tarkka L. Rajarahvaan laulu. Tutkimus Vuokkiniemen kalevalamittaisesta runokulttuurista 1821–1921. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2005. 534 s.
11. Turunen A. Kalevalan sanakirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1949. 350 s.
12. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Lappeenranta: Karjalaisen Kulttuurin Edistämisseatiö, 1979. 416 s.

Kundozerova M. V., Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

TUONELA: OTHER WORLD IN THE SYSTEM OF THE UNIVERSE COORDINATES IN KARELIAN EPOS*

The article deals with the views on the mythical country of Tuonela in Karelian epos and its place in Karelian world picture on the basis of the epic runes texts. The study reveals the features of the mythical topos localization, provides a description of characters inhabiting it, and presents semantic interpretations of images and motifs. The method of textological, structural and semantic analysis of the runes texts is used in the research. Kalevala metric runes, collected during different periods in northern and southern Karelia and published in several collective volumes, were used as research material. The study indicates that Tuonela's image accumulates the notions of the otherworld, a faraway land, the realm of the dead, which is not only localized in the horizontal plane beyond some watershed, but also has some signs of correlation with the underworld, which demonstrates the vertical structure of the universe.

Key words: Tuonela, Manala, Antero Vipunen, otherworld, underworld, watershed, Karelian epic, Karelian runes

* Financial support for the research was provided to Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences from the federal budget for the execution of the state task (project No AAAA-A18-118030190094-6).

REFERENCES

1. Kiuru E. S. Wife-winning theme in epic runes: the semantics of poetic images. Petrozavodsk, KNTs RAN Publ., 1993. 132 p. (In Russ.)
2. Mironova V. P. The plot of matchmaking in the mythical country of Hiitola in the context of Karelian epic tradition. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2016. 224 p. (In Russ.)
3. Propp V. Ya. Historical roots of a fairy tale. Leningrad, LGU Publ., 1986. 364 p. (In Russ.)
4. Toporov V. N. River. *The World Tree: Universal Sign Complexes*. Vol. 2. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2010. P. 457–470. (In Russ.)
5. Haavio M. Suomalaisten tuonelakuvitelmiä. *Kotiseutu*. 1939. № 2. S. 65–77.
6. Mansikka V. J. Itkujen Tuonela. *Kieli- ja kansantieteellisiä tutkimuksia*. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1924. S. 160–180.
7. Siikala A.-L. Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. 536 s.
8. Siikala A.-L. Suomalainen šamanismi: mielikuvien historiaa. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1992. 359 s.
9. Stepanova E. Mythic Elements of Karelian Laments. The Case of syndyzet and spuassuzet. *Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions*. Edited by Frog, A.-L. Siikala, E. Stepanova. Helsinki, Finnish Literature Society, 2012. S. 257–287.
10. Tarkka L. Rajarahvaan laulu. Tutkimus Vuokkiniemen kalevalamittaisesta runokulttuurista 1821–1921. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2005. 534 s.
11. Turunen A. Kalevalan sanakirja. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1949. 350 s.
12. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Lappeenranta, Karjalaisen Kulttuurin Edistämisseatiö, 1979. 416 s.

Поступила в редакцию 09.04.2018

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ОСТАПОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры коми филологии, финно-угроведения и регионоведения, Сыктывкарский государственный университет имени Питиримы Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
ost-1966@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЭТНОГРАФИЗМ ПЕРВЫХ КОМИ РОМАНОВ: ОПЫТЫ ПЕРЕВОДА

Рассматриваются переводы на русский язык первых коми историко-революционных романов с точки зрения воспроизведения художественно-этнографических особенностей. Цель работы – исследование процесса перевода на русский язык художественно-этнографического контекста первых коми романов с использованием архивных документов. Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач: сравнительно-сопоставительный анализ коми и русских художественных текстов, введение архивных источников в научный оборот, выявление влияния исторической эпохи на приоритеты переводческой стратегии. Новизна работы состоит во введении в научный оборот ранее не изученных переводных художественных текстов, архивных документов, впервые принятом сравнительно-сопоставительном анализе художественного этнографизма в оригинальных текстах первых коми романов и их переводах на русский язык. Материал исследуется с точки зрения общероссийских историко-культурных процессов: рассматриваемые романы на коми языке впервые изданы в начале 1950-х годов, переводы впервые опубликованы в начале и середине периода оттепели. В настоящее время данные произведения репрезентативны на коми и русском языках благодаря художественно выписанному этнографизму, дающему представление о духовных, материальных и культурных ценностях народа коми.

Ключевые слова: историко-революционный роман, художественно-этнографические особенности, перевод, коми язык, русский язык

Временем выхода за границы этнического пространства первых крупных прозаических произведений коми литературы являются 1950-е годы. В этот период шла активная переводческая деятельность в масштабах всего Советского Союза, что свидетельствует о необходимости обмена опытом литературно-художественного творчества, так как «каждая национальная литература говорит на своем языке то, что никогда не скажет другая» [10: 16]. По мнению ученых,

общей закономерностью литературного процесса довоенного и в значительной мере послевоенного времени является обращение к истокам национальной культуры, к осмыслению диалектики взаимоотношений человека и власти, человека и природы, этноистории, этнографии и официальной концепции истории социалистического государства [9: 31].

Необходимо отметить, что создание первых романов на коми языке в основном приходится на период 30-х – начала 50-х годов XX века, в это время литература находилась под сильнейшим прессом социальных доктрин. Перевод романов на русский язык происходит при смене эпох в 1950–1960-е годы и более всего приходится на время так называемой хрущевской оттепели. Смена эпохи потребовала от художников слова корректировок как в изображении этносферы романов, так и в индивидуализации характеров героев произведений.

Развитие крупных эпических произведений в литературах многих народов России характеризуется как движение от фольклора к роману. Начальный этап развития романских форм характеризуется романной ситуацией с подробным воссозданием предыстории героев, множеством разнообразных описаний, уточнений, этнографических подробностей. Можно предположить, что для первых писателей-романистов коми «задача исторического и этнографического самоописания была первостепенной» [4: 315]. По мнению У. Б. Далгат, именно в фольклорно-этнографическом материале «представлена поэтическая, эмоциональная, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре народа» [2: 237–238].

Рождение «большой прозы» коми литературы связано с именами П. Г. Доронина (Буй Ныр), В. В. Юхнина (Луздор Вась), Я. М. Рочева (Митрук Як). Первые главы коми романов П. Г. Доронина «Парма съёлöмын» / «В сердце пармы» и В. В. Юхнина «Алöй лента» / «Алая лента» начали печатать почти параллельно в конце 1930-х годов в журнале «Ударник». Но произведение П. Г. Доронина не было завершено, в незаконченном варианте на русский язык переведено лишь в наши дни.

В связи с данным обстоятельством мы подробнее осветим проблемы воссоздания художественно-этнографического контекста романов

В. В. Юхнина «Алӧй лента» (1957) и Я. М. Рочева (1969) «Кык друг» в переводе на русский язык. Оба произведения сыграли большую роль в культурно-образовательной сфере региона, в течение нескольких десятилетий изучаются в средних школах и высших учебных заведениях Республики Коми.

Первым коми романистом вошел в историю коми литературы Василий Васильевич Юхнин и по праву снискал всеобщую любовь не одного поколения читателей. Его роман «Алӧй лента» / «Алая лента» впервые был напечатан на коми языке в журнале «Ударник» в 1939 году, а в 1941 году опубликован отдельным изданием. Далее, претерпев ряд значительных изменений, издан в 1955 году, переиздавался в 1981 и 2002 годах. Отметим, что некоторые архивные документы о переводе первого коми романа В. В. Юхнина «Алая лента» нами ранее опубликованы в статье «В. В. Юхнин о «Алӧй лента» роман роч кывӧй вуджӧдан историясь» / «Из истории перевода на русский язык романа В. В. Юхнина «Алая лента»» [7]. О проблемах преодоления буквализма в процессе перевода этого романа на русский язык и освоении принципов смыслового и художественного перевода мы писали в нашей монографии «Коми литература в зеркале перевода» [8: 34–40]. В основе сюжета романа «Алая лента» лежит история одного вполне типичного села и обычной коми семьи начала XX века. Глава семьи – Степан Ошлапов – один из лучших охотников села Важгорт, отец двух сыновей, Ильи и Мишки, шагающих по стопам отца. В семье царят традиционные патриархальные отношения, женщины редко удостоиваются обращения по имени, все их помыслы направлены на поддержание существующего порядка в доме. Но, несмотря на все усилия, семья Ошлаповых имеет весьма скромный достаток, следуя авторскому замыслу, из-за несправедливого социально-экономического устройства жизнедеятельности. Младший сын Степана Илья под воздействием бесед с сыльными учителем и доктором постепенно учится объяснять происходящие вокруг события с классовой точки зрения. После участия в забастовке на Урале, в Прикамье, куда Илья был вынужден отправиться на заработки, он организует ее в родном селе. В любовной линии главных героев Ильи и Веры проявляются такие качества, как верность и благородство. В советское время коми литературоведами это талантливое произведение оценивалось в основном с точки зрения метода соцреализма. Впрочем, вряд ли именно идеи социализма побуждали детей и взрослых на коми и русском языках читать и перечитывать это произведение. В архиве писателя имеются письма и газетные публикации с самых разных концов Советского Союза, в которых высвечивается интерес читателей прежде всего к характерам героев и этнографизму произведения:

...Я очень мало знал о жизни народа коми... И вот я прочитал роман «Алая лента». Передо мной во всей красе предстал этот народ... (Н. Ковалев, Воронежская область, с. Абросимово); С большим интересом прочитала роман Василия Юхнина «Алая лента». Из книги я многое узнала о жизни малоизвестного мне народа Севера – коми. В книге интересно дан быт народа, его

нравы. Запоминаются многие образы, особенно Веры и Ильи... (Л. Лазарева, г. Сухуми) [7: 325–326].

Вхождение романа «Алая лента» в широкий круг чтения на русском языке было исполнено драматизма в поиске компромисса между требованиями редакторов сократить фольклорно-этнографические элементы и желанием автора сохранить поэтические картины народной жизни, воплощенные в жанрах лирической песни, частушки, причитания, былички, картинах охоты, народных праздников и т. д. По подстрочнику, над которым работали сам автор, В. В. Юхнин, исследователи коми литературы В. В. Вежев и А. Н. Федорова, художественный текст на русском языке создавали редакторы издательства «Советский писатель» А. Дмитриева, Н. Бузиковский и А. Шишко. Критические замечания редакторов в основном касались двух наиболее важных моментов – недостаточного отражения в переводе художественного стиля автора и «затянутости» сюжета за счет множества развернутых культурно-этнографических зарисовок, нередко выдаваемых за «грамматические оплошности». Так, в качестве одной из таких «грамматических оплошностей» редакторы отмечают несобственно-прямую речь персонажа, отражающую мировоззрение охотника:

Автор пишет: «Больше того, у Лыско были две пары глаз! Под настоящими глазами была заметна ещё пара глаз, которыми собака, по мнению охотников, может видеть леших и всю нечистую силу» /34/. Если это по-верье, надо объяснить, иначе фраза звучит анекдотично и бессмысленно [7: 328].

В пространстве коми текста данный отрывок, принадлежащий охотнику, не вызывает ощущения, высказанного редактором. Известно, что отношение к собаке у многих народов мира издавна было в значительной мере сакрализированным. У коми считалось, что все собаки, «а в особенности имеющие светлые пятна над глазами, “четырёхглазые” (нӧль синма пон), способны видеть всевозможных злых духов и оберегать человека от них» [5: 313]. Зная это, автор не смог отказаться от столь важного для раскрытия образа охотника описания. В опубликованном переводе фрагмент сохранен, но стал более эмоционально-оценочным:

Больше того – у Лыско было две пары глаз. Да, да! Над обычными глазами опытный человек мог разглядеть еще скрытые, которыми собака, по мнению бывалых охотников, может видеть леших и всякую нечистую силу¹.

В этом небольшом отрывке умело применены синтаксические и лексические трансформации. Замена пунктуационного знака – вместо запятой тире – служит читателю сигналом к заострению внимания. Добавление и повтор междометия «Да, да!» выражает и подтверждение сказанному, и в то же время удивление автора, еще больше подогревающее интерес читателя к получению новой информации. Стилистическую окраску разговорной речи придала тексту замена эпитетов: вместо «*настоящими*» – «*обычными*», вместо «*всю*» – «*всякую*»; добавление эпитета «*бывалых*» и комментария «*опытный человек мог разглядеть еще скрытые*».

Редакторы центральных изданий оценили этнографические и фольклорные элементы как

талантливо выписанный, но, по их мнению, избыточный материал, подлежащий сокращению. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие фрагменты редакторского текста:

Сомнительно, чтобы алая ленточка испугала медведицу. Вообще эта сцена с медведицей или не нужна, или надо по-другому сделать ее; Воспоминания Мишки о ночи в шалаше на рыбной ловле – пенье птиц не нужно. Это не нужно и по характеристике Мишки и вообще затягивает эту главу; Песни и танцы у отца Ильи /в изъе/ хорошо бы подсократить / а вообще лучше убрать, потому что посиделок будет много и дальше/; Сказку Ильи дать покороче, или только начало ее; Сон Степана не нужен. Что дает он? /Вообще «снов» слишком много в романе; Может быть, здесь дать только сборище молодежи, а посиделки не давать [8: 38–39].

Документы свидетельствуют, что В. В. Юхнин весьма серьезно реагировал на замечания, выбирал самые значимые, работал над ними и в ответах излагал свое видение процесса перевода, отстаивая народоведческую позицию.

Документы отражают и присущие послевоенному времени противоречия в развитии национальных литератур России. С одной стороны – складывание настоящей прозы, базирующейся на национально-этническом своеобразии и вызывающей неподдельный интерес читателя, с другой стороны – двойная внешняя цензура при издании книг на национальных языках и при переводе произведений на русский язык. Современный читатель, обращаясь к более поздним изданиям «Алой ленты», по сути обращается к переводу, изданному в первой своей редакции в 1957 году, который в полной мере содержит отпечаток этого непростого времени. Но значение данного литературного факта трудно переоценить, так как именно роман «Алая лента» на русском языке стал своеобразной визитной карточкой народа коми в многонациональном культурном пространстве Советского Союза. Об успешности данного проекта можно судить по перечню изданий и переизданий романа в переводе на русский язык: впервые он выходит в свет в издательстве «Советский писатель» в 1957 году тиражом 15 тыс. экземпляров, в 1968 году тиражом 50 тыс. экземпляров печатается в Коми книжном издательстве, в 1974 году издательство «Современник» в публикации перевода коми романа устанавливает своеобразный рекорд – 100 тыс. экземпляров, в 1980 году выходит в Коми книжном издательстве тиражом в 50 тыс. экземпляров.

Пример более опытного и получившего признание читателей страны коллеги и друга стал своеобразным маяком и для Якова Митрофановича Рочева. С 1938 года он работал над романной трилогией «Кык друг» («Два друга», 1951), «Изьва гызь» («Ижма волнуется», 1956), «Му вежым» («Светопреставление», 1967). Наиболее любимым и читаемым его произведением стал первый роман из историко-революционной трилогии под названием «Два друга». Как пишет сам автор, в произведении

отражена беспрсветная жизнь коми народа в царской России, ожесточенная классовая борьба, пробуждение классового самосознания представителей бедней-

шего крестьянства, лесорубов, батраков-оленоводов под влиянием передовых представителей русского рабочего класса, политссылных-большевиков. В центре внимания два мальчика – Геня Дуркин, сын коми бедняка, и Вася Манзадей, сын батрака-оленовода Большеземельской тундры. Сложный их жизненный путь от учащих начальной школы до сознательных борцов за завоевания революции показан в романе².

Возможно, став свидетелем столь скрупулезной и драматичной работы автора, переводчиков и редакторов романа «Алая лента», Я. М. Рочев при создании своего романа поначалу не считал нужным так широко включать этнографическую составляющую, что привело к сужению этнокультурного контекста. Поэтому при переводе на русский язык самой повторяющейся просьбой редакторов к автору романа «Два друга» Я. М. Рочеву звучит просьба о конкретизации, расширении этнографических деталей и мотивировки поступков героев:

Хочется большей конкретности. Вот, на стр. 6-ой Вы говорите о том, как Вася пришел к Гене, как они сидели возле печи и «Вася рассказал о жизни оленоводов». Вместо такой, ничего не говорящей читательскому воображению информации, видимо, следовало бы дать реальную картину из жизни оленоводов, о которых ни Геня, ни мы ничего не знаем. Кстати, это будет именно то, что отличает биографию Васи от биографии Гени³.

При переводе на русский язык столь широко-масштабного произведения образовались информационные лакуны: понятные явления для коми читателя начала и середины XX века требовали особых пояснений для широкого круга читателей, незнакомых со спецификой жизненного уклада жителей севера Коми края, коми-ижмцев и ненцев. Исследователи перевода обращают особое внимание на важную особенность восприятия реципиентами фактов окружающей действительности и культуры:

Дело в том, что для читателя, находящегося внутри данной языковой картины мира <...> содержание текста не только более прозрачно и открыто, но и всегда формально более информативно; для понимания аллюзий, подтекста, реконструкции реальных прототипов героев или подоплеки изображаемых событий ему не требуется исследовательская работа, подобная той, которую вынужден осуществить автор перевода или составитель комментария. <...> Изнутри лингвистического социума, обладающего определенной языковой картиной мира, читатель без труда воспринимает имплицитно заключенную в тексте информацию о типическом, обычном, «само собой разумеющемся» для данной языковой общности [6: 99].

К решению задач наполнения информационных лакун Я. М. Рочев подходил с большой ответственностью, его комментарии в письмах достаточно убедительны, обстоятельны, отражают хорошее знание освоенного коми человеком пространства, его образа жизни:

Не знаю, как это делать убедительным для русского читателя, а коми читатели принимают как естественное дело и, представьте себе, Анна Дмитриевна, роман в обращении читателей около 8 лет, я был на многих читательских конференциях, и ни один читатель не выразил сомнения в правдоподобии. При совместной работе посмотрим, авось удастся найти еще дополнительные аргументы, чтобы убедить и русского читателя⁴.

В переводном тексте романа обнаруживаются два подхода к решению данной задачи. Остановимся

на них подробнее. Главными героями романа «Два друга» являются подростки, и естественно, что большое внимание уделялось вопросам перевода их образов на русский язык. В этой связи считаем необходимым упомянуть, что по роману предполагалась публикация повести о двух друзьях. Так, известный критик И. Молчанов ссылается на опыт изданий популярнейших в то время повестей для детей: «Васек Трубачев и его товарищи» В. Осе-евой и «Повесть о старшем друге» Т. Печерниковой. Однако, по мнению критика, необходимо было внести определенные коррективы в переводной текст, например, «ярче нарисовать некоторые картины быта (состязания на лошадях, на оленях, картины школы)»⁵. Справедливо и замечание по поводу перевода имени одного из персонажей:

Клички с двойным именем (по-коми) будут непонятны, тем более, что во многих случаях герой называется кличкой, а в иных случаях – просто по имени, причем русский читатель так и не поймет, как же зовут героя – Самко Ванюк, например, Самко или Ванюком?⁶

Поясним, что в оригинале героя зовут Ванюк Самко, что соответствует русскому Самуил Иванович – в коми народной традиции перед именем человека называют имя его отца. Ванюк Самко в произведении является отрицательным персонажем, его отец Ванюк (-ук, -юк – уменьшительно-ласкательные суффиксы) – зажиточный оленевод, владелец более двух тысяч оленей. Переводчики приходят к решению опустить отцовское имя, оставив в переводном тексте лишь имя Самко, сузив тем самым образ.

Второй пример свидетельствует о решении задачи в пользу расширения образа посредством внесения диалога. Так, например, в первом издании романа «Кык друг» на коми языке (1951) пишется:

Школаб мунтöдз найö дыркодь пукалісны зарни öгырöн ымралысь пач дорын. Вася мойдіс збой көр видзысь пастух Ванюша йылысь, зарни сюра көрйяс йылысь, эсся Гения аслас сумкаб сюйис небыд пöсь пирöг, да тэрмасьтöг мөдöдчисны школаб⁷ / До того как идти в школу, они долго сидели возле печи, пышавшей жаром от золотых углей. Вася рассказал о смелом пастухе Ванюше, об оленях с золотыми рогами, затем Гения сунул в свою сумку горячий пирог, и друзья не спеша отправились в школу (Дословный перевод мой. – Е. О.).

В рукописи перевода эта маленькая картина была передана всего одним предложением, что, конечно, не могло удовлетворить ни редакторов, ни предполагаемых читателей, которые имели весьма скудное представление о тундре и оленеводах⁸. В дальнейших изданиях этот фрагмент превращен в настоящую познавательную миниатюру в форме диалога, зачином к которому стало угощение ненецкого мальчика невиданной им доселе едой – картошкой:

Мальчики любили посидеть у жарко натопленной печки и поболтать. На этот раз Вася раненько прибежал к Дуркиным, и мать Гени угостила мальчиков печеной картошкой. На далеком Севере в те годы картошка была редкостью, и хватало ее не более чем на месяц. Мать сберегла немного для Гени. Хочется хоть иногда побаловать его.

- Вкусно, а? – спросил Гения.
- Очень! – даже вздохнул Вася.
- А у вас там много картошки?
- У нас? – удивился Вася. – Да я ее никогда не ел.

Гения от удивления разинул рот и уставился на Васю.
– Мы же в деревнях только зимой бываем, а в тундре ничего не сажают, ничего не сеют.

– А чего же вы там едите?

– Мясо, рыбу, сухари. А летом морошку собираем. Знаешь, сколько ее у нас! Хоть лопатой сгребай!⁹

Фрагмент выписан психологически достоверно, эмоционально, читатель вместе с Генией узнает о суровой, незнакомой жизни в тундре и вместе с ним же удивляется ее особенностям. Сопоставляя издания разных лет романа на коми и русском языках, можно предположить, что данный фрагмент создавался в процессе перевода романа с коми языка на русский язык, и он сначала был включен в русский текст, а затем – в обновленный текст на коми языке.

В рассматриваемом произведении Я. М. Рочева умело дополненные этнографические детали в описании традиционной жизнедеятельности народов Севера, коми и ненцев, углубляют психологизм главных героев, поясняют логику их поведения, и, что немаловажно, при этом оттачивается мастерство писателя.

Не подлежит сомнению, что и В. В. Юхнин, и Я. М. Рочев прекрасно знали историю, традиции и обычаи своего народа. По нашему убеждению, в создании художественно-этнографических картин на родном языке и их воссоздании на русском языке решающее значение имел само-бытный талант авторов. Но в то же время, сравнивая переписку двух коми романистов с редакторами, можно увидеть отличия в требованиях редакторов к текстам на русском языке. Если в обращениях к В. В. Юхнину больше звучит просьба сократить этнографические детали и зарисовки (сновидения охотников, праздники сельчан и т. д.), то в обращениях к Я. М. Рочеву, наоборот, редакторы просят расширить, детализировать картины быта и жизни северных коми (описание чума, интерьер комнат дома, праздники оленеводов). Видимо, в данном случае играет роль тот факт, что информационные свойства текста романа В. В. Юхнина о жизни на Севере России имели наиболее общую основу с предполагаемым читателем, владеющим русским языком, так как «между текстом и получателем должна существовать определенная информационная общность» [3: 50]. В то время как этнографическая «информационная общность» текста Я. М. Рочева и его получателя (переводчиков и редакторов) о жизни на Крайнем Севере оказалась явно недостаточной для трансляции произведения на русском языке. По нашему мнению, фактором, повлиявшим на перевод романа «Кык друг» и внесение в него последующих этноописательных коррективов, можно считать также влияние смены эпохи позднего сталинизма эпохой хрущевской оттепели. Напомним, что роман на коми языке был опубликован в 1951 году, переводческая же работа активно велась с середины 1950-х до середины 1960-х годов. Смена эпохи требовала от художников слова большей индивидуализации героев, в том числе и через описания народной жизни. В процессе перевода были внесены большие изменения и в текст романа на коми языке, отчего в последующих изданиях он стал более интересным, достоверным, психологичным.

Эстонский ученый-семиотик Р. Вейдеманн справедливо отмечает, что «культура каждого народа и ее история воспринимаются в виде собрания неких текстов. Литература в этом собрании, несомненно, – самый текстовый компонент <...>» [1: 119]. Среди текстов культуры достойное место принадлежит первым коми романам. По нашему мнению, они репрезентативны благодаря талант-

ливо выписанному на родном языке и качественно воспроизведенному на русском языке художественному этнографизму. Время показало, что художественная этносфера является стержнем произведений, неиссякаемым источником познания мира, любви к родине, уважения к историческим корням. В настоящее время она призвана актуализировать у читателя интерес к народам России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Юхнин В. В. Алая лента: Роман / Пер. с коми автора и А. Дмитриевой. М.: Современник, 1974. С. 33.
- ² Национальный музей Республики Коми. Далее – НМРК. Из письма в Союз писателей РСФСР от 07.10.1965.
- ³ НМРК. Из письма А. Дмитриевой от 20.06.1959. Музей Куратова. Инв. № 307/252. О. Ф. Инв. № 942/252.
- ⁴ НМРК. Литературно-мемориальный музей И. А. Куратова. Письмо Я. Рочева от 27 июля 1959 г.
- ⁵ НМРК. Из письма И. Молчанова от 27.02.1959.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Рочев Я. М. Кык друг: Роман. Сыктывкар: Коми госиздат, 1951. С. 9.
- ⁸ Этот факт подтверждается и другим примером замечания редактора, в котором тундра названа степью: НМРК. Письмо А. Дмитриевой от 20 июля 1959. Литературно-мемориальный музей И. А. Куратова. Инв. № 307/252. О. Ф. Инв. № 942/252.
- ⁹ Рочев Я. М. Два друга: Роман / Пер. с коми А. Дмитриевой и автора. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейдеманн Р. Коллоквиум по эстонской литературе / Пер. с эст. М. Тервонен. Таллинн: Изд-во «КПД», 2007. 168 с.
2. Далгат У. Б. О фольклорном этнографическом контексте литературного произведения // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. М.: Наука, 1975. С. 233–246.
3. Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 224 с.
4. Лимерова В. А., Литовская М. А. Историко-революционный роман в советской коми литературе (1930–1950-е гг.) // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: Монография / Науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 312–332.
5. Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов и др.; Науч. ред. В. В. Напольских. М.: Изд-во «ДИК», 1999. 480 с.
6. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Изд. 3-е, испр. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 264 с.
7. Остапова Е. В. В. В. Юхнинлысь «Аллой лента» роман роч кывйё вуджодан историялысь // Тайё сьылём – коми олём: Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджыяс / В этой песне коми жизнь: Сборник трудов об основоположниках коми литературы. Сыктывкар: ООО Издательство «Кола», 2008. С. 324–331.
8. Остапова Е. В. Коми литература в зеркале перевода: Монография: Текстовое научное электронное издание на компакт-диске. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 86 с.
9. Пахорукова В. В. История коми-пермяцкой литературы. Т. 1. Проза. Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра УрО РАН, 2004. 220 с.
10. Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН: «Наследие», 2001. 196 с.

Ostapova E. V., Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

ETHNOGRAPHIC INFORMATION IN THE FIRST KOMI NOVELS: CHALLENGES OF TRANSLATION

The article deals with the translations of the first Komi historical novels about the October Revolution into the Russian language and especially with the challenges of translating ethnographic realities. The main aim of the paper is to give an idea of some ethnographic peculiarities which emerged in the process of translating the first Komi historical novels about the October Revolution into Russian using archival documents. To achieve this aim the author compares original texts with their translations into Russian, introduces archival documents into scientific discourse and reveals the influence of the historical period on the priorities of the translation process. The novelty of the study is determined by using texts and archival documents, previously unstudied in terms of translation, namely, the correspondence between the authors and the editors. The paper concerns the most important historical and cultural processes in Russia of that time, because the original novels in question were first published during Stalin's repressions, while the translations were published during the Khrushchev Thaw. Nowadays, these novels are relevant both in the Komi and the Russian languages because of their highly mastered ethnographic details, which give a picture of the material and spiritual values of the Komi people.

Key words: historical novel, ethnographic particularities, translation, the Komi language, the Russian language

REFERENCES

1. Veidemann R. Colloquium on Estonian literature. Trans. by M. Tervonen. Tallinn, 2007. 168 p. (In Russ.)
2. Dalgat U. B. Folklore and ethnographic context in the works of literature. *Rol' fol'klora v razvitii literatur narodov SSSR*. Moscow, 1975. P. 233–246. (In Russ.)
3. Kazakova T. A. Literary translation: in search the truth. St. Petersburg, 2006. 224 p. (In Russ.)
4. Limerova V. A., Litovskaya M. A. Historical novel about the October Revolution in the Komi Soviet literature (1930–1950). *Permskie literatury v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoj slovesnosti*. Ekaterinburg, 2016. P. 312–332. (In Russ.)
5. Komi mythology. Ed. by V. V. Napol'skikh. Moscow, 1999. 480 p. (In Russ.)
6. Obolenskaya Yu. L. Literary translation and intercultural communication. Moscow, 2010. 264 p. (In Russ.)
7. Ostapova E. V. The history of the translation of *The Scarlet Ribbon* novel by V. V. Yuhnin into Russian. *This song is the Komi life. Collected works on the founders of the Komi literature*. Syktyvkar, 2008. P. 324–331.
8. Ostapova E. V. The Komi literature through the mirror of translation. Syktyvkar, 2016. 86 p. (In Russ.)
9. Pakhorukova V. V. The history of Komi-Permyak literature. Vol. 1. Prose. Syktyvkar, 2004. 220 p. (In Russ.)
10. Sultanov K. National self-consciousness and value orientations in literature. Moscow, 2001. 196 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 27.03.2018

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА САФРОН

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
00inane@gmail.com

МИФОЛОГЕМА ОСТРОВА В СКАНДИНАВСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

На материале разных жанров скандинавского фольклора (былички, заговоры, легенды, предания, сказки Дании, Исландии, Норвегии, Швеции) рассматривается мифологема острова. Для анализа используются только сюжеты о путешествии на остров (с возможным последующим возвращением на материк) и мотив встречи героя с обитателями острова. Выясняется, что в фольклоре указанных стран номинатив *остров* приравнивается к номинативу «иной» мир. В отдельных сюжетах этот мир уподобляется раю или, наоборот, месту обитания всего дьявольского, враждебного человеку. Наследуя традицию мирового фольклора, устное народное творчество скандинавов также нередко превращает остров в место ссылки для несущих угрозу человеку существ: как для людей, так и для представителей потустороннего мира. Мифологема острова также реализуется через образ горы, однако именно в шведском фольклоре этот образ часто имеет отрицательную коннотацию как место, используемое для проведения шабаша ведьм. Выясняется, что традиционными сверхъестественными существами, населяющими острова всей Скандинавии, являются виттры (подземные жители), тогда как на шведском Готланде обитает Бюсен – одетый в серую одежду старик маленького роста, выполняющий функции хранителя леса, и Бьяру – женский аналог Бюсена, гомункул, изготавливаемый из березовых веток.

Ключевые слова: мифологема, скандинавский фольклор, остров, райский, виттра, Блокула, Вальхалла, скесса, сверхъестественный

Мифологема острова – универсальная составляющая мировой культуры. Цель работы – проследить специфику ее реализации в скандинавском фольклоре. Уточним, что под мифологемой мы будем понимать не просто «единицу мифологической системы» [6], но вслед за Л. И. Горницкой и М. Ч. Ларионовой видеть в ней

мифологическую модель, структурно-семантическую единицу в отвлечении от ее конкретных реализаций, а также жанра, рода <...> и т. д. Сам инвариант материальной оболочки не имеет, поэтому мифологема не существует в «чистом» виде, а только в виде культурного «слова» или сюжета, мотива и художественного образа [1: 13].

Особо подчеркнем, что в статье речь пойдет о сюжетах, в которых фигурирует мотив путешествия на остров с возможным последующим возвращением («островной сюжет» [7: 155], по определению Т. В. Цивьян) и мотив встречи героя с обитателями острова, тогда как сюжеты островной космогонии или эсхатологии остаются, в силу ограниченного объема работы, вне поля нашего внимания. Материалом для исследования послужил фольклор скандинавских стран: Дании, Исландии, Норвегии и Швеции.

Выясняется, что в скандинавском фольклоре (анализируются былички, заговоры, легенды, предания, сказки Дании, Исландии, Норвегии, Швеции), как и в фольклоре других стран, номинатив *остров* оказывается идентичен номинати-

ву «иной» мир [2: 19]. «Иной» характер места также подчеркивается особыми свойствами местных растений, иным, нежели на материке, течением времени, необычной внешностью его обитателей, доступностью только для избранной группы посетителей (на остров могут попасть только самые смелые, честные, чистые душой и т. п.). Часто встречающаяся коннотация указанного номинатива – райский. В качестве примера приведем норвежское предание «Вороны Ут-Рёста»:

Жители этой благодатной земли не знают нужды. По зеленым обширным пастбищам Ут-Рёста ходят тучные стада, поля золотятся ячменными колосьями, у причалов стоят суда с рыболовными снастями, всегда готовые выйти в плавание (Асбьёрнсен: 5)¹.

В самом сюжете данного предания легко обнаруживаются черты мифа о чертоге павших воинов Вальхалле [3: 212]: бедный рыбак попадает в бурю, а от смерти его спасают вороны. Птицы показывают ему дорогу на остров Ут-Рёст, на котором живет старик с длинной белой бородой, одетый в синий кафтан (длинная седая борода и синий плащ – атрибуты бога Одина, повелителя Вальхаллы). Хозяин землянки демонстрирует поразительную осведомленность о том, о чем, на первый взгляд, у него не было никакой информации:

– Но разве ты меня знаешь?

– А как же мне тебя не знать? Конечно, знаю, – сказал старичок (Асбьёрнсен: 10).

Обладание информацией о том, с кем ранее не был знаком, также сближает образ старика с образом Одина как бога мудрости².

Далее вороны превращаются в молодых парней, которых старик называет своими сыновьями (согласно «Старшей Эдде», Хугин и Муни – вороны Одина):

Хугин и Муни
Над миром все время летают без усталы;
Мне за Хугина страшно,
Страшней за Мунина, –
Вернутся ли вороны!³

Стол, накрытый в землянке, схож со столом, за которым в Вальхалле пируют павшие воины, так как на нем «ничего не убывает, словно никто не прикасался к еде и питью» (Асбьёрнсен: 11). На крыше землянки герой видит «белую козу с золотыми рогами и шелковой шерстью» (Асбьёрнсен: 9). Аналогично и на крыше Вальхаллы стоит коза Хейдрун, и из ее вымени течет мед.

Туман, моментально окутывающий остров, также подчеркивает «иную» природу Ут-Рёста.

В этом предании также прослеживается связь мифологемы острова-рая с культом предков, в рамках которого существовало убеждение, что мертвые родственники будут помогать живым. Проиллюстрируем данное утверждение:

Ну, Маттиас, – сказал хозяин Ут-Рёста, прощаясь с ним <...> Ты нас больше не увидишь. Но пока сердце твое бесстрашно, пока не знает оно жадности, мы будем стоять подле тебя у руля, своими плечами будем подпирать мачту во время бури, вместе с тобой будем закидывать сети. <...> И всегда. Когда он вел свой парусник по беспокойным морским волнам, когда он закидывал свои сети и вытаскивал их, чьи-то невидимые руки помогали ему держать руль, ставить паруса и тянуть сеть (Асбьёрнсен: 15).

Посещение острова в скандинавском фольклоре подобно прохождению инициации: низкий статус героя (бедность, непривлекательная внешность, притеснение со стороны близких родственников) после возвращения меняется на противоположный (герой обретает несметное богатство, прекрасную невесту, ему всегда и всюду начинает сопутствовать удача). Именно такую ситуацию мы можем наблюдать в исландской сказке «Йоун и скесса». Престарелый отец отправляет героя на острова на рыбалку, предупреждая, однако, чтобы сын «ни в коем случае не делал привала под скалой, возвышающейся на склоне холма, по которому проходит дорога» (Суриц: 271)⁴. Сын нарушает запрет и оказывается в гостях у скессы (исландское название троллихи или великанши), но за то, что Йоун кормит ее детей, она не только не убивает его, а награждает всеми немыслимыми благами: гарантирует удачный улов на островах («Спутники Йоуна оторопели, приняв его за всемогущего колдуна» (Суриц: 273)), заботится о его лошадях, пока парень находится на промысле, по возвращении одаривает его золотом и серебром.

Обитатели острова обладают волшебными предметами, которые либо похищаются прибывающими на остров извне героями, либо добровольно дарятся им. Например, герой шведской сказки «Золотой фонарик, золотой козел и золотая шуба» по очереди выманивает у хозяйки острова троллихи волшебный фонарь, козла с золотыми рогами и сверкающую шубу, в обмен на которые получает руку прекрасной принцессы. В свою очередь, в норвежском предании «Вороны Ут-Рёста» бедный рыбак по имени Маттиас получает в подарок от жителей острова

всю рыбу, которую они наловили в тот день, да сверх того подарили ему на прощанье новый восьмивесельный бот и, в придачу к нему, целый мешок муки, целую штуку тонкой парусины, бочонок сала и еще много всякого добра (Асбьёрнсен: 13).

Остров в фольклоре стран Северной Европы может выступать в качестве места ссылки для неугодных, будь это сверхъестественные существа или люди. Так, в шведском заговоре от нарывов от лица Иисуса произносятся следующие слова:

Отправляю тебя по дороге, по которой никто не ходит, через озеро, по которому никто не проплывал, на остров, на котором никто не живет. И там пребудешь ты до тех пор, пока небеса говорят, а звезды им отвечают⁵.

На примере этого заговора мы видим, что мифологема острова в устном народном творчестве Скандинавии также демонстрирует общность с мировым фольклором благодаря наличию семы максимальной возможной отдаленности [1: 23]: *остров располагается там, где никто никогда не бывал*.

В норвежской сказке «Кого все женщины любят, тот беды не знает» описан остров, на который,

по королевскому указу, отвозили всех нищих и бродяг, чтобы лохмотья и унылые лица не мешали веселью во дворце. <...> Бродягам привозили на лодках оскребки каши и скисшее молоко – такая уж им еда полагалась (Суриц: 211).

Мифологема острова может быть привязана и к конкретному географическому объекту. Например, в датской сказке «Всемирно починяльщикам починяльщик» герои отправляются на Британские острова. Мы не можем говорить о времени появления на свет названной сказки, но можем предположить, что такая конкретизация могла быть обусловлена фактом многовекового господства датских викингов в английских землях (постоянные грабительские набеги в 800-х годах и наличие единого короля с 1018–1042 годов [4: 203]):

И вот прослышали они, что у короля английского дочь пропала и объявление было: кто принцессу отыщет и домой воротит, тот ее в жены получит да полкоролевства в приданое возьмет. И порешили четверо братьев в Англию отправиться, счастья попытать (Суриц: 45).

Очевидно, что датчане в этой сказке рисуются спасителями Англии, то есть пытаются преодолеть собственный комплекс завоевателей.

Изображаемая в сказке Англия представлена в традиционном фольклорном ключе: есть только конкретное географическое название, но нет никаких других характеристик (описание природы, климата и проч.), которые были бы соотнесены непосредственно с существующим в реальности объектом, из-за чего остров «предстает как образ абстрактный» [1: 18]. В соответствии со сказочными законами король Англии наделяется чертами идеального правителя, которому подвластны чудесные предметы. В частности, он строит для героев «корабль, чтоб и по воде, и по суше плавал» (Суриц: 45). Датчане, отправляющиеся на поиски принцессы, также являются выдающимися личностями, наделенными исключительными умениями:

Самый старший пожелал думать выучиться, разумником стать; второй сын пожелал красть обучиться, воровских дел мастером стать; третий пожелал стрелком сделаться, чтоб метко стрелять да в цель попадать; а самый младший пожелал стать таким мастером, чтобы все он мог починить, что другим починить не под силу, и чтоб вышел из него всем починяльщикам починяльщик (Суриц: 45).

В фольклоре в роли острова может выступать гора: согласно утверждению М. Элиаде, «Гора посреди Моря символизирует Остров Счастья, нечто подобное Раю» [8: 97]. В фольклоре стран Северной Европы положительная коннотация у такого образа реализуется отнюдь не всегда. Остров уже в силу своей изолированности может одновременно быть и источником угрозы, местом обитания сверхъестественных сил. Особенно ярко эта тенденция прослеживается на примере шведского фольклора. Например, гора Блокула (от немецкого *Блокберг*) – место проведения шабашей ведьм [9]. На ее демоническую роль претендует несколько географических объектов. Самый известный из них – остров Бло-Юнгфурн, располагающийся в проливе Кальмарсунд, с давних времен использовавшийся мореплавателями в качестве места жертвоприношений. В то же время, согласно авторам Северной энциклопедии, представление о Блокуле как о демоническом месте – результат влияния христианства, трансформировавшего рудименты культа бога плодородия в мифологему сатанинского шабаша [9].

Также частым местом обитания потусторонних враждебных человеку сил становится самый высокий шведский остров Мьельтон (236 метров над уровнем моря). Остров из быличек о событиях на Мьелтоне рассказывает об охотнике на тюленей по имени Гедербом:

Когда сезон рыбной ловли был окончен, рыбаки вместе с семьями вернулись на материк. <...> И вот промозглым вечером остался там только мужик по имени Гедербом. Он усердно читал свою книгу по колдовству. Нечто ужасное захотело проникнуть в дом. Снаружи

кто-то пытался вышибать дверь. Однако Гедербом был хладнокровен. Он повернулся к двери, крикнув: «Тебе не напугать меня, дьявол!», – и метнул в дверь нож. Нож, однако, встретил только пустоту. Он еще усерднее продолжил изучать свою книгу, а звуки за дверью стали тише. Он подкинул дров в печь и приготовился спать, прихватив с собой свое ружье. Всю комнату заполнил ужасный морок, огонь в печи бешено ревел. Гедербом в гневе схватился за ружье и выстрелил. Со стоном и жалобами нечто убежало в сторону ближайшей горы. В кого он попал: в мать дьявола или в его отца, неизвестно, но больше в ту ночь Гедербома никто не беспокоил⁶.

Скандинавы были убеждены, что на островах обитали виттры. Народ виттра, виттерфольк в устном народном творчестве Северной Европы – подземные жители, родственные троллям, альвам (эльфам). Внешне виттры походили на людей, носили такую же одежду, как и жители той местности, где они обитали. Часто они даже исполняли те же песни, что и крестьяне [13], а жили под амбарами или постройками на летних пастбищах [12]. Как Готланд, так и любой другой остров Северной Европы считался местом обитания подземных жителей – виттр. В преданиях и быличках шведского Мьельтона о виттрах говорится следующее (приводятся выдержки):

Один семидесятилетний старик из Вибюгерро рассказывал о мистических событиях на Мьельтоне, происходивших во времена его предков (т. е. около 1870 г.). Как-то ночью по осени служанки услышали снаружи лай и женские голоса. Они повскакивали с постелей, выбежали на улицу и увидели коровье стадо, которое через их пастбище гнали какие-то женщины очень маленького роста. Одна из сведуших в колдовстве служанок бросила вслед корове швейную иголку, т. к. считалось, что тогда та отстанет от стада и потеряет способность быть невидимой. Такие коровы давали прекрасные надои: подойник, который используют для дойки в первый раз, наполняется до краев, в независимости от своего размера, и, в какой бы день корову ни доили, он всегда полон.

Лишившись коровы, виттра вынуждена была предстать перед той служанкой и потребовать взамен отдать ей теленка. Виттры получили теленка, но с каждым годом жизнь на острове становилась все беспокойнее и беспокойнее.

Мужское население деревни, отправляясь на промысел в Мьельтонский пролив, часто слышало, как виттры ругались. Однажды вечером, когда шум стал просто невыносим, один из охотников схватил ружье и выстрелил в ту сторону, где, судя по звуку, находились невидимые виттры. Эхо от выстрела разнеслось далеко вокруг. По реакции охотник понял, что попал в виттру мужского пола. Невидимые голоса закричали, что он застрелил дедушку виттр. Через несколько лет был обнаружен скелет этого самого дедушки. Говорят, что с тех пор на Мьельтоне стало спокойно⁷.

Анализ датских легенд о виттрах острова Борнхольм позволяет говорить о том, что последние могли выполнять роль волшебных помощников:

На Борнхольме, особенно в туманные дни, можно увидеть иногда, как подземный народ проводит военные учения на склонах вересковых холмов. <...> Если Борнхольму угрожают враги, подземные жители неизменно появляются наверху <...> Так случилось и шестого

февраля 1645 года, когда к острову приблизились два шведских корабля, намереваясь произвести высадку десанта. Увидев, что склоны горы покрыты войсками, они сочли его слишком хорошо защищенным и, отказавшись от штурма, уплыли прочь⁸.

Отдельные острова имели своих специфических сверхъестественных обитателей. Так, считалось, что на шведском Готланде жил Бюсен – родственник вэтте [5: 22–26], который мог выглядеть как старичок маленького роста, одетый в серую одежду [14: 1458] и красный колпачок, но мог и превращаться в пень или маленькую птичку. В быличках Готланда Бюсен – заложный покойник: призрак злого человека, который в качестве расплаты за свои грехи должен вечно следить за лесами Готланда [10], [11], то есть выполнять функции, аналогичные функциям славянского лешего [2: 52]. С лешим этого персонажа сближает и совпадение способа защиты от них: чтобы не сойти с ума от их страшного смеха и не заблудиться в лесу, необходимо было надеть на себя вывернутую наизнанку куртку⁹.

Бюсену как существу мужского пола противопоставляется Бьяру (по-видимому, этимологически это имя связано со словом *björk*, образованным от прагерм. формы **berkjon* – береза. Подробнее см. ниже). Бьяру – гомункул¹⁰, созда-

ваемый теми, кто заключил сделку с дьяволом. В частности, помогает ведьмам доить чужих коров. Согласно местным поверьям, чтобы создать Бьяру, необходимо было три вечера четверга дуть в замочную скважину церкви и отречься от Святого Духа. После этого нужно было пойти в сарай, вырвать из веника три березовых прута, связать их вместе, обмотать тряпками, сделать из палочек ручки и ножки, а потом прокричать: «Вставай, во имя Дьявола!» [10].

Таким образом, в результате анализа скандинавских фольклорных источников разных жанров было выяснено, что житель острова – человек незаурядных способностей: смелый, хладнокровный, обязательно владеющий приемами колдовства или получающий колдовские навыки непосредственно перед тем, как отправиться на остров. Кроме того, несмотря на наличие специфических островных обитателей – виттр, Бюсена, Бьяру, подземных жителей – было обнаружено, что фольклор Северной Европы наполняет мифологию острова привычной для других народов семантикой: с одной стороны, мечтой о рае; с другой стороны, приравнивает остров к абстрактному удаленному месту, «иному» миру, куда ссылаются все негативное, несущее угрозу человеку.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее цит. по: Асбьёрнсен П.-К. На восток от солнца, на запад от луны: Норвежские сказки и предания. Петрозаводск: Карелия, 1987. 207 с. В тексте в круглых скобках указана фамилия автора сборника и через двоеточие страница.
- ² Речи Высокого // Старшая Эдда. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 65.
- ³ Речи Гримнира // Старшая Эдда. С. 86–87.
- ⁴ Здесь и далее цит. по: Скандинавские сказки / Сост. Е. Суриц. М.: Худож. лит., 1991. 335 с. В тексте в круглых скобках указана фамилия автора сборника и через двоеточие страница.
- ⁵ När man får styng och grön kvesa. Upptecknare: P. Edholm Meddelare: P. Edholm. Available at: <http://www.murberget.se/upptack/minnespost.aspx?regn=911> (accessed 25.01.2018).
- ⁶ Texten syntes ej Upptecknare: Levi Johansson Meddelare: A. Norgren. Available at: <http://www.murberget.se/upptack/minnespost.aspx?regn=666> (accessed 25.01.2018). Здесь и далее перевод мой.
- ⁷ Julseder på 1870-talet Meddelare: Max Uppteckning nummer LMV-M5118. Available at: <http://www.murberget.se/upptack/minnespost.aspx?regn=920> (accessed 24.01.2018).
- ⁸ Подземный народ Борнхольма. Norway. Страна на самом севере [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.norway-live.ru/library/skandinavskaya-mifologiya-enciklopedia11.html> (дата обращения 13.01.2018).
- ⁹ Larsson T. Bysen // Folktrö. Available at: <http://www.4um8.se/smaland/Folktrö/folktrö.htm> (accessed 25.01.2018).
- ¹⁰ Папюс Практическая магия. СПб.: Курьер-2, 1992. С. 347.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горницкая Л. И., Ларионова М. Ч. Место, которого нет... Острова в русской литературе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 226 с.
2. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Леший // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 2. К–Я. С. 52.
3. Мелетинский Е. М. Вальхалла // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 1. А–К. С. 112.
4. Роэсдаль Э. Мир викингов. СПб.: Всемирное слово, 2001. 272 с.
5. Сафрон Е. А. Традиционные образы скандинавской фольклорной волшебной сказки: Монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 100 с.
6. Топоров А. Л. Мифология // Восточно-славянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск: Наука і тэхніка, 1993. С. 154.
7. Цивьян Т. В. Остров, островное сознание, островной сюжет // Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации: Избранное: В 2 кн. Кн. 2: Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. М.: Наука, 2008. С. 151–160.
8. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
9. Blåkulla // Nordisk familjebok. Konversationslexikon och realencyklopedi. Ny, reviderad och rikt illustrerad upplaga / Red. Th. Westrin. Stockholm, 1921. S. 801. Available at: <http://runeberg.org/nfbc/0435.html> (accessed 17.02.2018).
10. Engström S. Gotländska sägner. Högskolan Visby 2009. Available at: http://www.gutamal.org/wp-content/uploads/HGO_2009_S_Engstrom.pdf (accessed 17.02.2018).

11. Hagberg R. Forna tidens sägenskatt från Omberg och dess omgivningar. 1995. S. 13. Available at: [http://hembygdsbok.odeshog.se/web/odeskult/internet.nsf/0/9B69AED0980BBE96C1256FDD002FE987/\\$file/0.pdf](http://hembygdsbok.odeshog.se/web/odeskult/internet.nsf/0/9B69AED0980BBE96C1256FDD002FE987/$file/0.pdf) (accessed 24.01.2018).
12. Vittrefolk // Nordisk familjebok. Konversationslexikon och realencyklopedi. Ny, reviderad och rikt illustrerad upplaga / Red. Th. Westrin. Stockholm, 1921. S. 885. Available at: <http://runeberg.org/nfcl/0475.html> (accessed 03.03.2014).
13. Vittror. Available at: <http://www.ungafakta.se/kunskapsbanken/svenska-oknytt/material/Svenska%20oknytt,%20Vittror.pdf> (accessed 19.01.2018).
14. Vätte // Svensk Ordbok / Red. L. Swedenborg. Norstedts Tryckeri, Stockholm: Förlagsaktiebolaget OTAVA, Keuru, 1988. S. 1458.

Safron E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MYTHOLEGEME OF THE ISLAND IN SCANDINAVIAN FOLKLORE

Using the material of different genres of Scandinavian folklore (spells, legends, stories and fairy tales of Denmark, Iceland, Norway and Sweden), the author analyses the mythologeme of the island. For the analysis the researcher uses only stories about a trip to an island (with a possible subsequent return to the mainland), which describe main character's encounters with local residents. It turns out that in the folklore of these countries the denomination "island" is equated with the denomination "other world". In some plots, this world is associated with paradise or, conversely, with the habitat of all evil and hostile to a man. Inheriting the world folklore tradition, the oral folk art of the Scandinavians also often turns an island into a place of exile for creatures – humans or residents of the other world – who threaten human beings. The mythologeme of the island is also realized through the image of the mountain, but in Swedish folklore this image often has a negative connotation as a place used for a witches' sabbath. The author finds out that the traditional supernatural beings of the Scandinavian islands are vittras (inhabitants of the underground world). However, Swedish Gotland island is a habitat for a special creature named Büsen, a gray-clad little old man who performs the functions of the forest keeper, and Biar, the female analogue of Büsen, a homunculus made of birch twigs for the purpose of stealing milk.

Key words: mythologeme, Scandinavian folklore, island, paradise, vittra, Blockula, Valhalla, skessa, supernatural

REFERENCES

1. Gornitskaya L. I., Larionova M. Ch. A place that does not exist... Islands in Russian literature. Rostov-na-Donu, 2013. 226 p. (In Russ.)
2. Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. Leshy (a forest spirit). *Mify narodov mira. Ensiklopediya. V 2 t.* Ed. S. A. Tokarev. Moscow, 1997. Vol. 2. K–Ya. P. 52. (In Russ.)
3. Meletinskij E. M. Valhalla. *Mify narodov mira. Ensiklopediya. V 2 t.* Ed. S. A. Tokarev. Moscow, 1997. Vol. 1. A–K. P. 112. (In Russ.)
4. Rojesdal E. The world of the Vikings. St. Petersburg, 2001. 272 p. (In Russ.)
5. Safron E. A. Traditional images of Scandinavian folklore fairy tale. Petrozavodsk, 2015. 100 p. (In Russ.)
6. Toporkov A. L. Mythologeme. *Vostochno-slavyanskiy fol'klor: Slovar' nauchnoy i narodnoy terminologii.* Minsk, 1993. P. 154. (In Russ.)
7. Tsivyan T. V. Island, island consciousness and island plot. *Tsivyan T. V. Yazyk: tema i variatsii: Izbrannoe. V 2 t. T. 2: Antichnost'. Yazyk. Znak. Mifi fol'klor: Poetika.* Moscow, 2008. P. 151–160. (In Russ.)
8. Eliade M. The sacred and the mundane. Moscow, 1994. 144 p. (In Russ.)
9. Blåkulla. *Nordisk familjebok. Konversationslexikon och realencyklopedi. Ny, reviderad och rikt illustrerad upplaga.* Red. Th. Westrin. Stockholm, 1921. S. 801. Available at: <http://runeberg.org/nfbc/0435.html> (accessed 17.02.2018).
10. Engström S. Gotländska sägner. Högskolan Visby 2009. Available at: http://www.gutamal.org/wp-content/uploads/HGO_2009_S_Engstrom.pdf (accessed 17.02.2018).
11. Hagberg R. Forna tidens sägenskatt från Omberg och dess omgivningar. 1995. S. 13. Available at: [http://hembygdsbok.odeshog.se/web/odeskult/internet.nsf/0/9B69AED0980BBE96C1256FDD002FE987/\\$file/0.pdf](http://hembygdsbok.odeshog.se/web/odeskult/internet.nsf/0/9B69AED0980BBE96C1256FDD002FE987/$file/0.pdf) (accessed 24.01.2018).
12. Vittrefolk. *Nordisk familjebok. Konversationslexikon och realencyklopedi. Ny, reviderad och rikt illustrerad upplaga.* Red. Th. Westrin. Stockholm, 1921. S. 885. Available at: <http://runeberg.org/nfcl/0475.html> (accessed 03.03.2014).
13. Vittror. Available at: <http://www.ungafakta.se/kunskapsbanken/svenska-oknytt/material/Svenska%20oknytt,%20Vittror.pdf> (accessed 19.01.2018).
14. Vätte. *Svensk Ordbok.* Red. L. Swedenborg. Norstedts Tryckeri, Stockholm, Förlagsaktiebolaget OTAVA, Keuru, 1988. S. 1458.

Поступила в редакцию 27.02.2018

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИКИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОСТРОВА КИЖИ

Цель статьи – рассмотреть пласт отсылок к изобразительному искусству в художественных текстах об острове Кижь, прежде не рассматривавшийся в исследованиях о репрезентации острова. В прозе и поэзии об острове с 1960-х годов такие отсылки появлялись регулярно. Среди основных типов (номинации и образы художников, экфрасисы) подробно изучена группа образов и номинаций художников, вымышленных и реально существовавших. Появление их в произведениях об острове обусловлено его культурной историей, сформировавшей особый ландшафт, сфокусированный на Кижском погосте, признанном шедевре архитектуры, а также некоторыми чертами периода оттепели, когда были написаны и опубликованы многие яркие произведения о Кижях. Художники появляются в кижских сюжетах в качестве персонажей (от главного героя до эпизодических лиц), часто имеют особый статус, промежуточный между коренными островитянами и туристами. Наряду с условными фигурами в этом материале встречаются имена реально существовавших живописцев – Куинджи, Ван Гога, Гойи, Гогена, Рокуэлла Кента. В статье рассмотрены причины появления этих имен и их интермедийные функции в текстах об острове. Материалом для исследования стали тексты И. Мазурук, Е. Носова, Ю. Казакова, В. Пулькина, А. Вознесенского, мемуарные источники. Проведенный анализ позволяет признать, что образы, связанные с художниками и изобразительным искусством, – оригинальная черта в литературной репрезентации острова, придающая ему (наряду с сакральным значением кижских храмов) черты места, концентрирующего исключительные зрительные возможности и небытовые смыслы.

Ключевые слова: остров, Кижь, искусство, архитектура, интермедийность, пространство, место, гуманитарная география, оттепель

Остров Кижь – популярное место и важный символический локус Русского Севера и России в целом. Об этом свидетельствует и одновременно этому способствует массовое репродуцирование визуальных образов острова, в первую очередь Кижского погоста с его узнаваемой во всем мире церковью Преображения Господня, которую К. Паустовский в одном из своих очерков назвал «единственной в мире по красоте архитектуры»¹. Параллельно с визуальной в XX веке развивалась и литературная репрезентация острова, воплотившаяся в сотнях текстов разной художественной ценности, публиковавшихся на протяжении многих десятилетий (фактически начиная с середины 1930-х годов). Особенности литературной репрезентации острова посвящена наша монография «Остров Кижь и русская литература» [9]. Специальных исследований о визуальной репрезентации острова Кижь в настоящее время нет. Обе ветки репрезентации – визуальная и литературная – не автономны, но находятся во взаимодействии. По крайней мере, литературные тексты включают в себя достаточно регулярные отсылки к изобразительному искусству.

Появление отсылок к изобразительному искусству, а также интермедийных, связанных

с визуальной и – конкретнее – художественно-изобразительной сферой, элементов в кижских сюжетах русской литературы обусловлено самими особенностями места, его ландшафтом. И поддерживается историей освоения острова. Известно, что эта история, с одной стороны, длительная, а с другой стороны, сравнительно недавняя, поскольку массовая слава пришла к острову в XX столетии. В этом смысле у острова Кижь особая судьба и особый облик на фоне других известных северных островов – Соловков и Валаама. В отличие от Соловков, например, у острова Кижь не было многовековой традиции церковной книжности, развивавшейся благодаря Соловецкому монастырю. И популярность острова в XX веке определяется в гораздо большей степени его ландшафтом и уникальностью Кижского погоста и 22-главой церкви Преображения Господня, сформировавшими его визуальный облик. Началом прошлого столетия датируются отклики известных художников, побывавших в Кижях, – Ивана Билибина, Игоря Грабаря [2: 14]. Еще раньше, в 1785 году, Кижский погост получил изображение на гравюре художника Родиона Зотова «Вид Кижинского погоста с западной стороны от пролива Онега озера...», которая

вошла в книгу о путешествии академика Озерцовского по Ладожскому и Онежскому озерам [3: 13]. Первой станковой картиной с изображением острова музейные путеводители называют картину Иегошуа Шлуглейта «На далеком севере», купленную в 1911 году императором Николаем II [2: 14]. В последующие десятилетия поток изображений и фотографий острова, профессиональных и любительских, документальных и художественных, выполненных в самых разных техниках, вырос так, что сегодня не поддается подсчету. Так что, с одной стороны, массовый интерес к острову появляется достаточно поздно в сравнении, например, с Соловками, с другой стороны, остров Киж оказывается особенно востребован именно в XX столетии с его растущим интересом к визуальности, развитием фото-, видео-, медиатехнологий.

В литературных текстах об острове Киж эта особенность его культурной истории проявилась в системе образов и мотивов, связанных с изобразительным искусством. Рассматривать этот материал можно в нескольких аспектах.

1) В прозе и поэзии об острове Киж с заметной регулярностью встречаются образы и имена (номинации) художников, реальных и вымышленных.

2) Фокусом внимания в литературных текстах помимо легенд, исторических и современных сюжетов становится особенный ландшафт острова, смысловой и визуальный центр которого, как уже было сказано выше, исключительный по своей архитектуре Кижский погост. В силу этого многие тексты о Кижках содержат словесные описания соборов как произведений искусства, шедевров архитектуры (экфрасисы).

В настоящей статье мы остановимся на первой группе явлений – примерах образов и именований художников в кижских сюжетах. В литературных текстах о Кижках художники упоминаются с заметной регулярностью начиная с 1960-х годов. Образы художников, рисующих на острове, часто являются частью миметических стратегий прозаиков, стремящихся передать колорит места, его характерные черты. Это очень свойственно рассказам и очеркам периода советской оттепели с их узнаваемой комбинацией реалистической в целом поэтики и географической романтики. Корпус текстов реалистического направления и здесь дает богатый материал для наблюдения над особенностями литературной репрезентации пространства, что уже отмечалось зарубежными исследователями применительно к европейскому роману XIX века². В лирике одновременно преобладают экфрасистические элементы, что обусловлено ее имманентными родовыми чертами, главным образом редуцированной по сравнению с другими литературными родами системой персонажей, тяготением к изображению «мига» [8: 29].

Приведем несколько примеров персонажей-художников в кижских сюжетах. Главным героем рассказа Юрия Казакова «Адам и Ева» (1962) является приехавший на остров «рисовать рыбок» столичный художник Агеев. Повествование ведется от третьего лица, но организовано так, что пространство и события показаны фактически глазами героя. Его род занятий мотивирует, само присутствие персонажа на северном острове с трехсотлетней церковью и определяет многие значимые аспекты повествования. Артистические образы и мотивы, вопросы рецепции современного искусства вообще играют особую роль в этом рассказе, вышедшем, к слову, всего за три месяца до знаменитого посещения Никитой Хрущевым выставки современных художников в Москве. К тексту этого рассказа мы далее вернемся.

В рассказе московской сценаристки и писательницы Ирины Мазурук «Киж» (1967) среди островитян появляется «девушка в вылинявших тренировочных штанах и войлочной шляпе, с этюдником»³. «Товарищем Куинджи» иронически называет ее один из прибывших на остров телевизионщиков. И судя по репликам девушки, она живет на острове долго, все знает⁴. Студенты-художники здесь – уже неотъемлемая часть островного быта. Такого рода персонажи встречаются и в других произведениях. Интересно, что по степени вовлеченности в жизнь острова они занимают промежуточное звено между аборигенами и туристами. Это бинарное деление очень характерно для островных сюжетов вообще и для кижских в том числе. Так вот персонажи-художники, не принадлежа к числу коренных островитян, на фоне других туристов имеют особый статус: их пребывание на острове не постоянно, но оно часто длительно.

В 1970 году в журнале «Наш современник» была впервые опубликована повесть Евгения Носова «И уплывают пароходы, и остаются города», одним из действующих лиц которой тоже становится художник, приехавший на остров рисовать. Художник показан глазами главного героя, местного чудака Савони, и, не будучи главным героем повествования, тем не менее представлен вполне детализированно. Встреча коренного жителя и приезжего художника определит раздвоение оптики, в которой показан в повести остров, вводит характерную для кижских сюжетов тему взаимодействия «своего» и «чужого»:

Савоня со своей ногой не успевает за экскурсией, постепенно отстает, останавливается среди острова и, приметив невдалеке от стен погоста белую панаму туриста-художника, одиноко маячившего над травами, поворачивает к нему. Там он в почтительном отдалении, но так, чтобы видеть картину, опускается на землю. Художник, невидяще глянув на пришельца, на миг показав обложное русой молодой бородкой узкое, отрешенное, апостольское лицо, снова отворачивается к рисунку и продолжает торопко шуршать по картону цветными палочками. Савоня достает из кармана недоеденную

баранку и, отламывая по кусочку, вяло жуя, наблюдает за работой, сличает картину с живой Преображенской церковью.

Художник отходит на несколько шагов от своей треноги, в раздумье теребит, пачкает цветными пальцами бородку, и видно, что недоволен своей работой. «Вот и готовое, а не дается, — думает про него Савоня. — Да и сколь уже подступались: и оттуда зайдут и отсудова...»⁵.

Разговоры с художником Гошей, которого ближайшее окружение зовет Гойя Надцатый, имеют в повести большое значение. А эпизод одной из таких дискуссий исследователи называли кульминационным для повести [1: 504].

К перечисленным текстам следует отчасти отнести и «Кижские рассказы» (1973) Виктора Пулькина, а также последовавшую за ними серию книг о кижских плотниках-мастерах («Происхождение красоты», «Чаша мастера»), которые в интерпретации автора выступают в качестве создателей красоты, равных по силе таланта другим великим творцам (см., например, сказ «Итальянец из деревни Ерши» о том, как кижский плотник реставрировал старинную фигурку ангела из иконостаса церкви в Марциальных водах⁶). Пулькин объединяет своих персонажей концептуальной характеристикой «мастер», но это слово отсылает как к ремесленной части плотницкого и столярного дела, так и одновременно к артистическому контексту, благодаря такому устойчивому обороту, как «старые мастера» и под. Мастера у Пулькина — это настоящие народные художники, ни в чем не уступающие художникам профессиональным, а часто и превосходящие их в изобретательности и ловкости.

Таким образом, в литературных текстах об острове Киж 1960–1970-х годов персонажи-художники становятся частью *coleur local*. И это закономерно. Молодые художники попадали на остров, тогда еще труднодоступный и малоизвестный, фактически начиная с середины 1940-х годов, когда архитекторы серьезно заинтересовались деревянным зодчеством и проблемами сохранения этого наследия. В воспоминаниях ведущего научного сотрудника музея «Киж» В. А. Гущиной можно найти сведения о том, как формировалась коллекция акварелей и графики по кижской тематике архитектора Натальи Алексеевны Ильинской, начало которой было положено еще в 1946 году в пору дипломной практики студентки архитектурного факультета ленинградской Академии художеств. В. А. Гущина приводит воспоминания художницы:

После рабочего дня я в основном занималась акварелью, которую не должна была сдавать. Мне удалось поработать только в Преображенской церкви, церковь произвела на меня неизгладимое впечатление, особенно интерьер <...> Работала я в церкви одна, меня пускал сторож. Однажды, в дождливый день, я решила напи-

сать этюд из окна алтаря и вдруг услышала причитания и плач на могиле. Ненастный день, пустота и тишина церкви и этот плач, скорее молитва, общение с душой умершего, помнятся мне и до сих пор [7: 14].

Мемуаристы вспоминают, как музей активно привлекал молодых художников к своей деятельности:

Побывали в Кижках В. Г. Брюсова, С. В. Ямщиков (Центральные научно-реставрационные мастерские), Э. С. Смирнова, С. Ф. Коненков (Русский музей). Каждый в чем-то помогал. Они жили подолгу. Были на практике группы Московского архитектурного института, художественных вузов Ленинграда, Ленинградской духовной академии. Они в основном занимались под попечительством своих преподавателей, но помогали и нам в уборке территории, хозяйственных работах [7: 43].

Идиллические эпизоды в воспоминаниях старожилов острова иногда осложняются драматическими. Н. Долголенко:

Однажды мне кто-то сказал, что на пристани в камеру хранения сдан подозрительный груз. Я пригласил председателя сельского совета (кажется, тогда был Максимов), и мы задержали группу студентов Московского художественного училища имени революции 1905 г., которые пытались увезти в Москву украденные иконы (более 30 штук) и даже вырезали пилой большую часть иконостаса из какой-то часовни. Художественную ценность этих икон они, конечно, представляли. Иконы мы изъяли, а о студентах этой группы составили акт и послали его министру культуры КАССР, а копию министру культуры СССР [7: 51].

В литературных текстах оттепели этих остро-напряженных моментов нет, есть только самый обобщенный образ артистической, почти всегда столичной, молодежи.

Одухотворенные девушки и юноши с этюдниками становятся постоянными персонажами литературных сюжетов об острове. Чаще всего не главными, фоновыми, но этот фон в силу повторяемости становится по-своему значимым. В прозе 1960–1970-х годов остров Киж — объект любования и пленэров, кладезь живописных сюжетов. Ср. в рассказе Ю. Казакова разговор Агеева с официанткой в вокзальном буфете:

— Слышишь, ты! Я гениальный художник, меня Европа знает, ну?

— Художники нас не рисуют, — немного не по-русски выговорила официантка.

— Откуда ты знаешь? — Агеев посмотрел на ее грудь.

— О! Им надобятся рыбаки. И рабочие, стрел... стрелочники. Или у нас Ярви имеет островок и деревянная церковь. Они все едут туда, еду-ут... Москва и Ленинград. И все вот так, в беретах, да?

И дальше, уже в эпизоде прибытия героев на остров:

Гостиница? Для экскурсантов, художников. Тут их много летом наезжает, живут себе, рисуют⁷.

Что было объектом вдохновения художников? Если ориентироваться на литературные тексты,

то в первую очередь – Кижский погост. Но и все, что его окружает: озеро, остров, местные жители, северяне – наследники тех, кто строил «на дальнем Севере», вдали от крупных культурных центров сложные и утонченные деревянные храмы. Хотя в диалоге Агеева с официанткой («рыбаки» и «рабочие» как предпочтительные объекты изображения) звучит, как кажется, и некоторая ирония по отношению к соцзаказу как способу управления искусством (более явно этот мотив прозвучит в рассказе позже в исповеди Агеева).

Помимо художников-персонажей, вымышленных героев, в произведениях о Кижках встречаются имена известных живописцев. Интересно, что среди них обнаруживаются преимущественно западные имена – Ван Гог, Гоген, Гойя, Рокуэлл Кент. Упомянутый выше Архип Куинджи на этом фоне скорее исключение. Причинами появления того или иного имени могут быть разные обстоятельства. Рокуэлл Кент, например, сам бывал в Кижках. Творчество этого американского художника тесно связано с образами Севера. Международную известность приобрели его картины, посвященные Гренландии. Кент был «большим другом» Советского Союза, возглавлял Общество американо-советской дружбы и несколько раз приезжал в Советский Союз, в том числе в 1967 году, после того как был удостоен Ленинской премии мира. Во время поездки 1967 года Кент посетил и Карелию, побывал на островах Кижского архипелага. Как художник он заинтересовался не только островом Киж, но и прилегающими островками с их сельскими часовнями. О поездке с Рокуэллом Кентом на Киж и Волкостров оставил воспоминания Иван Лысенко, в те годы председатель Петрозаводского горисполкома [6].

Ван Гог, Гоген, Гойя на Кижках, конечно, не бывали. Их имена – отражение культурных доминант эпохи оттепели, которая во многих существенных деталях, на наш взгляд, сформировала кижский текст. В это время усиливается интерес к искусству, в том числе западноевропейскому. Сложное взаимодействие идеологического канона, который не переставал действовать, и либерализации культуры, которая ярко проявилась в эпоху оттепели, обуславливало и выбор фигур первого ряда. Под идеологическим канонем в данном случае мы имеем в виду противопоставление «буржуазных» и «антибуржуазных» форм искусства. В советской искусствоведческой критике и публицистике принципиально важна была отнесенность к той или другой группе. Этим определялось отношение к наследию художников – «ругательное» в первом случае и благожелательное – во втором. Имена постимпрессионистов Ван Гога и Гогена в это время часто были на слуху, преодолевая настороженное

отношение к западному модернизму: судьба обоих художников включала довольно драматичное взаимодействие с буржуазным обществом. Это оказывало нейтрализующее действие на советскую цензуру. В случае с Ван Гогом важной оказалась не только трудная судьба и отсутствие коммерческого успеха при жизни, но и многие высказывания в письмах к брату, где Ван Гог сочувственно высказывался о судьбе европейских бедняков – крестьян, шахтеров, и предсказывал скорую революцию. Письма Ван Гога вышли на русском языке отдельной книгой в издательстве «Academia» еще в 1935 году. В 1961-м чешское издательство выпустило альбом репродукций Ван Гога на русском языке. В 1966 году вышло новое издание писем художника к брату на русском языке. Автор предисловия к изданию Ю. И. Кузнецов давал такую характеристику художнику:

<...> предчувствие революции, эта вера в обновление общества, его институтов, нравов и искусства определили общественно-политические и эстетические взгляды художника <...> Вся его жизнь, каждый листок его писем свидетельствует о ежедневных столкновениях с буржуазной действительностью – с всеисильной властью денег, с жестокой борьбой за существование, с ханжеством и лживой моралью, с пустым и банальным официальным искусством [5: 8].

Ван Гог в эти годы стал одним из ярких героев поэзии Арсения Тарковского (1962) и Александра Кушнера (1969) [4].

Популярность другого постимпрессиониста, Поля Гогена, была тоже весьма велика и обусловлена еще и тем, что в 1960-е годы коллекции его работ в музеях СССР, собранные С. И. Щукиным и А. И. Морозовым, уступали только крупнейшей коллекции копенгагенского музея. В Эрмитаже полотна Ван Гога и Гогена экспонировались в соседних залах. При этом в массовом сознании фигуры этих художников были настолько символизированы и мифологизированы, что Ван Гог и Гоген иногда теряли индивидуальные черты или даже обменивались ими. Важнее была романтическая функция бунтарей в искусстве. Так, например, в «Параболической балладе» Андрея Вознесенского (1958) есть строки: «Жил огненно рыжий художник Гоген, // Богема – а в прошлом торговый агент»⁸. Если судить по автопортретам, то Гоген огненно-рыжим никогда не был, а вот Ван Гог как раз был. Если даже допустить, что Вознесенский перепутал, что маловероятно для выпускника архитектурного факультета, насыщавшего уже первые свои книги десятками аллюзий к истории мировой живописи, то дальше у него была бы возможность как-то неточность исправить – если бы это имело принципиальное значение. Но значение, видимо, имел, скорее, собирательный

образ художника-бунтаря, отмеченного чертами яркости и инаковости, в том числе цветовой.

В то же время всякое именование художников в тексте, если речь идет об известных персонах, в той или иной степени выполняет функцию интермедиального приема. Если имя и творчество художника читателю знакомы, это начинает работать как интермедиальная отсылка, как некий «свернутый текст», который может быть развернут благодаря личному опыту и знанию читателя. В этом свете особенно интересен случай замены имени художника в разных вариантах рассказа Ю. Казакова «Адам и Ева». Большую роль в рассказе играют исповедальные разговоры Агеева с его возлюбленной, в которых он говорит о своем понимании искусства и амбициях художника. В современных изданиях этот эпизод выглядит так:

— Серьезно! — сказал Агеев. — Я все думал о своей жизни. Знаешь, паршиво мне было без тебя тут, дождь льет, идти некуда, сидишь в номере или в ресторане пьяный, думаешь... Устал я. Студентом был, думал — все переверну, всех убью картинами, путешествовать стану, жить в скалах. Этаким, знаешь, бродяга Гоген. А как до диплома дошло, так и понеслось: и такой и сякой, подлец! Как накнулись учить, собаки, так и не отстают. Чем дальше, тем хуже. Ты и абстракционист, и неореалист, и формалист, и шатания у тебя всякие... (I, 262).

И дальше:

— Занюханный я какой-то, — усмехнулся он и загляделся на озеро. — Все думаю о Ван-Гоге и о себе... Неужели же и мне надо подохнуть, чтобы обо мне заговорили серьезно? Неужели мой цвет, мой рисунок, мои люди хуже, чем у этих конъюнктурщиков? Надоело! (I, 263)

Гоген и Ван Гог, как мы видим, и здесь идут рука об руку. В этом текст Юрия Казакова верен времени своего создания.

При этом в первой редакции рассказа, опубликованной в журнале «Москва» в 1962 году, вместо Гогена стояло имя Рокуэлла Кента: «Студентом был, думал — все переверну, всех убью картинами, путешествовать стану, жить в скалах. Этаким, знаешь, Рокуэлл Кент...»⁹. И дальше следовал Ван Гог, имя которого осталось неизменным в обеих редакциях. Почему в первой редакции знаковой фигурой оказался Кент? Имя американского художника в 1960-х было очень на слуху: начиная с 1961 года одна за другой выходили книги с его иллюстрациями или им самим написанные. Тогда же Юрий Казаков посетил выставку работ Кента в СССР и написал о ней небольшую заметку, в которой особо выделил северную тему художника (III, 134–136). Нордическое начало было, таким образом, объединяющим для их художественных миров. Выше уже говорилось, что спустя несколько лет после публикации рассказа, в 1967 году, Рокуэлл Кент приедет в Карелию и на остров

Кижы. А в 1973 году в Москве выйдут «Кижские рассказы» Виктора Пулькина, где в сказе «Происхождение красоты» Кент появится в качестве персонажа.

Почему в последующей правке исчез Рокуэлл Кент и оказался Гоген? На этот вопрос сейчас можно ответить только предположительно. Могла сыграть свою роль, например, инерция «пары» для Ван Гога. Их объединяло и личное знакомство, и принадлежность к постимпрессионизму, и драматичные отношения с окружением, одним словом, многие значимые контексты. Кем еще должен был интересоваться молодой непризнанный художник? Не менее важным могло быть желание Юрия Казакова отдалить фигуру Агеева от собственной личности. Это движение от конкретного и автобиографического к универсальному прослеживается и на других уровнях поэтики рассказа. Например, реальная топонимика места в «Адаме и Еве» была заменена вымышленной, при том что детализированные описания местности оставляли ее вполне узнаваемой. Наконец, нельзя исключить и интертекстуального влияния той же «Параболической баллады» А. Вознесенского, опубликованной впервые в 1958 году и имевшей огромный успех. В ней Гоген — воплощение нонконформизма в искусстве. И это созвучно образу Агеева, который, исповедуясь своей подруге, жалуется на острый конфликт с академическим окружением.

И Кент, и Гоген в равной степени представляли тип странника, родственного герою. И тот и другой были связаны с островами — Гренландией в одном случае, Таити — в другом. Тема островов — лейтмотивная для «Адама и Евы». Имя Гогена разве что делает топографию «Адама и Евы» более широкой, менее прямолинейно нордической, а Казаков в лучших своих рассказах, к которым можно отнести и «Адама и Еву», вообще далек от прямолинейности. Идиллические южные острова присутствуют, например, в размышлениях Агеева на Сег-Погосте (так в рассказе переименованы Кижы):

Он пожалел, что теперь осень и холодно, что он в сапогах, в свитере, а то найти бы уголок на этом или на другом острове, где скалы, и песочек, и прозрачная вода, лежать бы целыми днями на солнце и ни о чем не думать. И ходить босиком. И ловить рыбу. И смотреть на закаты.

Он почувствовал, что безмерно устал — устал от себя, от мыслей, от разъедающих душу сомнений, от пьянства — и что совсем болен.

«На юг бы мне, на юг, к морю...» — тоскливо подумал он и встал (I, 269).

«Лежать целыми днями на солнце» — это история совсем про другой остров, нежели тот, который описан в тексте. Сам Агеев приезжает на северный остров осенью, когда уже разъехались

и туристы, и художники, и очевидно, что полежать на солнце не удастся и не планировалось. Желаемое и действительное расходятся здесь, как расходятся эти начала и в других сторонах жизни Агеева, в том числе в его любовной истории. Южные острова в этих размышлениях лишены конкретики и прочитываются, скорее, в общеромантическом ключе, но одновременно могут быть проиллюстрированы любой картиной Гогена из таитянского цикла. Драматичный разрыв Гогена с женой и детьми находит некоторую переключку и в драматизме любовной истории «Адама и Евы», где Агеев в итоге расстается со спутницей и остается на острове один. Так что имя этого художника в итоге органично вписалось в мотивную структуру рассказа, выступая в качестве «свернутого текста», комментирующего характер и судьбу непростого главного героя несколько иначе, чем, например, первоначально значившееся в тексте имя Рокуэлла Кента.

В свете сказанного, видимо, не будет преувеличением, если мы отнесем мотивы и образы, связанные с изобразительным искусством (образы и имена художников, интермедийные приемы) к заметным чертам литературной репрезентации острова Киж, придающим ей определенное своеобразие. Сложилась эта особенность под воздействием реалий ландшафта и истории острова, была поддержана «оттепельными» тенденциями в культуре. Художники,

приезжавшие на остров, стремились запечатлеть его в своих работах и в то же время сами оказывались объектами репрезентации – становились персонажами литературных произведений о нем. Остров получал в сознании читателя статус средоточия прекрасного и его заповедника, одновременно являясь заповедником национально-исторического. Значения эти часто бывают слиты и в литературных репрезентациях Кижей, и в иных чертах бытования (вплоть до современного названия музея Киж – историко-архитектурный и этнографический музей – соединяющего историю, искусство и национальную традицию). В нашем анализе мы эксплицировали одно из этих начал, связанное с изобразительным искусством, чтобы рассмотреть детали его реализации и значения. Роль отсылок к изобразительному искусству, как мы видим, может варьироваться от текста к тексту. Это и передача *colour local* («Киж» И. Мазурук, «И уплывают пароходы, и остаются берега...» Е. Носова), и формирование значимых подтекстов, комментирующих конкретного героя и сюжет («Адам и Ева» Ю. Казакова), а также самого места («Кижские рассказы» В. Пулькина). Но одновременно во всех этих случаях работает общее акцентирование визуального начала и эстетизация острова, который выступает как особый локус, концентрирующий исключительные зрительные возможности и дополнительные, небытовые смыслы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Паустовский К. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3 / [Примеч. Л. Левицкого, Л. Полосиной]. М.: Художественная литература, 1982. С. 280.
- ² См., например, у Дедека Шиллинга: «The mode of literary mimesis that coalesces in the first half of the nineteenth century yields fictional constructs, which, however contrived their plot strands, depart minimally from the zero-world as far as geography and/or topography are concerned. The novel's space of action consistently embraces actually existing geographical or topographical features such as cities, towns, regions, and natural landscapes, or their barely disguised equivalents (e. g., fictive place names may stand in for actual toponyms)» (Метод литературного мимесиса первой половины девятнадцатого века предполагает вымышленные конструкции, которые, как бы ни были изобретательны сюжеты, минимально отходят от «нулевого мира» географии и/или топографии. Пространство романа последовательно охватывает реально существующие географические или топографические объекты, такие как города, регионы и природные ландшафты или их слабо замаскированные эквиваленты (например, действительные названия мест могут замещаться вымышленными) (Перевод наш) [10: 216].
- ³ Мазурук И. Киж // Знамя. 1967. № 3. С. 155.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Носов Е. И уплывают пароходы, и остаются берега... // Носов Е. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Советская Россия, 1983. С. 305.
- ⁶ Пулькин В. Итальянец из деревни Ерши // Кижские рассказы. М.: Советский писатель, 1973. С. 245–247.
- ⁷ Казаков Ю. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1: Странник. М.: Русский мир, 2008. С. 257. Ссылки на произведения Юрия Казакова, за исключением сопоставления с журнальной публикацией рассказа «Адам и Ева», далее в тексте статьи даются по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.
- ⁸ Вознесенский А. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983. С. 27.
- ⁹ Казаков Ю. Адам и Ева // Москва. 1962. № 8. С. 147.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Вл. Примечания [И уплывают пароходы, и остаются берега...] // Носов Е. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Советская Россия, 1983. С. 504–506.
2. Гушин Б. А., Гушина В. А. Очерк истории Преображенской церкви на острове Киж // Церковь Преображения Господня: 300 лет на кижской земле: Сборник статей / Сост. И. Мельников. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Киж», 2014. С. 6–22.
3. Гушина В. А. Ограда Кижского погоста // Кижский вестник. Вып. 13. Петрозаводск, 2011. С. 13–22.

4. Загороднева К. В. Поэтический «диалог перед картинами» Ван Гога: А. Тарковский, А. Кушнер, Е. Рейн // Вестник Пермского университета. Сер. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2 (26). С. 148–158.
5. Кузнецов Ю. Человек среди людей (Эпистолярное наследие Ван Гога) // Ван Гог В. Письма. Л.; М.: Искусство, 1966. С. 7–20.
6. Лысенко И. Рокуэлл Кент в Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Karelia/2007/21.html> (дата обращения 01.03.2018).
7. От первого лица: Сборник воспоминаний о Кижях / Сост. Б. Гушин. Петрозаводск, 2016. 249 с.
8. Сильман Т. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977. 224 с.
9. Шилова Н. Л. Остров Кизи и русская литература. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elibrary.karelia.ru/docs/shilova/ostov_Kizhi_i_russk_literat/total.pdf (дата обращения 01.03.2018).
10. Schilling D. On and Off the Map: Literary Narrative as Critique of Cartographic Reason // Literary Cartographies. Spatiality, Representation, and Narrative / Edited by R. T. Tally Jr. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 215–228.

Shilova N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ART AND ARTISTS IN LITERARY REPRESENTATION OF KIZHI ISLAND

The purpose of the article is to analyze the layer of references to the fine arts in literary texts about Kizhi Island, which was not previously considered in the studies on the representation of the island. In prose and poetry about Kizhi from the late 1950s, such references appeared regularly. Among the main types (namings and images of artists, ekphrasis) a group of images and namings of artists, fictional and real, is examined in detail. Their appearance in the works about the island is due to its cultural history, which formed a special landscape focused on the Kizhi Pogost, a recognized masterpiece of architecture, as well as to some features of the Thaw period, when many bright works about Kizhi were written and published. Artists appear in the Kizhi plots as characters (from protagonist to episodic persons) and often have a special status, intermediate between the indigenous islanders and tourists. Along with the conventional figures, in this material there are the names of painters who really existed — Kuindzhi, Van Gogh, Goya, Gauguin and Rockwell Kent. The reasons for the appearance of these names and their intermedial functions in the texts about the island are considered in the article. Material for the study are I. Mazuruk's, E. Nosov's, Yu. Kazakov's, V. Pulkin's, and A. Voznesensky's texts and memoir sources. The analysis enables us to recognize that the images associated with artists and fine art are the original feature in the literary representation of the island, giving it (along with the sacred meaning of Kizhi churches) the character of a place that concentrates exceptional visual possibilities and non-utilitarian meanings.

Key words: island, Kizhi, art, architecture, intermedial theory, space and place, literary geography, Khrushchev Thaw

REFERENCES

1. Vasilyev V. Notes [And the steamships leave, and the banks remain...]. *Nosov E. Selected works: in 2 vol.* Vol. 2. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1983. P. 504–506. (In Russ.)
2. Gushhin B. A., Gushhina V. A. An outline of the history of the Transfiguration Church on the island of Kizhi. *The Church of the Transfiguration of Christ our Saviour: 300 years on Kizhi land: a collection of articles*. Comp. I. Melnikov. Petrozavodsk, 2014. P. 6–22. (In Russ.)
3. Gushhina V. A. Fence of the Kizhi churchyard. *Kizhi Bulletin*. Issue 13. Petrozavodsk, 2011. P. 13–22. (In Russ.)
4. Zagorodneva K. V. Poetic “dialog in front of paintings” of Van Gog: A. Tarkovskij, A. Kushner, E. Rejn. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2014. Issue 2 (26). P. 148–158. (In Russ.)
5. Kuznetsov Yu. A man among people (Van Gogh's epistolary heritage). *Van Gog V. Letters*. Leningrad, Moscow, Iskustvo Publ., 1966. P. 7–20. (In Russ.)
6. Lysenko I. Rockwell Kent in Karelia. Available at: <http://www.gov.karelia.ru/Karelia/2007/21.html> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)
7. From the first person perspective. Collection of memories of Kizhi. Comp. B. Gushhin. Petrozavodsk, 2016. 249 p. (In Russ.)
8. Sil'man T. Notes on lyric. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1977. 224 p. (In Russ.)
9. Shilova N. L. The Kizhi Island and Russian literature. Petrozavodsk, 2018. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/shilova/ostov_Kizhi_i_russk_literat/total.pdf (accessed 01.03.2018). (In Russ.)
10. Schilling D. On and off the map: literary narrative as critique of cartographic reason. *Literary Cartographies. Spatiality, Representation, and Narrative*. Edited by R. T. Tally Jr. New York, Palgrave Macmillan, 2014. P. 215–228.

Поступила в редакцию 29.03.2018

СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА ТОЛСТАЯ

доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заведующий отделом этнолингвистики и фольклора, Институт славяноведения РАН (Москва, Российская Федерация)
smtolstaya@yandex.ru

ГОВОРЫ РУССКОГО СЕВЕРА НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ*

Общеславянское значение севернорусских говоров следует уже из того, что основные признаки, по которым эти говоры противопоставляются другим диалектным группам русского языка (оканье, рефлекс *ять*, закрытое *о*, взрывное *з*, цоканье, постпозитивное местоимение-член и др.), одновременно являются показателями, объединяющими их с другими языками славянского мира. Это давало многим ученым основание рассматривать их как отдельный восточнославянский языковой идиом, наравне с южнорусским, белорусским и украинским. В наше время вопрос о внутреннем членении севернорусских говоров, о соотношении их западных и восточных (или юго-восточных) черт и их связей с другими русскими и инославянскими диалектами пока еще не поставлен в лингвогеографическом плане, хотя для истории русского языка и типологии диалектных ареалов Славии он имеет первостепенное значение. Особую важность представляет изучение лексики. Речь должна идти не просто о повороте к «содержательным» и культурно релевантным элементам языка (лексике, топонимике, фразеологии), но и к тем пластам культуры, которые стоят за ними, то есть к формам, видам и жанрам традиционной духовной и материальной культуры, которые столь же «диалектны», по выражению Н. И. Толстого, как и язык, и потому столь же нуждаются в географическом изучении и сопоставлении. Элементы традиционной культуры (обрядовые формы, верования, мифологические образы, стереотипы поведения, фольклорные тексты) так же, как и элементы языка, могут свидетельствовать о глубинных этногенетических процессах, приведших к известным нам состояниям языка и культурной традиции.

Ключевые слова: севернорусские говоры, славянские языки, лингвогеография, этногенез, субстрат, лексика, топонимия, культурные ареалы

Говоры Русского Севера – крайняя периферия славянского мира, и их изучение с самого начала понималось как задача не только русистики, но и славистики в целом. Одним из главных постулатов лингвистической географии (или ареалогии), восходящих еще к теории волн Иоганна Шмидта, является положение о **центре** ареала как зоне инноваций и его **периферии** (или зоне экспансии) как области архаизмов [24]. По словам О. Н. Трубачева, «восточнославянский ареал в большей своей части – типичная зона экспансии; следовательно, априори здесь надо предполагать в первую очередь сохранение архаизмов» [29: 21].

С этой точки зрения территория Русского Севера, будучи периферией периферии, имеет исключительное значение для истории всего славянского мира и истории праславянского языка. Общеславянское значение севернорусских говоров следует уже из того, что основные признаки, по которым эти говоры противопоставляются другим диалектным группам **русского** языка, одновременно являются показателями, объединяющими их с другими языками славянского мира, иначе говоря, это признаки, типологически релевантные для классификации **славянских** языков. К ним относятся такие признаки, как севернорусское **оканье**, отличающее говоры Русского Севера от других говоров русского языка

и объединяющее их со всеми другими языками славянского мира (за исключением белорусского языка и некоторых словенских акающих говоров, о которых писал еще Шахматов); как **рефлекс праславянского *ять*** в виде *i* (особенно последовательно характеризующий ладо-тихвинскую группу говоров как продолжение новгородских), объединяющий Русский Север с украинским языком и с некоторыми диалектными зонами сербскохорватского диалектного массива (икавские и иекавские говоры) и некоторыми диалектами польского языка; как сохранение **взрывного *з***, противопоставляющее Русский Север южнорусским, украинским, белорусским, чешским, словацким, верхнелужицким диалектам и объединяющее его с остальными славянскими языками; как особое **закрытое *о***, сопоставляемое со словенским; как севернорусское **цоканье** – цоканье, которое находит типологическую параллель в польском мазурении, и нек. др. К подобным типологически значимым чертам можно отнести и наличие постпозитивного согласуемого члена в части севернорусских говоров, находящее параллель в болгарском постпозитивном артикле, на что обращали внимание С. В. Бромлей, инициатор создания единого диалектного атласа восточнославянских языков [1: 173]¹, и ряд других исследователей.

Эти типологические характеристики севернорусской диалектной зоны давали многим ученым основание рассматривать ее как отдельный восточнославянский языковой идиом, наравне с южнорусским, белорусским и украинским. Вот как понимал это академик Шахматов:

Было время, и притом достаточно продолжительное, когда предки всех русских, т. е. великорусов, малорусов и белорусов, составляли один язык. Конечно, как всякий язык, и в особенности язык, занявший более или менее обширную площадь, он представлял внутри себя диалектные разновидности, но эти разновидности только позже прикрепились к тем племенным делениям, которые легли в основание позднейшего распада единого русского племени на четыре племенные группы – малорусскую, белорусскую, южновеликорусскую и северновеликорусскую [33: 48]².

Ученик Шахматова Д. К. Зеленин также считал, что восточнославянские языки делились не на три, а на четыре крупных языковых идиома – северновеликорусский, южновеликорусский, украинский и белорусский [27].

Известный польский славист Т. Лер-Сплавинский посвятил вопросу восточнославянского глоттогенеза специальную работу, в которой утверждалось,

что в древнерусском в период до начала письменности существовали два диалекта: северный, охватывающий в основном область новгородского культурного влияния, и южный, включающий в себя все остальные части восточнославянской языковой области, и что отличия северновеликорусского наречия от южновеликорусского древнее, чем различия между великорусским и украинским [37; цит. по 30: 146].

С этой точкой зрения солидаризировался Н. С. Трубецкой [30]³. Аналогичную мысль высказывал Н. Н. Дурново:

Рассматривая особенности в.-р. языка и его наречий, мы можем заметить, что общие черты в.-р. наречий, объединяющие их в один в.-р. язык и отличающие в.-р. язык от других русских языков, новее, чем черты, характеризующие каждое из этих наречий (с.-в.-р. и ю.-в.-р.) в отдельности, и что процесс слияния их в один язык продолжается до сих пор. Наоборот, индивидуальные особенности с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречий, как, например, цоканье в с.-в.-р., аканье и фрикативное *з* в ю.-в.-р., старше эпохи образования в.-р. яз. и указывают на то, что раньше отношение между этими наречиями было другое; так, можно думать, что то др.-р. наречие, из которого потом получилось ю.-в.-р. наречие, еще до образования в.-р. языка одно время было тесно связано с наречием, позднее образовавшимся б.-р. язык или вошедшим в состав б.-р. языка, что еще раньше это наречие могло жить общей жизнью с предками и б.-р. и м.-р. языков (*з* фрикативное!), отделившись от севернорусского наречия [7: 97].

Важность всех этих работ именно в общеславянском взгляде на развитие русского и других славянских языков как на единый процесс, подчиненный общей логике и общим моделям развития праславянского языка, но не прямолинейный в духе родословного древа, а сложный, предпола-

гающий разновременные сепаратные отношения между разными праславянскими диалектами.

Обращаясь к этим взглядам классиков русистов и славистов, мы должны считаться с тем, что базой для их концепций могли быть в начале и первой половине XX века прежде всего данные письменных памятников и во вторую очередь разрозненные и неполные данные современных славянских диалектов (причем в основном касающиеся звуковой стороны). В настоящее время наука располагает несравненно более богатыми и полными данными – существуют национальные и региональные атласы разных типов, Общеславянский лингвистический атлас, диалектные, исторические, этимологические словари, картотеки диалектных материалов, исследования отдельных диалектов и частных вопросов диалектных систем. Это в полной мере относится и к севернорусским говорам. Исследователи говоров Русского Севера в наши дни имеют в своем распоряжении богатейшие источники – фундаментальные областные словари, существенно дополняющие сводный Словарь русских народных говоров, – словарь русских говоров Карелии, архангельский, вологодский, печорский, вятский, новгородский диалектные словари, екатеринбургский словарь говоров Русского Севера и др. Особо следует отметить первый опыт картографирования в севернорусской диалектологии – замечательный лексический атлас Архангельской области Лидии Павловны Комягиной [12], тем более важный, что значительная часть этой области не вошла в границы ДАРЯ [6], а также топонимические карты А. К. Матвеева [15] и атлас С. А. Мызникова, показывающий распространение финно-угорских элементов на территории русского Северо-Запада [17]. Севернорусские говоры, как известно, удостоились даже собственного этимологического словаря [4]. Для общерусского, восточнославянского и общеславянского фона можно воспользоваться материалами ДАРЯ [6], серии «Восточнославянские изоглоссы» [3], диалектных атласов украинского [34] и белорусского языков [35], [36] и др., вышедших томов «Общеславянского лингвистического атласа» [18] и др.

На протяжении многих лет (начиная с 1969 года) исследования по севернорусским говорам публиковались в специальном издании «Севернорусские говоры» под ред. А. С. Герда [20]; большое место говорам Русского Севера уделяется и в выпусках серии «Лексический атлас русских народных говоров» [14], в некоторых выпусках «Вопросов русского языкознания» (МГУ), в серии «Этимологические исследования» (Свердловск – Екатеринбург) и «Ономастика и диалектная лексика» (Екатеринбург) и других изданиях по русской диалектологии. Существует, помимо этого, целая библиотека специальных лексикологических исследований – книг или серий статей,

выполненных представителями разных научных центров, занимающихся Русским Севером (Москвы, Петербурга, Екатеринбурга, Архангельска, Вологды, Петрозаводска и др.) и посвященных отдельным тематическим группам лексики: географической терминологии и топонимии, мифологической, метеорологической, календарной лексике, лексике пищи и одежды, абстрактной лексике и лексике многих других тематических групп. Продолжаются многолетние полевые исследования в разных районах Русского Севера – диалектологические экспедиции, собирающие материал по фонетике, грамматике, лексике, ономастике, а также по народной культуре и фольклору (например, экспедиции Московского, Петербургского университетов, Уральского университета, экспедиции РГГУ в Каргополье и др.). Наиболее продвинутой областью в изучении Русского Севера оказалась топонимия (не только субстратная), на протяжении десятилетий собиравшаяся на всей территории и в отдельных зонах силами екатеринбургских, петербургских, петрозаводских, вологодских, новгородских топонимистов, получившая систематическую интерпретацию со стороны структурной, исторической, этимологической, ареалогической.

Накопленный в этих источниках материал поистине необозрим, и он широко используется в самых разных исследованиях по истории русского языка, исторической диалектологии, этимологии, сравнительной лексикологии и семасиологии. Проблематика севернорусских диалектов столь значима для истории русского и восточнославянских языков, а также для общеславянских этноязыковых реконструкций, что эта область исследований фактически составляет особую славистическую дисциплину, которой, однако, в настоящее время не хватает осознания своих задач и возможностей.

Эти особые задачи связаны прежде всего с анализом и интерпретацией накопленных данных. Русский Север как диалектная область, границы которой до сих пор понимаются по-разному, как известно, неоднороден, он сформировался на основе трех главных источников: 1) новгородской колонизации, 2) «низовского» заселения (ростово-суздальского) и 3) субстратного финно-угорского элемента; все эти составляющие до сих пор в той или иной степени определяют его ареальную картину. В последние десятилетия большое внимание уделялось изучению субстрата и особенно субстратной топонимии (работы А. К. Матвеева и его топонимической школы, С. А. Мызникова, петрозаводских диалектологов и др.), и в этом отношении достигнуто значительное продвижение (см. обзор Н. В. Кабиной [11]). Вопрос же о внутреннем членении севернорусских говоров и соотношении их западных и восточных (или юго-восточных) черт и их связей с другими русскими и инославянскими

диалектами пока еще не поставлен в лингвогеографическом плане, хотя для истории русского языка и типологии диалектных ареалов Славии он имеет первостепенное значение.

Если посмотреть на карты ОЛА [18] или ДАРЯ [6], то Русский Север очень редко выделяется на общерусском фоне как некий особый ареал. Чаще всего он входит в более обширный великорусский ареал или членится условно на западную (меньшую) и восточную (большую) части, первая из которых имеет продолжение на территории новгородских (иногда и далее – псковских, северно-белорусских) диалектов, а вторая нередко продолжается далеко на юго-восток⁴. Границы между разными частями севернорусских говоров очень нечетки и постоянно изменяются. Влияние южнорусского типа на севернорусский (в соответствии с направлением экспансии) имеет постоянный характер⁵.

Особенно непросто оказывается вопрос о западном (новгородском) элементе русских говоров Севера. Он вновь стал актуальным в связи с изучением новгородских берестяных грамот и реконструкцией А. А. Зализняком древненовгородского диалекта [9], [10]. По мнению А. А. Зализняка,

анализ берестяных грамот и ряда других памятников (пергаменных грамот, летописей) и современных диалектологических данных позволяет заключить, что в древней Новгородской земле отчетливо различались западные говоры (соотносимые с псковскими кривичами) и восточные (соотносимые с ильменскими словенами). Сам Новгород и прилегающие к нему районы находились в зоне контакта этих двух групп говоров. Этот контакт начался не позднее IX в. и был весьма интенсивен; соответственно, на протяжении нескольких веков здесь складывался особый смешанный тип говоров, в котором соединился ряд важнейших западных черт с некоторыми восточными. Именно он отражен в подавляющем большинстве берестяных грамот и может быть обозначен как древненовгородский диалект в узком смысле слова. В период независимости древненовгородского государства этот диалект, по-видимому, приобрел также функции общеновгородского койне, т. е. мог в той или иной мере использоваться во всех областях государства (в особенности в городах) [9: 165].

Можно думать, что как раз этот «смешанный диалект» лег в основу западной части говоров Русского Севера, сформировавшихся в результате новгородской колонизации. Вопрос о том, как соотносились и соотносятся западно- и восточноновгородские черты в севернорусских говорах, требует более подробного изучения, как, впрочем, и вопрос о более четкой лингвогеографической картине Русского Севера в целом⁶.

Русский Север часто и с полным основанием рассматривается как заповедник общеславянской и восточнославянской архаики. Это касается не только фонетических и грамматических черт, которые более или менее изучены, но и **лексических особенностей** севернорусских говоров, которые изучены гораздо хуже. К такого рода

лексическим и семантическим архаизмам относятся, например, такие лексемы, как *жира* 'жизнь', *орать* 'пахать', *мова* 'язык, речь' и *мовить* 'говорить' (с укр.-бел. и з.-слав. соответствиями), *ратиться* 'биться, сражаться' (ср. с.-х. *рат* 'война'), *плести* 'вязать' (с ю.-слав. соответствиями), *жито* 'ячмень', *гроб* 'могила' (имеющее соответствие в з.-слав. и ю.-слав. ареалах), *губа* 'гриб' (с чешско-словацкими, словенскими и болгарскими параллелями), *смола* 'молозиво', *сера* 'молозиво' (с польскими и ю.-слав. соответствиями), *кора* 'кожура картошки' (с соответствиями в ю.-слав. языках), *тина* 'ботва картофеля', *кожа* 'пенка на молоке' (со словацкими и редкими ю.-слав. соответствиями), *паужина* 'полдник', *простой* 'пустой', *гуголо* 'качели', *ималки* 'жмурки', *пушить* 'курить' (с ю.-слав. соответствиями), *чистить* 'корчевать лес' (с единичными словенскими соответствиями), *броснуть* 'обрывать листья, очищать лен и т. п.', *пчельник* 'пасека' (с соответствиями в Закарпатье и некоторых других украинских говорах) и многие другие. Явления такого рода могут в той или иной мере выходить за границы с.-рус. ареала (в южном или юго-вост. направлении), как, например, *погост* 'кладбище', *суягная* [овца] (противопоставленное ю.-рус. *котная*), [собака] *лает*, *творить* 'замешивать тесто' и др., но исконно, по-видимому, принадлежат именно ему. Каталогизация и интерпретация (историческая, типологическая и ареальная) подобных архаизмов и архаических зон Русского Севера остается насущной задачей для отечественных диалектологов и славистов. Можно надеяться, что создаваемый сейчас «Лексический атлас русских народных говоров» даст новый материал и послужит стимулом для исследований севернорусской лексики в общерусском и общеславянском плане⁷.

До сих пор лексика совершенно недостаточно использовалась в изучении вопросов этногенетической направленности. О значении лексики для исследований в области происхождения праславянского языка и его реконструкции писал В. Н. Топоров:

...наибольший прогресс в лингвистическом аспекте этих исследований (реконструкции праславянского языка. — С. Т.) связан с изучением тех языковых элементов, которые с преимущественной непосредственностью отсылают (и потому могут рассматриваться как своего рода индексы или — при другом подходе — как тексты) к особенностям структуры пространства, времени, типа культуры, — словарь, особенно топонимические элементы, «культурные» слова, заимствования и т. п. Именно в этой перспективе находит объяснение то особое значение, которое придается теперь составлению словарей (этимологических, исторических, диалектных) и собиранию топонимического материала, решительно потеснившим «грамматические» исследования (включая, разумеется, и фонетические), преобладавшие в течение длительного предыдущего периода [28: 265].

Речь должна идти, таким образом, не просто о повороте к «содержательным» и культурно-

релевантным элементам языка (лексике, топонимастике, фразеологии), но и к тем пластам культуры, которые стоят за ними, то есть к формам, видам и жанрам традиционной духовной и материальной культуры, которые столь же «диалектны», по выражению Н. И. Толстого [25: 21], как и язык, и потому столь же нуждаются в географическом изучении и сопоставлении. Элементы традиционной культуры (обрядовые формы, верования, мифологические образы, стереотипы поведения, фольклорные тексты) так же, как и элементы языка, могут свидетельствовать о глубинных этногенетических процессах, приведших к известным нам состояниям языка и культурной традиции.

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» [21], созданном по замыслу Н. И. Толстого и обобщившем материал всех славянских языков и культурных традиций, севернорусские факты занимают очень значительное место и так же, как и факты языка, демонстрируют связи, иногда сепаратные, между Русским Севером и другими регионами Славии. В фундаментальном этнолингвистическом исследовании славянского свадебного обряда А. В. Гуры [5] убедительно показано, что целый ряд признаков (обряд типа свадьба-похороны, отсутствие коровая, свадебного деревца в западной части с.-в.-р. ареала и др.) выделяет севернорусский свадебный обряд не только на восточнославянском, но и на общеславянском фоне. Н. И. Толстой, изучавший деревянные антропоморфные надгробия у славян, обнаружил «изопрагму», идущую от юго-вост. Болгарии через с.-зап. Болгарию, запад Сербии, украинские Карпаты, Полесье и далее на крайний Русский Север (Мезень), где сходные с надгробиями формы имели прялки [25: 211–212]. Существование этого (часто прерывистого) пояса, связывающего «псковско-новгородский узел (а иногда и русский Север) с Полесьем, Карпатами и славянским Югом, а иногда и со славянским Западом (чаще всего с кашубами и лужицкими сербами)» [26: 262], подтверждается целым рядом лексических изоглосс, в частности, географией праславянского слова **dega*, **degati*, известного в архангельских, новгородских и псковских говорах в виде глагола *дягнуть* 'крепнуть, набирать силу, расти', далее на Могилевщине, в Полесье, а также у кашубов, у южных славян в разных значениях, производных от исходного значения 'сила' или 'пояс (как символ физической мощи)' [26: 263–265]. Подобные культурные схождения, поддержанные языковыми параллелями, обнаруживаются во многих сферах традиционной культуры. Богатое фольклорное наследие Русского Севера, начиная от былин, причитаний (свадебных и похоронных), заговоров и кончая поверьями, запретами, предписаниями, загадками, все еще ожидает своего изучения в общерусском и общеславянском контексте.

В солидном этнографическом труде «Русский Север», подготовленном коллективом Института этнологии и антропологии РАН под редакцией И. В. Власовой [19], сделана попытка выделить локальные варианты отдельных форм материальной и духовной культуры на основании большого числа культурно значимых признаков. Для многих явлений удалось определить ареалы и границы в пределах огромной территории Русского Севера (исследование охватывало бывшую Вологодскую губернию). Признавая важность установления ареальных противопоставлений и связей, главную задачу авторы все же видели в подтверждении общности культурной традиции Русского Севера. Эту общность невозможно отрицать, однако сегодняшняя оснащенность севернорусских исследований богатыми матери-

лами – этнографическими, фольклорными, лингвистическими, а также историческими трудами и антропологическими наблюдениями – ставит перед исследователями дальнейшие задачи более дифференцированного и более подробного, в том числе ареалогического (картографического), изучения культуры Русского Севера во всех ее формах и аспектах. Нужны новые словари, общие и частные, идеографические и специальные – диалектные, ономастические, фразеологические, этимологические, терминологические, этнографические, обрядовые, мифологические, фольклорные и новые атласы – региональные⁸, локальные, всякие. Только на их основании наука о Русском Севере обретет свой прочный фундамент как ветвь общеславянского гуманитарного знания.

* Статья написана в рамках работы над проектом «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», поддержанным грантом РНФ (№ 17-18-01373).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этому вопросу посвящена большая литература, его типологический аспект специально рассматривался в двух докладах Н. И. Толстого [22], [23].

² В кратком изложении Н. С. Трубецкого концепция А. А. Шахматова имеет следующий вид: «Для древнейшего времени (до начала письменной традиции) А. А. Шахматов принимает существование трех восточнославянских наречий: северного, южного и восточнорусского. Часть “восточнорусского” населения смешалась с частью “южных русских”, другая часть “восточных русских” объединилась позже с “северными русскими”. Из смешения восточных и южных русских возникла белорусская народность. Объединение другой части восточных русских с северными русскими привело к образованию великорусской народности. Часть южных русских, оставшаяся после образования белорусской народности, сформировалась в украинскую народность. Следовательно, современное трехчастное деление (великорусы, белорусы, украинцы) не продолжает непосредственно “древнего деления” (северные, восточные и южные русские): оно возникло из этого древнего трехчастного деления путем частичных смешений» [30: 144]. См. также изложение и анализ концепции Шахматова в книгах Ф. П. Филина [31: 33–43] и Г. А. Хабургаева [32].

³ См. также [31: 43–56].

⁴ Это можно видеть также на картах-схемах в книге Т. И. Вендиной [2].

⁵ Как отмечал уже Дурново, «усвоение аканья с.-в.-р. говорами началось с самого начала в.-р. (великорусской) эпохи: уже от XIV в. дошли памятники, писанные в Москве и в других местах, со следами аканья, которые другими особенностями своего правописания указывают на с.-р. говор писцов. С того времени распространение аканья среди с.-в.-р. говоров продолжается непрерывно до настоящего времени, благодаря чему между ю.-в.-р. и чистыми, неакающими с.-в.-р. говорами образовалась широкая полоса переходных акающих говоров с с.-в.-р. основой» [7: 201]. Это относится и к другим признакам.

⁶ См. также [8], [13].

⁷ Первый опыт лингвогеографического исследования русской лексики в масштабе всей Славии предпринят в работе Т. И. Вендиной [2] по материалам одного тома ОЛА [18].

⁸ О значении региональных и микрорегиональных исследований на Русском Севере см. [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бромлей С. В. Восточнославянские изогlossы // Восточнославянские изогlossы. Вып. 4 / Отв. ред. Т. В. Попова. М.: Институт русского языка РАН, 2006. С. 172–175.
2. Вендина Т. И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М.: Институт славяноведения, 2009. 532 с.
3. Восточнославянские изогlossы / Отв. ред. Т. В. Попова. М.: Наука, 1995 –. [Вып. 1 –].
4. Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. СПб., 1995–2009. Вып. 6–10.
5. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
6. Диалектологический атлас русского языка (ДАРЯ). Центр Европейской части СССР. М.: Наука, 1986–1997. Вып. I–III.
7. Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. 811 с.
8. Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Праславянская акцентология и лингвогеография // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 65–88.
9. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект и проблема диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 164–177.
10. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. Изд. 2. 872 с.
11. Кабинина Н. В. Проблемы изучения финно-угорского топонимического субстрата на территории Русского Севера // Linguistica. LV. Slovanski jeziki v stiku z neslovanskimi: diahroni onomastični pogled. Ljubljana, 2015. S. 207–228.
12. Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994. 235 с.
13. Крысько В. Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М.: Наука, 1998. С. 367–380. [То же: ВЯ. 1998. № 3. С. 74–93].

14. Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. СПб.: Институт лингвистических исследований / «Нестор-История», 1994–. [Вып. 1–].
15. Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Карты. М.: Наука, 1970. 43 с.
16. Матвеев А. К. К проблеме лингвистического изучения юго-восточной части Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. Вып. II. С. 3–9.
17. Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003. 360 с. (2-е изд. 2007. 395 с.).
18. Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи. М.: Наука, 2007. 191 с.
19. Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века / Отв. ред. И. В. Власова. М.: Наука, 2001. 846 с.
20. Севернорусские говоры / Отв. ред. А. С. Герд. Л.; СПб., 1969–2006. Вып. 1–4.
21. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.
22. Толстой Н. И. Опыт типологической характеристики славянского члена-артикла // Всесоюзная конференция по славянской филологии: Программа и тезисы доклада. Л., 1962. С. 125–127. [То же: Толстой Н. И. Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 191–193.]
23. Толстой Н. И. Из наблюдений над членом-артиклем и указательным местоимением в южнославянских диалектах // Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. Предварительные материалы. М., 1973. С. 55–57. [То же: Толстой Н. И. Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 194–196.]
24. Толстой Н. И. О соотношении центрального и маргинального ареалов в Современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977. С. 37–56. [То же: Толстой Н. И. Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 10–30.]
25. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
26. Толстой Н. И. Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры, 1997. 520 с.
27. Толстые Н. И. и С. М. Зеленин-диалектолог // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленина). М., 1979. С. 70–83. [То же: Толстой Н. И. Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 316–330.]
28. Топоров В. Н. К реконструкции древнейшего состояния праславянского // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 264–292.
29. Трубачев О. Н. Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987. С. 17–28.
30. Трубецкой Н. С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства (1925) // Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 143–167.
31. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Л., 1972. 655 с.
32. Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980. 191 с.
33. Шахматов А. А. Русская диалектология: Лекции / Под ред. Б. А. Ларина. СПб., 2010.
34. Атлас української мови (АУМ). Київ: «Наукова думка», 1988–2001. Т. 1–3.
35. Дыялекталогічны атлас беларускай мовы (ДАБМ). Мінск, 1961. Кн. 1, 2.
36. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак (ЛІАБНГ). Мінск, 1993–1997. Т. 1–5.
37. Lehr-Splawinski T. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich // Rocznik Slawistyczny. IX. 1921. No 1. S. 23–71.

Tolstaya S. M., Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

NOTHERN RUSSIAN DIALECTS AGAINST THE COMMON SLAVIC BACKGROUND*

The common Slavic value of northern Russian dialects is revealed by the fact that principal characteristics that set these dialects in opposition to other dialect groups of the Russian language (retention of unstressed *o*; *ʒ* reflex; close vowel *o*; explosive consonant *g*; pronouncing *ch* as *ts*; postpositive pronoun member, etc.) constitute the indicators, which integrate these dialects with other Slavic languages. It has given many scientists the reason to consider them as a separate eastern Slavic idiom, along with the southern Russian, Belarusian and Ukrainian ones. At the present time, the question of the internal differentiation of northern Russian dialects and their relations with other Russian and Slavic dialects has not yet been brought forward by linguistic geography, although it is of paramount importance for the history of the Russian language and the typology of Slavia's dialect areas. In this regard, the study of vocabulary is of particular importance. It should be not just about turning to the "meaningful" and culturally relevant elements of language (vocabulary, toponomastics or phraseology), but also to the layers of culture that stand behind them, i. e. to the forms, types and genres of traditional spiritual and material culture, which are equally "dialectal", in the words of Nikita Tolstoy, with language, and therefore they equally require geographical studying and comparative research. The elements of traditional culture (ritual forms, beliefs, mythological imagery, patterns of behavior or folklore texts), in quite the same way as language elements, indicate deep-seated ethnic and genetic processes that led to the known types of language and cultural traditions.

Key words: northern Russian dialects, Slavic languages, linguistic geography, ethnogenesis, substrate, vocabulary, toponymy, culture areas

* The article was written as part of the project "Slavic archaic zones within European space: ethnolinguistic studies", supported by Russian Science Foundation grant (project No 17-18-01373).

REFERENCES

1. Bromlei S. V. East Slavic isoglosses. *East Slavic Isoglosses*. Iss. 4. Ed. T. V. Popova. Moscow, Institute of Russian Language Publ., 2006. P. 172–175. (In Russ.)
2. Vendina T. I. Russian dialects in the common Slavic context (vocabulary). Moscow, Institute of Slavic Studies Publ., 2009. (In Russ.)
3. East Slavic isoglosses. Ed. T. V. Popova. Moscow, Nauka Publ., 1995 –. [Iss. 1–]. (In Russ.)
4. Gerd A. S. Materials for an etymological dictionary of northern Russian dialects. *Northern Russian dialects*. St. Petersburg, 1995–2009. Iss. 6–10. (In Russ.)
5. Gura A. V. Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbols. Moscow, Indrik Publ., 2012. 936 p. (In Russ.)
6. Dialectological atlas of the Russian language. Central European part of the USSR. Moscow, Nauka Publ., 1986–1997. Iss. I–III. (In Russ.)
7. Durnovo N. N. Selected works on the history of the Russian language. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 2000. 811 p. (In Russ.)
8. Dybo V. A., Zamyatina G. I., Nikolayev S. L. Proto-Slavic accentology and linguogeography. *Slavic Linguistics. XI International Congress of Slavists. Reports of the Russian delegation*. Moscow, Nauka Publ., 1993. P. 65–88. (In Russ.)
9. Zaliznyak A. A. Old Novgorod dialect and the problem of dialectal division of the late proto-Slavic language. *Slavic Linguistics. X International Congress of Slavists. Reports of the Russian delegation*. Moscow, Nauka Publ., 1988. P. 164–177. (In Russ.)
10. Zaliznyak A. A. Old Novgorod dialect. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004. 872 p. Ed. 2. (In Russ.)
11. Kabinina N. V. Problems of studying Finno-Ugric toponymic substrate on the territory of the Russian North. *Linguistica. LV. Slovanski jeziki v stiku z neslovanskimi: diahroni onomastični pogled*. Ljubljana, 2015. S. 207–228. (In Russ.)
12. Komyagina L. P. Lexical atlas of the Arkhangelsk region. Arkhangelsk, 1994. 235 p. (In Russ.)
13. Krysko V. B. Ancient Novgorod-Pskov dialect against common Slavic background. *Slavic Linguistics. XII International Congress of Slavists. Reports of the Russian delegation*. Moscow, Nauka Publ., 1998. P. 367–380. [= Voprosy yazykoznaniiya. 1998. № 3. P. 74–93]. (In Russ.)
14. Lexical atlas of Russian national dialects. Materials and research. St. Petersburg, Institute of Linguistic Research, Nestor-Istoriya Publ., 1994–. [Issue 1–]. (In Russ.)
15. Matveyev A. K. Russian toponyms of Finno-Ugric origin in the northern European part of the USSR. Maps. Moscow, Nauka Publ., 1970. 43 p. (In Russ.)
16. Matveyev A. K. The problem of the linguistic study of the southeastern part of the Russian North. *Onomastics and dialect lexicon*. Yekaterinburg, 1998. Issue II. P. 3–9. (In Russ.)
17. Myznikov S. A. Atlas of the substrate and borrowed vocabulary of the north-western Russian dialects. St. Petersburg, 2003. 360 p. (2 ed. 2007. 395 p.). (In Russ.)
18. Common Slavic linguistic atlas. Lexicology and word formation (journal series). Moscow, Nauka Publ., 2007. Issue 6. 191 p. (In Russ.)
19. Russian North. Ethnic history and folk culture between the 12th and the 20th centuries. Ed. I. V. Vlasova. Moscow, Nauka Publ., 2001. 846 p. (In Russ.)
20. Northern Russian dialects. Ed. A. S. Gerd. Leningrad, 1969–2006. Iss. 1–4. (In Russ.)
21. Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary. Ed. N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1995–2012. Vol. 1–5. (In Russ.)
22. Tolstoy N. I. Typological characteristics of a Slavic member-article (case study). *All-Soviet Union Conference on Slavic Philology. Program and abstracts of the papers*. Leningrad, 1962. P. 125–127. [= Tolstoy N. I. Selected works. T. III. Essays on Slavic linguistics. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1999. P. 191–193]. (In Russ.)
23. Tolstoy N. I. Observations on member-articles and demonstrative pronouns in southern Slavic dialects. *Symposium on grammar typology of the modern Balkan languages. Preparatory materials*. Moscow, 1973. P. 55–57. [= Tolstoy N. I. Selected works. T. III. Essays on Slavic linguistics. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1999. P. 194–196]. (In Russ.)
24. Tolstoy N. I. Correlation between central and marginal areas in modern Slavia. *Area Studies in Linguistics and Ethnography*. Leningrad, 1977. P. 37–56. [= Tolstoy N. I. Selected works. T. III. Essays on Slavic linguistics. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1999. P. 10–30]. (In Russ.)
25. Tolstoy N. I. Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and Ethnolinguistics. Moscow, Indrik Publ., 1995. 512 p. (In Russ.)
26. Tolstoy N. I. Selected works. Vol. I. Slavic lexicology and semasiology. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1999. 520 p. (In Russ.)
27. Tolstoy N. I., Tolstaya S. M. Zelenin as a dialectologist. *Problems of Slavic ethnography (the 100th anniversary of a corresponding member of the Russian Academy of Sciences D. K. Zelenin)*. Moscow, Nauka Publ., 1979. P. 70–83. [= Tolstoy N. I. Selected works. T. III. Essays on Slavic linguistics. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1999. P. 316–330]. (In Russ.)
28. Toporov V. N. Towards the reconstruction of the earliest state of the proto-Slavic language. *Slavic linguistics. XII international Congress of Slavists. Reports of the Russian delegation*. Moscow, Nauka Publ., 1987. P. 264–292. (In Russ.)
29. Trubachev O. N. Regional elements of Russian vocabulary against the background of the doctrine of proto-Slavic lexical dialectisms. *Russian regional lexicon of XI–XVII cent*. Moscow, 1987. P. 17–28. (In Russ.)
30. Trubetzkoy N. S. Phonetic changes in the Russian language and the desintegration of Russian linguistic unity (1925). *N. S. Trubetzkoy. Selected works on Philology*. Moscow, Progress Publ., 1987. P. 143–167. (In Russ.)
31. Filin F. P. The origins of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages. Historical and dialectological essay. Leningrad, 1972. (In Russ.)
32. Khaburgaev G. A. Evolution of the Russian language. Moscow, MGU Publ., 1980. (In Russ.)
33. Shakhmatov A. A. Russian dialectology. Lectures. Ed. B. A. Larin. St. Petersburg, 2010. (In Russ.)
34. Atlas of the Ukrainian language. Kyiv, Naukova Dumka, 1988–2001. T. 1–3.
35. Dialectological atlas of the Belarusian language. Minsk, 1961. T. 1, 2.
36. Lexical atlas of Belarusian national dialects. Minsk, 1993–1997. T. 1–5.
37. Lehr-Splawński T. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich. *Rocznik Slawistyczny*. IX. No 1. 1921. S. 23–71.

ЕЛЕНА ЛЬВОВНА БЕРЕЗОВИЧ

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)
berezovich@yandex.ru

ИЗ СЕВЕРНОРУССКОЙ ЛЕКСИКИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА: ЭТИМОЛОГО-ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ*

Рассматривается лексика севернорусского свадебного обряда, записанная участниками топонимической экспедиции Уральского университета на территории Вологодской и Костромской областей: это название одного из свадебных застолий (а в переносных значениях – посиделок с застольем в рамках других семейных обрядов) – костр. *то́зьмины*, а также обозначения незваных гостей, появившихся на свадебном пиршестве своевольно, без приглашения хозяев, – влг. *чи́калі́*, влг. *сорока́чі́*, влг., костр. *сы́чі́*, костр. *сухонцы́*, костр. *га́лки*, костр. *галча́та*. Перечисленные слова погружены в статью в широкий контекст собственно свадебной диалектной лексики, лексики народных празднеств и гощения, а также невербальных составляющих традиционной свадьбы и культуры гостевания. С опорой на эти данные, с учетом лингвогеографических и фонетических характеристик автор предлагает для «темных» слов этимологические трактовки или же корректирует решения, ранее предлагавшиеся в литературе. Представленный лингвистический комментарий углубляет чтение «текста» всего свадебного обряда: благодаря прояснению внутренней формы анализируемых слов восстанавливаются первоначальные ролевые рамки, в которых позволялось вести себя незваным, но все же ожидаемым гостям; реконструируются связи отдельных севернорусских лексем с подробно разработанными в славянской народной культуре символическими кодами свадьбы.

Ключевые слова: севернорусские говоры, свадебный обряд, лексика свадьбы, семантическая реконструкция, этимология, этнолингвистика

«Свадьба – дак вся деревня гуляет: кто в сы́ча́х, кто в по́звѣ» (Костромская обл., Вохомский р-н, с. Тихон [7]) – в этом контексте говорится о двух категориях гостей на свадьбе: званых (тех, кто в по́звѣ) и незваных (сы́ча́х). Тем самым обоснована связь (на первый взгляд неявная) между различными словами, которые будут рассматриваться ниже. С одной стороны, речь будет идти о наименовании одного из пиршеств (костр. *то́зьмины*), которое включено в обязательный сценарий свадьбы и оказывается в конечном счете «званным»; с другой стороны, об именах незваных, «непочетных» гостей – влг. *чи́калі́*, влг. *сорока́чі́*, влг., костр. *сы́чі́*, костр. *сухонцы́* и др. Все анализируемые слова объединены тем, что они записаны сотрудниками топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ УрФУ) на территории Вологодской и Костромской областей (преимущественно в восточных частях обеих). Некоторые из этих лексем не фиксировались ранее в лексикографических источниках, другие отмечались, а иногда даже комментировались в этимологической литературе, но наши записи помогают дать более подробный этнолингвистический комментарий к словам и скорректировать существующие версии их происхождения (или же предложить новые).

ТО́ЗЬМИНЫ

Это слово отмечено сотрудниками ТЭ на востоке Костромской области (в Октябрьском

и Шарьинском районах) в ряде близких друг другу значений, отсылающих к застольям и посиделкам в рамках различных семейных обрядов (преимущественно свадебного), а также этапам этих обрядов, во время которых застолье играет ключевую роль. Наши фиксации (впервые здесь публикуемые) являются наиболее подробными и существенно дополняют более ранние опубликованные данные об этом слове (и близких ему формах). Они были засвидетельствованы в Чухломском районе Костромской области, а также в соседней Кировской области (Вятской губернии), при этом вятские фиксации сделаны как в конце XX – начале XXI века, так и в XIX веке.

Представим значения слова.

Свадебный обряд: костр. шар. *то́зьмины* ‘посиделки с застольем невесты с подругами перед свадьбой’: «Тозьмины были. Перед свадьбой к невесте приходили подруги, 3–4 придут к ней домой» (Серково), «Незадолго перед свадьбой собираются у невесты на тозьмины» (Плосково); ‘просватание’: «Свататься едут – это на тозьмины, значит» (Бухалкино); ‘гулянья в доме невесты после свадьбы (вечером, на второй день или на протяжении трех дней)’: «На второй день в доме невесты гуляли, тозьмины были (Майтиха), После свадьбы едут к невесте на тозьмины. К невесте гулять. Это как свадьбу отгуляют, гости разъедутся, и близкие вечер гуляют у невесты

(Сергеево), Первый день сварибы у жениха, а второй – тозьмины, к невесте поедут (Сергеево), День, два, три после свадьбы гуляют – тозьмины (Столбецкое);

‘застолье после свадьбы (в какой день?)’: Тозьмины – какая-та гулянка после свадьбы (Плосково).

Интересно, что один из информантов понимает слово как многозначное, обозначающее различные этапы свадебного обряда: смотр дома невесты родителями жениха и дома жениха родителями невесты; заключительный этап сватовства, обсуждение деталей праздника; второй день свадьбы, когда молодые едут с родителями невесты; ответные визиты молодых к каждому из приглашенных на свадьбу:

Тозьмины бывают вот смотры. Жениха родители смотрят дом невесты, а невесты родители смотрят дом жениха. Тозьмины это когда сватовство. Вот, например, пропой прошёл, это тозьмины прошли. А на второй день едут к невесте – это уже называются тозьмины. А потом, когда каждый гость приглашает молодых, а они ездят по всем, это тоже тозьмины (Медведица).

Близкие формы и значения отмечены в словаре Н. С. Ганцовой: костр. чухл. *тозьмина*, *тозьмыны* ‘неделя, когда молодожены ездят в гости к родителям’: «В тозьмину мы всех родных объездить успели» (Ножкино) [2: 382]. Интересующее нас слово отмечено и в неспециализированном лингвистическом источнике – в сборнике «Чухломской фольклор» [22]. Дефиниции, к сожалению, отсутствуют, но в двух текстах, где оно фигурирует, речь идет о свадебном обряде:

Через несколько дней после свадьбы ездили к родителям на тозьмины, там две ночи ночевали. Всё разное угощение готовили, блины [22: 158, № 181]. Потом к невесте едут на тозьмины. В пятницу, положим, свадьба, в субботу – у жениха пируют и ночуют у жениха, а в воскресенье едут на тозьмины. Родители невесты закуски всякую готовят: холодец, мясо, яшницу [22: 158, № 182].

Таким образом, *тозьмины* здесь – *‘застолье в доме родителей молодых (или одного из молодых) через несколько дней после свадьбы’.

Наконец, «свадебное» значение отмечено и у вятских вариантов изучаемой лексемы: вят. шабал., даров. *тозьмины*, котельнич. *тозьмины*, котельнич. *тозьмины* ‘праздник у невесты после свадьбы’: «Вскоре после свадьбы сделали тозьмины, издили к тестю, тожо шибко пиrowали» [10: 11: 49].

Родильный обряд: костр. шар. *тозьмины* ‘праздник по случаю рождения ребенка’: «Женщина родит, муж собирает вечеринку – вот тозьмины. Окрестят ребёнка, вот собирают тозьмины» (Печенкино), «Как ребёночка привезут, отмечают тозьмины. Все идут, подарки дарят» (Берзиха); ‘именины или крестины ребенка’: «Тозьмины – а это называется раньше

как именины, или ребёнка крестят да чего-то – тозьмины» (Шубиха).

Похоронный обряд: костр. шар. *тозьмины* ‘поминки’: «Вроде говорили: “У их сегодня тозьмины по кому-то”. Это, наверное, поминки» (Троицкое).

Любое празднование с застольем (как правило, домашнее): костр. окт., шар. *тозьмина*, *тозьмины* ‘празднование чего-л. с обязательным застольем, вечеринка (по любому поводу)’:

Тозьмину тот устроит, другой. Ты ходила к ёму на тозьмину? (Окт, Клюкино), Тозьмины – это событие. – Куда пошёл? – На тозьмины. На тозьмины пошла. Это про родственные связи какие-то (Шар, Троицкое), Тозьмина у них. Тозьмина была в Троицын день. На тозьмины свои больше ходили, а когда и чужие придут (Окт, Клюкино), Нынче тозьмина, скажут, у Подсухиных, ну, дают копоты! Пляска такая, угощение. На тозьмину ходила: упляшутся, напьются. В новый год или у кого гости, по разным праздникам (Окт, Даровая), Тозьмину тот устроил, другой. Веселье такое, штё ты! Застолье собирают. На тозьмину, скажут, ходила, а нынче штё? Ни стать, ни сплясать, ни под окошком насрать (Окт, Боговарово), Тозьмина-то – пели, гуляли, веселились. Тозьмины по домам, колхозный праздник редко тозьминой назовут (Шар, Коневы), Ой, у Большаковых тозьмина. Гости приедут. Пляшут, гуляют, играют, все в сборе (Шар, Коневы).

К этой смысловой группе примыкают слова в любопытных фонетических и словообразовательных вариациях, записанные в XIX веке: вят. слобод. *тозьмы* ‘приглашение молодых пар друг к другу в гости’ (1881) [19: 44: 173], вят. *тёзвыны* ‘приглашение гостей к себе хозяина и самое посещение это’ [3: 2: 718], [3: 4: 395]. Форма *тёзвыны* повторяется в [10: 11: 23], но современными записями она не подтверждена, есть только ссылка на СРНГ [19: 43: 337], который, в свою очередь, ссылается на Даля.

Наконец, изучаемое слово единожды отмечается в значении, выходящем за пределы «обрядово-гостевой» сферы, но имеющем ясную связь с ней: костр. окт., шар. *тозьмина* ‘суматоха’: «Бардак не бардак, а тозьмина» (Шар, Коневы).

Из всех вариантов обсуждаемого слова **этимологической интерпретации** подвергалась, кажется, только форма *тёзвыны*. Рассматривая вят. *тёзвыны* ‘ответное приглашение хозяину со стороны приглашенного’, М. Фасмер производит его от цслав. **тъзь ѣтъвѣноу* (ср. *тёза*, *тёзка*) и *звать* [21: 4: 36]. Это решение, возможно, в каком-то смысле подсказано тем, что сам В. И. Даль (единственный лексикограф, зафиксировавший данную форму) помещает *тёзвыны* в словарную статью с заглавным словом *тёза* ‘соименник, одноименник’ [3: 4: 395]. Семантических аргументов М. Фасмер не приводит; нет указаний на смысловые переходы и в словарной статье Даля. По логике этого этимологического решения, *тёзвыны* – *‘праздник, куда зовут

тезок'. Но в значениях слов *тозьмины*, *тозими* и пр. нет указания именно на тезок. Можно предположить, что *тезка* (*теза*) выступает в каком-то другом значении, но такие «иные» значения не фиксируются, кроме казан. *тёзка* 'друг, приятель' [19: 43: 338]. Значит, *тезвины* – это, возможно, первоначально *'приятельская вечеринка'. Но смущает, что казанское слово зафиксировано единично (в 1853 году) и на другой территории, чем *тезвины*, *тозьмины* и т. п. Можно допустить и другую «зацепку»: *тезвины* первоначально – *'именины', ср. *тезоименитство* 'именины, день ангела' [3: 4: 395]. Но почему тогда это значение не фиксируется – и почему нет формы **тезины*? Главное же препятствие на пути признания «тезоименной» версии – корневой вокализм: неясно, почему широкое распространение получила именно форма с *о* (*тозьмины*), в то время как форма с *е*, должна быть исходной, зафиксирована однократно.

Все изложенные сомнения побуждают нас искать другое этимологическое решение. Логично отталкиваться от самого наполненного смыслового блока – «свадебного». В нем, в свою очередь, наибольшее распространение имеют значения, связанные с посещением молодыми родителей (обычно невесты) после свадьбы. Это действительно очень важный компонент обряда, представления о котором имеют разное лексическое воплощение, ср., к примеру, перм. *возить сковородники (на рынок)*, чуман *возить* 'посещать родителей невесты после свадьбы' [12: 34], ленингр. *первогостыбище*, твер. *почесть*, урал. *поклон*, арх. *полюбовная гостыба*, арх., влг., новг., костр. и др. *хлебины* (*хлибины*, *хлебные*, *хлебная*, *хлебная*) и т. п. 'поочередные угощения участников свадьбы то у молодых в доме жениха, то в доме родителей невесты' [29: 535]. Среди слов, обозначающих такие посещения, важную роль играют те, которые подчеркивают «ответность», поочередность визитов. Обычай поочередного гостения можно рассматривать как факт обменных отношений между гостем и хозяином [32: 447], об этом см. также [31: 188]. Соответствующие слова имеют показательные приставки *пере-* и *от-*: вят. *перепивки*, костр. *перепой*, вят. *перепойка*, влг., моск., смол. *перегостки*, влг. *одгозьбы*, *отгозьбины*, новг. *отводыни*, кур., влад. *отводный стол*, нижегор. *отгарныши*, пенз. *отпирка*, арх. *отворотный стол* и т. п., ср. также в других славянских языках – бел. брест. *перезва*, *пэрэзув*, укр. ровен. *перезва*, макед. *отбратки* [29: 535].

Для нас особенно интересны слова, образованные от *звать*. Лексикой с корнем **zov-/zъv-* можно считать базовой для обозначения такого ритуально-этикетного действия, как приглашение; это действие предвещает обряды жизненного цикла, семейные торжества и т. п. или является их важной частью [35: 265]. При этом приглашение – значимая часть народного этикета, регулирующая взаимоотношения между родными, друзьями и соседями: «Зов великое дело»,

«Зову почет отдавай» [35: 266]. Производные от *звать* могут выступать с приставкой *от-*: костр. *отзывать* 'приглашать, звать куда-либо': «Я отозван сегодня в гости», пск., твер. *отзывка* 'приглашение кого-либо куда-либо' [19: 24: 189]. Вот свадебная лексика с этой приставкой: *отзывины* ярсл. 'первое после свадьбы угощение молодых в доме родителей молодой', без указ. м. 'ответное посещение' [19: 189], без указ. м. *отозвы* 'угощение у родителей новобрачной на следующий день после свадьбы' [19: 253], *отозвины* ярсл. 'посещение молодыми родителей новобрачной на следующий день после свадьбы' [19: 253], костр. 'то же' [7]. Ср. также близкие значения, связанные с другими компонентами свадебного обряда: сарат. *отозвинки* 'последнее свадебное застолье': «Ходили в отозвинки всей родней гуляли всю ночь до утра. Отозвинки – сварьбе конец» [19: 24: 253], вят. *отзывные пельмени* 'последнее кушанье в так называемых *похмельных* (на 2 день свадьбы)', сарат., ульян. *отзывный пир* 'последний, завершающий свадьбу пир у молодых' [19: 189–190].

Замечательно, что у слова *отозвины* есть фонетические варианты с меной *в ~ м*: влг. гряз. *отозмины* 'посещение молодыми родителей новобрачной на следующий день после свадьбы' [19: 189–190], костр. солигалич. *отозмины* 'второй день свадьбы: угощение тещи для зятя': «На отозминах, говорят, у тещи, угощала она его там, чем не знаю, крепко выпивали», «А после свадьбы и отозмины были, зять к теще на блины ехал» [7]. Чередование *в ~ м* известно русским говорам, ср., к примеру, сев.-двин. *муззелень* 'темно-зеленый цвет' – влг. *вузелень* 'зеленый, еще не созревший' [8: 2011].

Надо добавить, что *отозмины* фиксируются в районах, смежных с теми, где засвидетельствованы *тозьмины*: Грязовецкий район Вологодской области граничит с Чухломским районом Костромской, а тот, в свою очередь, с Солигаличским.

Можно заключить, что слово *тозьмины* возникло из формы *отозмины* и является результатом упрощения приставки на *о*, ср. примеры аналогичных фонетических процессов: диал. шир. распр. *отымалка* 'тряпка для хозяйственных нужд' > смол., морд. *тымалка* 'то же', *образина* > самар. *бразина* 'бран. лицо', перм. *обрученье* 'вечер накануне свадьбы в доме невесты' > перм. *бручень* 'сватовство' и др. [8: 56, 58, 296]. Эта версия состоятельна в семантическом, фонетическом и лингвогеографическом аспектах. Что касается формы *тезвины*, то о причинах появления *е* сказать трудно (тем более фиксация единична): это либо результат деэтимологизации, либо следствие притяжения к словам типа *теза*, *тезка*.

ЧИКАЛИ, СЫЧИ, СУХОНЦЫ И ДРУГИЕ НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Если в предыдущем разделе статьи говорилось о тех свадебных действиях, куда гостей приглашали, *звали*, то в данном разделе речь пойдет

о незваных гостях на свадьбе. В разных славянских традициях подчеркивается неуместность прихода без приглашения:

рус. Незваны гости гложут и кости, укр. Гість не проханий, не дуже буває тучений, болг. Не съм те канил с шарена бъклица <Я тебя не приглашал с пестрой флягой для вина>, словац. Nevoláný host' má miesto za dvermi <У незваного гостя место за дверьми> и др. [35: 266].

Парадокс в том, что, несмотря на свою «неэтикетность», незваные гости составляли «законную» и особо выделенную группу участников свадебного обряда. Это

посторонние односельчане, соседи, случайные посетители и прохожие, не приглашенные на свадьбу, выступающие в обряде преимущественно в роли реципиентов. <...> Как зрители посторонние наблюдают и оценивают происходящее и следят за соблюдением обрядовых правил, получают угощение, им показывают невесту, демонстрируют приданое, поют песни. Они также активно вмешиваются в ход обряда, действуя не индивидуально, а объединенной половозрастной группой [29: 198].

Незваные свадебные гости получают многочисленные наименования, обзор которых (на славянском материале) приведен в исследовании А. В. Гуры [29: 199–201]. Так, есть наименования, в которых отражена «чуждость» таких гостей (укр. луган. *чужі люди*, словац. *cudzár*, словин. *cudzu*, рус. влг. *сторона*, бел. брест. *посторонні* и др.), занимаемое ими место в доме или вне его во время свадьбы (словен. долен. *voglarji* – в углу; рус. вят. *кутяны*, влг. *закутяня* – в *кути*, т. е. углу за печкой; словен. ю.-штирийск. *zapečkarji* – за печью; кашуб. *oknevi* – под окном; арх. *подпорожные гости*, укр. харьков., волын., житомир., подол. *запорожці*, польск. *progowi* – под (за) порогом или у него; смол. *дворники* – во дворе у ворот; калуж. *околичники* – у околицы деревни и т. п.), праздное «смотрение» (рус. перм. *смотрельщики*, *глядены*, перм., башкир. *пучеглазники*, арх. *позоряне*, укр. луган. *глядачі*, *зівахи*, серб. ресав. *гледачи* и др.), их дармоедство и попрошайничество (например, рус. вят. *захребетники*, словен. горен. *zapplečniki* – «заплечники» «приживальщики, паразиты», польск. люблин. *kościelniki*, ср. *dziad kościelny*, *baba kościelna* «нищие на паперти») и др. Некоторые другие русские диалектные наименования незваных гостей (не только на свадьбе) приведены в [31: 169–170].

Что касается **нашего полевого материала** (собранного в центральных и восточных районах Вологодской и Костромской областей), то в нем есть слова с ясной внутренней формой, которые вписываются в выделенные А. В. Гурой модели или дополняют их. Незваные гости характеризуются как случайный сброд (влг., костр. *набрód*), как праздные ротозеи (костр. *глазничі*, *глядельщики*, влг. *пучеглазники*, влг., костр. *смотрельщики*), как дармоеды (влг., костр. *захребетники*), как нарушители порядка, хулиганы, ведущие себя навязчиво и назойливо (костр. *бесчінники*, ср. *бесчінничать* влад. «нарушать приличие, порядок; безобразничать», нижегор.

«безобразничать, озорничать» [4: 1: 122], [19: 2: 283], костр. *модёны*, ср. новг. *модётъ* «быть навязчивым, назойливым; докучать какой-либо просьбой, домогаться чего-либо» [19: 18: 197]). Незваное гостевание имеет свой хронотоп. Темпоральные характеристики описывают либо время появления таких участников свадьбы, либо время их угощения – после званых гостей²: влг., костр. *посляна*, ср. также костр. *посляна* «свадебные гости, опоздавшие к началу свадьбы» [19: 30: 184]. Локативные маркеры четко определяют место этих персонажей, ср. костр. сочетание *ку́тные гости*, говорящее о тех, кто находится в *ку́тном* углу (у двери), – в противоположность *су́тным* (*су́точным*) гостям, сидящим в *сутном* (переднем) углу:

Сутных гостей сажают по лавке в сутки, они хорошиё. А кутные гости худыё, те в прихожей (Пав, Березовка). Кутные гости не званы – в куте, придут незваные и стоят, а пришла бы ты к матке с женихом – в сутки посадят, суточные гости (Окт, Даровая).

Следует отдельно остановиться на словах, требующих особого этимологического или этимологического комментария. Эти слова не комментировались в литературе – или же мы предлагаем для них новую интерпретацию.

Чикали. Слово *чикали́* отмечено ТЭ УрФУ на севере Тотемского района Вологодской области:

Чикали придут, выпить попрошайничают (Филинская), Чикалей поўно набежало, стоят глядят (Антушева Гора), Чикалей-то, скажут, насобиралось! Гостей зовут, а чикали сами придут (Вершининская), Чикали в угоу избы стучали, штёб им поднесли выпить-то (Вершининская), Чикали-те ломят в сутний угол, штёб им вынесли вина и жорева какого (Середская).

В других лексикографических источниках слово отсутствует; единственная фиксация имеется в [14]; она сделана в Верховажском районе Вологодской области, который примыкает к Тотемскому как раз с севера: *чикаль* «незванный гость»: «Чикалёв-то не любили: кому они нужны!» [14: 12: 43].

По нашему предположению, лексема *чикали* образована от глагола *чика́ть*, который возводится к гнезду праслав. экспрессивных глаголов **čikati* / **čьknŭti*, имеющих звукоподражательное происхождение [23: 4: 110–111, 141]. У глагола *чика́ть* (реже *чика́ть*) широкий круг значений, но для нас важнее всего значение **«производить стук ударами, стучать»** (арх., влг., карел., костр., прикам.) [5], [7], [11: 3: 360], [14: 12: 43], [16: 6: 790], [20: 384]; ср. также близкие формы и значения – *чикнуть* прикам. «шлепнуть, ударить» [11: 3: 360], арх., влг. «толкнуть», «бросить» [5], *чика́ть* печор. «хлестать, бить» [17: 2: 423], влг. «кидать», «пинать, подбрасывать ногой», «ломать, разламывать» [5], алт. «наносить удары чем-либо острым» [18: 5: 292], влг. *чёкать* «ударять толчком, тычком, пихать» [16: 6: 766], арх. *чикануть* «ударить» [5] и т. п.

Каково **семантическое обоснование** этого решения? Как указано в контекстах к слову *чикали*,

одно из заметных действий, которые они совершали, – стук (обычно в угол дома), означающий требование вынести им выпивку: «Чикали в угоу избы стучали...», «Чикали-те ломают в сутний угол...». Подобные действия обрисовываются и в контекстах к другим обозначениям незваных гостей на свадьбе:

влг. Смотрельшишки как заколотят, как застучат, – им и выносят пива-то (В-Уст, Кузино), костр. Сычи колят по столу, в углы бьют, выпивки просят (Окт, Даровая).

Отсюда следует, что *чикали* – те, кто *чикают* (стучат), требуя спиртного. Возможен и другой мотивационный поворот. Незваные гости, как говорилось выше, хулиганили (особенно если им не давали выпивки), ср. контексты к слову *сычи* ‘незваные гости на свадьбе’ (о котором ниже):

костр. Были всегда сычи. Если не подадут им, так они печку ломают (Вох, Кекур), Сычам-то в первую очередь выпить дают. Не напой – разберут печку по кирпичикам. Нельзя прогонять (Вох, Вохма), Набежат сычи – и печь спёхнут, своротят печку (Пав, Медведица), Сычи были – печки ломали раньше. Придут и своротят возьмут, трубу ли чё ли. Бывало, это они не нарочно, бывало так, что много их тут. Так жмутся – кирпич-два уронят (Окт, Клюкино) и др.

Таким образом, можно предполагать, что слово *чикали* мотивировано деструктивной семантикой глагола *чикать* (‘ломать’, ‘разбивать’ и т. п.). Наконец, есть еще одна мотивационная возможность. У глагола *чикать* есть значение ‘выпивать, пить спиртное’: «Ну, как они чикали: как утром вставают, так и чикали» [16: 6: 790]. Это значение – результат закономерного метафорического развития на основе ‘хлопнуть’, ‘стукнуть’, ср. простореч. *хлопнуть* (*жахнуть*) *стаканчик* ‘выпить спиртное’.

Из трех предложенных версий хочется предпочесть первую (поскольку в контекстах именно к этому слову упоминается стук, а соответствующее значение глагола *чикать* фиксируется в вологодских говорах). Однако две другие возможности могут выступать не как альтернативные, а как комплементарные.

Сухонцы. Это слово отмечено сотрудниками ТЭ УрФУ на крайнем востоке Костромской области, ср. *сухонцы* ‘незваные гости на свадьбе’: «Сухонцеу сколь набежало» (Окт, Луптюг). Луптюг находится на границе с Кировской областью, а именно там это слово фиксируется более устойчиво (как раз в западных районах, частично соседствующих с Костромой, – Шабалинском, Лузском, Подосиновском), ср. вят. лузск., шабал., подосин. *сухонца* (жен. *сухонка*) ‘тот, кто присутствует на свадьбе в качестве зрителя’: «Передай яндову сухончам, пусть попробуют нашего пива», «Вчера мы тоже ходили на свадьбу только сухончами», «Сухончев-то на свадьбе много было» [10: 10: 263]. В других словарях слово не отмечено, но при этом засвидетельствовано в исследованиях фольклористов, работавших на Вятке, ср.:

подосин. Попросили меня как за дружку. <...> Вот я с подносом выхожу и начинаю: «Господи Иисусе Христе, сыне боже нас, помилуй нас». И вот я только это прочитал, а бабы тут стоят, приготовились эти, в сухонцах, как грянут эту песню «Не зелено вино разливается...» [30: 54], лузск. *Сухонца* приходили посмотреть, соседи. Они в дверях стояли [13: 59].

Это слово упоминается и в исследовании Т. Н. Бунчук (записи из Лузского и Подосиновского районов Кировской области) [27: 62]. Для него предлагается интерпретация, связывающая его с названием вологодской реки Сухоны, протекающей к западу от Лузского и Подосиновского районов.

Соответственно, *сухонцы* – это люди, пришедшие с берегов реки Сухоны, т. е. люди издалека. Хотя, конечно же, неприглашенные гости – это односельчане, вряд ли кто-то ездил из дальних мест, чтобы посмотреть на свадьбу. Однако косвенное указание на удаленность мест опосредованно передает идею «чужести, другой стороны», так как, по народным представлениям, «далеко, за рекой» связывается с представлениями о местонахождении «того» света. Тогда и сухонцы – это люди из-за границы того света [27: 62].

Указанная модель существует, для ее подтверждения можно привлечь как обозначения незваных гостей, так и свадебных чинов, ср. чит. *швед* ‘непрощенный гость’: «Ребят в армию провожали, и два шведа пришло» [18: 5: 331], рус. пск. *мазуры* ‘о сватах’: «Из-за гары-гары едут мазуры <песня>», укр. черниг. «Прыехала літва <о сватах>, будзе у нас бітва» [26: 152].

Таким образом, предложенное решение имеет право на существование, однако смущают два обстоятельства: во-первых, Сухона – не столь актуальная большая река для жителей Кировской области (и костромского Луптюга), скорее, они выбрали бы Ветлугу; во-вторых, в обозначении жителей бассейна Сухоны ударение падает на первый слог, в то время как в названии незваных гостей – на второй³. Это побуждает, не отрицая возможности данного решения, предложить другое. Вероятно, слово имеет корень *сух-*. В плане словообразования ср. хабар. *сухонки* ‘печенье в виде полых внутри калачей» [19: 43: 19], костр. *сухонкой* (*есть*) ‘есть всухомятку» [7]. Что касается семантики, то слова с корнем *сух-* используются для выражения представлений об обманутых ожиданиях, неудаче, безрезультатности, опустошенности, неполноценности и пр., ср. арх., влг., ср.-урал. *сухору вывезти* (*привезти*) ‘получить отказ при сватовстве’, печор. *нести сухыйш* ‘прийти с утиной охоты без добычи’, арх. *сухарь* ‘рыбак, вернувшийся с лова без рыбы’, *отошёл*, *как отсуха* ‘ни с чем или с носом’, курск. *насухо* ‘не давая вознаграждения, без подарков и угощения’, влг. *сухарём* ‘порожняком, без груза и пассажиров, без ноши’, литер. *всухую* ‘с сухим счетом, не получив ни одного очка (в игре); проиграв’ и др. [24: 267, 276]. Эти смыслы входят в ассоциативное поле обозначений незваных гостей, поскольку они не получают полноценного угощения – и даже спиртное (пиво) им нередко

дается некачественное (см. об этом в [33: 66], [34: 466], где приводятся контексты типа костр. «Сычам последнее пиво доставалось, нечистое уже, друг-от»).

Сычи, сорокачи, галки. Слово *сычи́* ‘незванные гости на свадьбе’ (реже ед. *сыч*) отмечено ТЭ УрФУ на востоке Вологодской области (Бабушкинский, Великоустюгский, Кичменгско-Городецкий, Никольский районы) и на востоке Костромской (Вохомский, Октябрьский, Павинский районы):

Сычи-то бегают, хотят взять со стола. Их не звали, они неприглашённые (В-Уст, Кузьминская Выставка), За матицу не выходили сычи-то. Установятся, тута смотрят, подолгу стоят, чтобы им пивца подали, винца (Вох, Тихон), Сычи пришли. Их угостят – и они должны вовремя уйти. Раньше брали полотенце, через стол кидали им: «А вы, сычи, бесстыжие *глазичи́*, утирайтесь и домой убирайтесь» (Окт, Соловецкое), А вот приходили на свадьбу смотрели, как нынче говорят, наброд ходят, – сычи звали. Незванные гости пришли посмотреть, как свадьба идёт, молодых посмотреть. Сычи-ти вперёд гостей, им пить подают, вперёд гостей заплясали да песни запели. Сычи, большие глаза. Уташшить чего норовят (Пав, Старое Коточижное) и др.

Фиксируются также производные глагольные формы: влг. *сычи́ть*, *сычевать* ‘угощаться на свадьбе (о незваном госте)’:

Сычевать на свадьбу пойдём – глаза нахлещут, до стола доберутся (Бабуш, Демьянцево), Сычить на свадьбу пришли, чтоб подали вина (Бабуш, Овсянниково); влг. *насычи́ться* ‘угоститься вдоволь, побывав на свадьбе (о незваном госте)’: Насычи́ўся – сычом пришёу дак, подали ему (Бабуш, Овсянниково)⁴.

Слово *сычи́* входит в активный лексический запас диалектоносителей; наши картотеки насчитывают десятки фиксаций. Что касается словарей, то слово отмечено в [19] и в словаре Н. С. Ганцовской, но «пунктиром»: влг., костр. вох. *сычи́* ‘незванные гости на свадьбе’, влг. *прийти куда-л. сычом* ‘прийти куда-л. незванным’, костр. вох. *сычи́* ‘о детях и взрослых, собирающихся в куты’ (в доме, избе) во время сватовства или свадьбы’ [19: 43: 180], костр. солигалич., чухл. *сычи́* ‘неприглашенные гости на свадьбе, зеваки’: «В сычи много народу пришло», «Сычи по окнам всегда заглядывают» [2: 375]. В близком значении слово есть и в [14]: влг. кич.-гор. *бегать сыча́ми* ‘бежать обособленно, особняком, в стороне от других’: «Мы ребятишками-то всегда за свадебным поездом сычами бегали» [14: 10: 179]. Данные словарей расширяют ареал, который задан в записях ТЭ УрФУ, но незначительно (добавляются Солигаличский и Чухломский районы Костромской области). Как следует из записей, обобщенных в [19], слово фиксируется не только современными собирателями, но и отмечалось в Вологодской губернии более 100 лет назад (в 1901 году) [19: 43: 180].

В смысле мотивации слово не вызывает проблем. В говорах (в том числе вологодских и костромских) *сыч* имеет не только общенародную

семантику, но и обозначает сову, филина и некоторых других хищных птиц [2: 375], [10: 10: 278], [19: 43: 180] и др. В языковом «портрете» этих птиц (особенно сыча и совы) выделены глаза и взгляд (напряженный, немигающий), что отражено, в частности, в идиомах типа литер. *глядеть / хлопать глазами / уставиться как сыч* ‘о том, кто смотрит недовольно, сердито’, *недовольный (надутый) как сыч*, *насуниться как сыч*, *взгляд как у сыча*, *глаза как у сыча* ‘о чьих-либо круглых, враждебных, немигающих глазах’, *совиные глаза* ‘круглые, большие глаза’ и др. Незванные гости *глазеют* на свадебное действо (ср. такие их обозначения, как *глядёльщики*, влг. *пучеглазники*, влг., костр. *смотрельщики*, которые приводились выше), что подчеркивается и в контекстах к слову *сычи* (см. выше: «А вы, сычи, бесстыжие *глазичи́*, утирайтесь и домой убирайтесь», «Установятся <сычи>, тута смотрят, подолгу стоят <...>» и др.). Поэтому в основу семантического переноса явно положен признак «глазения».

В создании образа могут участвовать и другие признаки; думается, образ в данном случае учитывает их комплекс. Птице сычу приписывается стремление к изоляции (литер. *жить (сидеть) сычом* ‘быть изолированным от общества’) – и подобный признак может считаться мотивирующим, поскольку свадебные *сычи* отделены от других гостей. Сычи выглядят недовольными, обиженными (томск. *выглядывать (высмаатривать) как сыч* ‘об угрюмо, неприветливо глядящем человеке’, простореч. *вид как у сычихи* ‘о неприветливом, угрюмом, враждебном или обиженном виде какой-л. женщины’ [9: 671–672]), а недовольство, конечно, присуще и незванным гостям, которые не получают «настоящего» угощения. Кроме того, поведение сыча может восприниматься как беспокойное и «хулиганское» (пск., твер. *сыч* ‘нахал, наглец’ [19: 43: 180], иркут. *вертеться, как сыч на колу* ‘о суетливом, беспокойном, непоседливом человеке’, сиб. *как сыч на колу* ‘о беспокойном, непоседливом человеке’ [9: 671–672]), что, несомненно, характеризует и незванных гостей на свадьбе. Вообще сыч, как и другие ночные птицы, имеет в славянских лингвокультурных традициях преимущественно негативную символику (воспринимается как зловещая, демоническая птица, см. [28: 568–570]), и это не может не влиять на выбор образа для обозначения незваного гостя, который воспринимается как антагонист по отношению к хозяевам (ср., кстати, поверье *сыч хозяина выживает* ‘говорится о птице, когда она кричит, сидя на доме’ [6: 31]). Итак, образ сыча в применении к свадебному обряду получает многостороннюю мотивацию.

Показательно, что эта метафора поддерживается другими «птичьими» обозначениями незванных гостей, зафиксированными в той же вологодско-костромской зоне. Первое из них – влг. в.-уст. *сорокачи́*: «У тебя гости сидят, а к дверям набегат, вот и сычи, сорокачи ли. Им потом конфет

набрасают» (Черная). Из словарных источников это слово фиксируется в [10], причем отмечено оно в западных районах Кировской области – Даровском и Лузском (граничащем с Великоустюгским): *сорокачи* ‘незванные гости на свадьбе’: «Приходят и сорокачи на свадьбу», «Пойдем сорокачами пирушку глядить» [10: 10: 171]. Приводится и единично засвидетельствованный вариант *соркачи* («Полна изба соркачей») – результат мутации или ошибки при записи [10: 10: 171]. *Сорокач*, скорее всего, вторичен по отношению к *сычу*, на что указывает рифма (*сычи* – *сорокачи*) и великоустюгский контекст «вот и сычи, сорокачи ли» (хотя в вятских записях *сорокачи* выглядят «независимыми»). Замена *сыча* на *сороку* несколько модифицирует мотивационную базу образа: основной признак сороки – стрекот, переосмысляемый как шумная болтовня, ср. новг. *сороковать* ‘собравшись вместе, толковать, разговаривать’ [19: 40: 24], новг., орл., тул. *соробчить* ‘болтать, пустословить; сплетничать’ [19: 34] и т. п. Кроме того, сороки появляются нередко «компанией», как и незванные гости, – ср. простореч. *сорочья ярмарка* ‘о группе болтающих женщин’. Сороки вороваты (простореч. *красть* (*воровать, тянуть, тащить*), как *сорока* ‘о чьем-либо частом (и обычно мелком) воровстве, вороватости’), а в таком поведении иногда обвиняют незваных гостей (см. выше в контексте – «уташить чего норвоят»).

Наконец, для обозначения незваных гостей на свадьбе может быть использован образ галки. Соответствующие лексические единицы записаны в Шарьинском районе Костромской области, ср. *гálки, галчáта* ‘незванные гости на свадьбе’: «Галки и галчата: ой, уж сколько галчат нашло, будем их из этой банки поить» (Поляшово). Как и сороки (а также вороны), галки «галдят», собираются в стаи, вороваты, ср. алт. *галдеть* как *галки* ‘об одновременно и громко говорящих людях’, шадр. как *галок насело* ‘о множестве кого-л. (например, старух, рассеявшихся на лавочках)’ [9: 129] и др.

Таким образом, привлечение птичьих образов для обозначения незваных гостей на свадьбе обосновано целым рядом поведенческих признаков. Эти признаки лежат на поверхности – и не стоило бы особо о них говорить, если бы за ними не просматривался **мотивационный пласт другого уровня**. Названные образы включаются в ряд других птичьих образов, которыми насыщен символический язык свадьбы, а также матримонимальной и эротической сферы. Как отмечает С. М. Толстая,

в славянской свадебной терминологии широко представлена «птичья» (особенно «куриная») лексика – в основном в номинациях, связанных с невестой: головной убор невесты носит название *кокошник* (от *кокошка* ‘курица’), *сорока*; свадебный хлеб у русских называется *курник* (реже *утка, гуска, голубка* и т. п.); птичьих названия получают украшения свадебного караваия (*птички*,

голубки и др.) и т. д. <...> Присутствие птичьего кода в традиционном свадебном обряде и его терминологии непосредственно связано с птичьей символикой и номинацией в славянских языках мужских и женских детородных органов (*курица, птуха, патка, галка; петух, соловей* и т. п.) [36: 17].

Многочисленные примеры, расширяющие указанные ряды и представляющие новые, даны в [29: по предметно-тематическому указателю – «голубь», «гусь», «кукушка», «курица», «ласточка», «лебедь», «орел», «птицы», «перепелка», «петух», «сова», «сокол», «соловей», «сорока», «тетерка», «утка»], [25: 279–281], [37], [38] и др. Однако эта тема еще далека от закрытия, о чем говорит обнаружение новых лексических и этнографических фактов (ср., к примеру, влг. *кóришны* ‘хлеб, который пекли на свадьбу’ [15: 6: 67], ср.-урал. *глухáрь* ‘тот, кто сопровождает приданое’ [1: 2: 127]), а также относительно маргинальных образов, которые получают особое звучание в общем контексте (таковой является, например, обратимая метафора «зять ↔ дятел» [25: 280]).

Свадебные *сычи, сороки* и *галки* тоже должны рассматриваться как новые реализации птичьей темы, являющейся одной из доминант свадебно-матримониальной символики. Это позволяет говорить о глубинной связи между описанными севернорусскими лексическими фактами и, казалось бы, не связанными с ними фольклорно-этнографическими свидетельствами, записанными в иных зонах славянского мира. Показателен, к примеру, один из обычаев полесского свадебного ряжения:

Посторонние развлекали присутствующих на свадьбе и в качестве ряженных. В Полесье переодетая стариком старуха и женщины изображали сову и совенят и занимали места за столом, откуда их выгоняли, поднося водку и подпаливая сове бороду [29: 208–209].

Интересна и малопольская легенда о сове: на свадьбе в Канне Галилейской присутствовали все птицы. Сова прилетела позже всех (ср. поздний приход *сычей*), и ей достались объедки со всех столов (затем сова опозорилась, пустившись в пляс с коршуном) [28: 578–579]. Окраска образов, фигурирующих в этих примерах, и связанные с ними мотивы соотносятся с теми деталями «портрета» *сычей*, которые описывались выше (негативная тональность, мотив опоздания совы = позднего прихода *сычей*, кормление неполноценной пищей).

Таким образом, реконструируется небезынтересная картина, показывающая существование разных по глубине уровней мотивации у вполне «читаемых» языковых фактов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит Т. Н. Бунчук, Ю. А. Крашенинникову и В. С. Кучко за помощь в сборе и осмыслении материала для статьи.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Незванные гости иногда хулиганили – например, похищали кушанья со свадебного стола [29: 203].
- ² Как указывает А. В. Гура, для посторонних могли устраивать специальное угощение в конце свадьбы [29: 203].
- ³ При этом в фольклорных источниках ударение не проставлено.
- ⁴ Возможно, здесь имеет место контаминация с *насытиться*.

СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ РАЙОНОВ

Бабуш – Бабушкинский район Вологодской области
 В-Уст, в.-уст. – Великоустюгский район Вологодской области
 Vox, vox. – Вохомский район Костромской области
 гряз. – Грязовецкий район Вологодской области
 даров. – Даровской район Кировской области
 кич.-гор. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
 лузск. – Лузский район Кировской области
 Окт, окт. – Октябрьский район Костромской области
 Пав. – Павинский район Костромской области
 подосин. – Подосиновский район Кировской области
 слобод. – Слободской район Кировской области
 солигалич. – Солигаличский район Костромской области
 чухл. – Чухломской район Костромской области
 шабал. – Шабалинский район Кировской области
 Шар, шар. – Шарьинский район Костромской области

СЛОВАРИ

1. Востриков О. В. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2000. Вып. I–V; Липина В. В. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2004. Вып. VI/1–.
2. Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. 512 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989). Т. 1–4.
4. Диалектный словарь Нижегородской области / Отв. ред. Е. А. Колтунова. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2013. Вып. 1–.
5. Картоотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
6. Козлова Т. В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2001. 207 с.
7. Лексическая картоотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
8. Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск: Изд-во КГПА; М.: ООО «Вариант», 2013. 350 с.
9. Мокненко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
10. Областной словарь вятских говоров / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров: Коннектика: Изд-во ВятГГУ: Радуга-ПРЕСС, 1996–2018. Вып. 1–12.
11. Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья / Под ред. И. А. Подюкова. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012. Вып. 1–3.
12. Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2004. 360 с.
13. Семейные обряды Вятского края / Под ред. А. А. Ивановой. М.; Котельнич: Изд-во МГУ, 2003. 320 с.
14. Словарь вологодских говоров / Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 1983–2007. Вып. 1–12.
15. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Т. 1–.
16. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. Т. 1–6.
17. Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005. Т. 1–2.
18. Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006. Т. 1–5.
19. Словарь русских народных говоров / Отв. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л./СПб.: Наука, 1965. Вып. 1–.
20. Устьянский народный словарь / Под ред. А. А. Истомина и др. Октябрьский; Вельск: Устьяновский краеведческий музей: Вельти, 2013. 496 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.
22. Чухломской фольклор: В 2 т. Т. 1. Фольклорно-этнографические материалы / Под ред. А. В. Кулагиной, В. А. Ковпика. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2012. 440 с.
23. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974. Вып. 1–.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

24. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
25. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.
26. Березович Е. Л., Кучко В. С. Еще раз об этимологии рус. мазурик ‘мошенник’ (в свете культурно-языкового образа мазура в славянских традициях) // Slověne. 2017. № 1. С. 413–448.

27. Бунчук Т. Н. Концептуальная семантика лексической группы в контексте народной культуры // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография: Материалы всерос. науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения В. И. Даля. Ярославль, 2001. С. 60–63.
28. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
29. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
30. Золотова Т. А., Крашенинникова Ю. А., Поздеев В. А. Семантические и поэтические уровни значений реалий и номинаций в народном сознании (на вятском этно-фольклорном материале). Киров: Радуга-Пресс, 2017. 146 с.
31. Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции: Дис. ... д-ра филол. н. / Урал. федеральный ун-т. Екатеринбург, 2015. 427 с.
32. Невская Л. Г. Концепт гость в контексте переходных обрядов // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 442–452.
33. Осипова К. В. Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 57–73.
34. Осипова К. В. Традиции употребления пива на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 463–478.
35. Седакowa И. А. Приглашать // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 265–269.
36. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 528 с.
37. Зайковская Т. Невеста-птица. 1. Перелет в иной мир // Кодови словенских култура. Бр. 3. Свадба. Београд, 1998. С. 42–58.
38. Зайковский В. Невеста-птица. 2. Communio-coitus // Кодови словенских култура. Бр. 3. Свадба. Београд, 1998. С. 59–79.

Berezovich E. L., Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)

NORTHERN RUSSIAN WEDDING VOCABULARY: ETYMOLOGICAL AND ETHNOLINGUISTIC NOTES*

The article considers some lexical units of northern Russian wedding ceremonies, recorded by Ural University Toponymic Expedition to the Vologda and Kostroma regions – i. e. Kostroma word *tozminy*, used as the name of one of the wedding feasts (and figuratively meaning social gatherings with feasts during other family ceremonies), as well as Vologda words *chikali* and *sorokachi*, Vologda and Kostroma word *sychi*, and Kostroma words *sukhontsy*, *galki* and *galchata*, used as the names of uninvited guests who appeared at the wedding feast on their own will, without an invitation from the hosts. In the article these words are put in the broad context of dialect wedding vocabulary, vocabulary of folk celebrations and visitations, as well as non-verbal components of traditional wedding and hospitality culture. Based on these data and taking into account linguistic and phonetic characteristics, the author offers etymological interpretations for “dark” words or corrects solutions previously offered in academic literature. Presented linguistic commentary deepens the reading of the entire wedding ceremony “text”: clarifying the internal form of the analyzed words restores the original role-playing frames, within which uninvited, but still expected guests are allowed to behave; as well as reconstructs the connections of certain northern Russian lexemes with symbolic wedding codes, thoroughly elaborated in the Slavic folk culture.

Key words: northern Russian dialects, wedding, wedding vocabulary, semantic reconstruction, etymology, ethnolinguistics

ACKNOWLEDGMENTS

The author thanks T. N. Bunchuk, Y. A. Krashenninnikova and V. S. Kuchko for their assistance in collecting and interpreting the materials for the article.

* The study is supported by the Russian Science Foundation grant ‘North-Russian Vocabulary and Toponymy through Language Contacts and Genetic Ties’ (project No 17-18-01351).

REFERENCES

24. Berezovich E. L. Language and traditional culture: ethnolinguistic studies. Moscow, 2007. 600 p. (In Russ.)
25. Berezovich E. L. Russian vocabulary against general Slavic background: semantic and motivational reconstruction. Moscow, 2014. 488 p. (In Russ.)
26. Berezovich E. L., Kuchko V. S. Revisiting etymology of Russian word *mazurik* (“rascal”) in the light of cultural and linguistic image of the Mazurs in Slavic traditions. *Slověne*. 2017. No 1. P. 413–448. (In Russ.)
27. Bunchuk T. N. Conceptual semantics of a lexical group in the context of folk culture. *V. I. Dal' i russkaya regional'naya leksikologiya i leksikografiya: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Dal'ya*. Yaroslavl, 2001. P. 60–63. (In Russ.)
28. Gura A. V. Symbolism of animals in Slavic folk tradition. Moscow, 1997. 912 p. (In Russ.)
29. Gura A. V. Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism. Moscow, 2012. 936 p. (In Russ.)
30. Zolotova T. A., Krashenninnikova Y. A., Pozdееv V. A. Semantic and poetic levels of the meanings of realities and nominations in national consciousness (using Vятka ethnic and folklore materials). Kirov, 2017. 146 p. (In Russ.)
31. Leontyeva T. V. Models and spheres of socio-regulatory semantics representation in the Russian language tradition. Diss. ... Doct. Sci. (Philology). Ekaterinburg, 2015. 427 p. (In Russ.)
32. Nevskaya L. G. The concept of “guest” in the context of transitional rites. *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga*. Moscow, 1997. P. 442–452. (In Russ.)
33. Osipova K. V. Brewing vocabulary in the Russian North: ethnolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2017. No 48. P. 57–73. (In Russ.)
34. Osipova K. V. Traditions of drinking beer in the Russian North: ethnolinguistic aspect. *Slavyanskiy al'manakh*. 2017. No 3–4. P. 463–478. (In Russ.)
35. Sedakova I. A. Invite. *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary*. Vol. 4. Moscow, 2009. P. 265–269. (In Russ.)
36. Tolstaya S. M. Image of the world in text and ritual. Moscow, 2015. 528 p. (In Russ.)
37. Зайковская Т. Невеста-птица. 1. Перелет в иной мир. *Кодови словенских култура*. Бр. 3. Свадба. Београд, 1998. С. 42–58.
38. Зайковский В. Невеста-птица. 2. Communio-coitus. *Кодови словенских култура*. Бр. 3. Свадба. Београд, 1998. С. 59–79.

Поступила в редакцию 16.04.2018

ВАЛЕРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Российская Федерация)
vihnn@mail.ru

О ВЛИЯНИИ ЯЗЫКА КАРЕЛЬСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ XVII ВЕКА НА ТОПОНИМИЮ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Первая часть статьи кратко рассматривает историю русификации карельского населения в пределах Новгородской области. Вторая – главная по содержанию и большая по объему – часть статьи исследует, каким образом карельский языковой элемент отразился в новгородской ономастике, особенно в топонимии. Сегодня карельские географические названия можно найти только в тех местах Новгородской области, где карелы существовали как особый этнос в XX веке (окрестности Валдая, Боровичей, Окуловки, Любытина, Демянска, Крестцев и некоторые деревни в среднем течении Мсты). В таких местах остаются также народные предания о появлении карел и воспоминания об их жизни. Этнонимы *карелы*, *корелы*, *кореляки* часто используются как коллективные прозвища жителей отдельных деревень и иногда становятся обозначениями людей, которые говорят непонятно, с диалектными особенностями. Карелы, расселявшиеся среди русского новгородского населения, обычно усваивали русскую топонимию в готовом виде, поэтому карельских по происхождению названий новгородских селений очень мало. В статье подробно анализируются предположительно или явно карельские названия деревень *Костково* (< *Касково*), *Тиккулы*, *Сюйска*, *Нъвуя*, *Перье*. Генетически русские названия селений тоже иногда свидетельствуют о бывшем присутствии карел: *Корельские Новики*, *Корельское Раменье*, *Пестово Корельское* и др. (с атрибутом *корельский*), *Байнёво* (в связи с переводом карел. *periti* ‘изба’ как новг. диал. *байня* ‘баня’). Карельский языковой вклад лучше всего отразился в новгородской микротопонимии – названиях незначительных объектов ландшафта возле селений. В статье изучаются разные типы карельских микротопонимов: с русским суффиксом *-ушк-* (*Шилдушка*, *Кангушки*, *Ламбушка* и др.); без русских суффиксов (*Шалма*, *Лодма*, *Рожма*, *Шакиа*, *Бруда* и др.); с двумя основами (*Шитто-Вара*, *Мада-Ламба*, *Тамме-Ручей*, *Габо-Роца* и др.). Карельская микротопонимия нередко связана с местными народными легендами о нечистых местах, старинных захоронениях и др.

Ключевые слова: карелы, ассимиляция, этнос, Новгородская область, топонимы, этнонимы, диалектная лексика

Регион Новгородской области известен как одна из территорий переселения и нового местожительства значительного числа православных карел, которые бежали на юг по итогам Столбовского мирного договора 1617 года. Тематика карельско-русского языкового взаимодействия XVII–XX веков, сопряженная с оценкой позднего карельского лексико-топонимического субстрата в Новгородской области, изучена слабо. Хочу заметить, что целенаправленного изучения карельского элемента в Новгородской области мною тоже не проводилось, и предлагаемая статья не претендует на широкое развертывание данной сложной темы, скорее, речь в ней пойдет о ряде частных наблюдений применительно к «карельскому фактору» в Новгородском крае.

Хотя переселение карел из региона Северного Приладожья в более южные районы Новгородской земли (Бежецкую, Деревскую и Шелонскую пятины) началось почти сразу после 1617 года, судя по письменным свидетельствам, наибольший размах этот процесс приобрел в середине XVII века, перед русско-шведской войной 1656–

1658 годов и в период этой войны, после которой обширный Корельский уезд почти обезлюдел [5: главы III, IV]. Уже в 1660-е годы в основном сложились существовавшие столетиями в великорусском окружении разрозненные острова карельских селений, основные скопления которых, как хорошо известно, представлены тверскими карелами (преимущественно расселившимися в северо-восточной части Тверской области), тихвинскими карелами (сегодня в Бокситогорском районе Ленинградской области, бассейн Чагоды) и валдайскими, или, шире, новгородско-валдайскими, карелами (преимущественно на Валдайской возвышенности в Новгородской области).

Если тверские и тихвинские карелы до сих пор продолжают существование в виде постепенно угасающих этноязыковых реликтов, то карелы на территории Новгородской области были полностью ассимилированы русскими еще пару десятилетий назад – к исходу XX века. Исследователи достаточно подробно проследили процесс русификации новгородских карел за последние полторы сотни лет, основной массив которых

был сосредоточен в окрестностях Валдая. Этнографическая карта П. И. Кёппена, первое издание которой вышло в 1851, а третье, уточненное, издание – в 1855 году¹, отмечает десятки селений не только в Валдайском, но и в Боровичском, Крестецком, Демянском и Новгородском уездах, где жили карелы и слышалась карельская речь. В середине XIX века карелы были двуязычны, но сельские жители Валдайского уезда еще хранили воспоминания о тех временах, когда карелы не знали русского языка; см. свидетельство Новгородского сборника издания 1865 года:

Все прихожане кореляки, впрочем, со сторонними людьми хорошо говорят и по-русски. Было, говорят старики, время, когда здешние жители не знали ни одного слова русского; есть даже и теперь старики, которые худо говорят по-русски и мешают в русскую речь много своих карельских слов (Наволоцкий приход к юго-востоку от Валдая) (НС: II, 113)².

Судя по наблюдениям 1910-х годов (Ю. Куёла [24: 33–34], К. Лебедев [10: 15]), в деревнях на Валдае в этот период по-карельски говорили только люди пожилого возраста, а молодежь стеснялась исконного языка и предпочитала русский. Фольклорно-диалектологические экспедиции середины XX века показали, что к началу 1960-х годов карельским языком на Валдае владели не более 50 человек пожилого возраста [22: 4], а последние записи карельской речи были сделаны А. В. Пунжиной в 1983 и 1990 годах в д. Марково Валдайского района [15: 6]. Полевые обследования С. А. Мызникова 1994–1995 годов и экспедиции А. А. Бландова, проходившие с 2010 года, уже не выявили в Новгородской области ни одного местного жителя, говорившего по-карельски [2: 79], [11: 167]. Мои многочисленные поездки по деревням Новгородской области тоже не дают ни единого свидетельства о наличии карелоязычных старожилов.

Таким образом, история карел, живших на территории современной Новгородской области, имеет свои отчетливо датированные начало, конец и длительность – приблизительно 350 лет. Продолжение, хотя и на излете, истории тверских карел связано, надо полагать, главным образом с количественным фактором: судя по документации, на тверские земли, прежде всего в Бежецкий Верх, карельских семей изначально прибыло существенно больше, чем на новгородскую Валдайскую возвышенность [5: 74]. Что касается сообщества тихвинских карел, то они сохранились сравнительно лучше, чем валдайско-новгородские, не по причине своей численности (согласно переписи 1897 года в Тихвинском уезде был 1371 человек, говорящий по-карельски, тогда как в Валдайском уезде таких лиц отмечено 5808, см. [19: 581]), а благодаря большей географической изоляции (и, надо полагать, изоляции конфессиональной, поскольку многие тихвинские карелы были старообрядцами, см. [17: 31–34, 45]).

Новгородско-валдайские карелы жили вблизи уездных городов Валдай, Демянск, Боровичи, Крестцы рядом с большой столбовой дорогой между Москвой и Петербургом, что, разумеется, способствовало их ассимиляции.

В пределах Новгородской области утрата карелами этноязыковой идентичности происходила везде по-разному, с разной скоростью. Так, согласно карте переселения карел в Россию в XVII веке, представленной в книге [8: 132], в окрестности Старой Руссы и немного южнее из Корельского уезда бежали более 1000 (548 + 475) карельских семей, если судить по запросным спискам шведских властей Кексгольма, обращенным к русским властям и содержащим информацию о том, какие люди бежали, откуда и куда. В частности, по архивным фондам Иверского монастыря известно, что многие из этих бежавших карел обосновались в 1659 году в Воскресенском погосте Старорусского уезда, на землях, принадлежащих Иверскому монастырю, – в деревнях Лосытино, Зубакино, Сущево, Першино и др. (см. [5: 67]). Перечисленные деревни и урочища (из них жилой сегодня остается только д. Лосытино), расположенные вдоль реки Порусьи, мне прекрасно знакомы, и я могу с достаточной уверенностью сказать, что очевидных следов карельского этноса, языковых, этнографических и фольклорных, в данной местности не сохранилось. Похоже, карельского населения в окрестностях Старой Руссы не было уже в середине XIX века, по крайней мере карта Кёппена середины XIX века не отмечает в Старорусском уезде ни одной карельской деревни³. Согласно переписи 1897 года, в Старорусском уезде проживали 35 карел, но, поскольку среди этого числа имела лишь одна женщина (по данным [19: 581]), нетрудно заключить, что эти карелы-мужчины не были местным старожильским населением, а занимались отхожими промыслами. А. А. Бландов пишет, что процесс ассимиляции валдайских карел «приобрел необратимый характер» к началу XX века [2: 79], но в ряде карельских селений обрусение происходило уже в середине XIX века. Новгородский сборник 1865 года сообщает, что в д. Фалево близ города Валдай все «жители говорят по-корельски, но молодое поколение уже бросает этот язык» (НС: II, 93)⁴. Ускоренное обрусение сообщества карел д. Фалево объяснимо близостью к городу и разнообразием их деятельности: помимо традиционного земледелия, они занимаются извозом, ловлей зверей, а большая часть уходит в разные города на заработки (НС: II, 93). Но и в более глухих местах Новгородской губернии карелы подвергались ускоренной ассимиляции уже в середине XIX века, если проживали в селениях не чисто карельских, а смешанных, русско-карельских. Н. Г. Богословский, описывая состав населения Хубецкого прихода Крестецкого уезда в среднем течении Мсты на

период начала 1860-х годов, сообщает, что «из крестьян этих деревень очень немногие говорят по-корельски, и то между собою, с русскими говорят по-русски хорошо», а дети этих кореляков, «хотя и умеют говорить по-корельски, но уже очень редко говорят» (НС: IV, 120).

Писцовая и межевая книга дворцовых земель Новгородского уезда 1673–1685 годов сообщает о сотнях «зарубежных выходцев корелян», заселивших микрорегион Ильменского Поозерья юго-западнее Новгорода и ближайшие западные окрестности Новгорода. Эти «кореляне» почти всегда занимали пустоши, возродив тем самым ранее заброшенные приновгородские деревни Трощаников Бор, Корпово, Соино, Неронов Бор, Струга (Харамзино), Мининская, Соснец, Горка, Сапунов Бор, Здриного, Медвежья Голова, Лисья Гора, Батурино, Ляпино, Дубня Земецкая, Богдановская (Оверкиево), Горка Ждановская Овцына, Вошково, Люболяд Задней, Нехино, Нехино, Лентиево, Обросово, Фарафоново, Поддубье, Окатово, Леваново, Завитье, Заболотье (Сидорково), Подсосонье, Каменка; из жилых деревень, куда подселили «корелян», книга называет всего две: Лукиншина⁵ и Видогоща. Правда, указанные книгой 1673–1685 годов «кореляне» вряд ли были собственно карелами или выходцами из обширного Корельского уезда; «корелянами» здесь, скорее, названы максимально близкие к карелам ижорцы (ижоры, ижеряне)⁶, поскольку все эти вышедшие в 1654, 1655, 1669 годы из-за шведско-русского рубежа люди пришли под Новгород из погостов на территории Ингерманландии, а именно – из Яросалского (= Ярвосольского), Ижерского, Спасского Невского, Ополецкого, Кипенского, Григорова⁷, Грязенского (Грезневского), Суецкого (= Суйдовского), Дятенского (= Дятелинского), Ореховского, Заруцкого, Замозского, Врудского погостов [7: 302, 303, 306, 307, 309, 313, 318, 322, 323, 326–328, 330, 332, 343–346, 348, 350, 351, 353–358, 360, 361, 363, 364, 376, 379]. В XIX веке никаких следов ранее многочисленных «корелян» в западных и юго-западных окрестностях Новгорода, конечно, уже не было, по крайней мере этнограф П. И. Якушкин, путешествовавший в декабре 1858 года по новгородскому Ильменскому Поозерью, встретил там только русских людей [20: 40–66].

Масштабное внедрение в XVII веке карельского этноязыкового элемента в русскую диалектную среду Новгородской земли, разумеется, не прошло бесследно для местных новгородских говоров, особенно для топонимии, антропонимии, диалектной лексики, а также, надо полагать, для иных уровней языковой системы. Но, скорее всего, если судить по предварительным наблюдениям, языковые (и не только) следы карел мы сегодня найдем лишь в тех местах Новгородской области, где карелы-старожилы существовали как особый этнос в XX веке, хотя бы в самом

начале XX века, где до сих пор еще сохраняются народные воспоминания о них (кое-где в окрестностях Валдая, Боровичей, Окуловки, Любытина, Демянска, Крестцев, включая некоторые деревни в среднем течении Мсты). В тех же местах Новгородской области, где карелы этнически исчезли давно – в XIX веке, трудно надеяться на систематические языковые находки явно карельского происхождения. Это прежде всего относится к окрестностям Старой Руссы и Новгорода, где карел во 2-й половине XIX века уже не было. Впрочем, севернее Новгорода, по берегам Волхова, в отличие от местностей близ Старой Руссы, этнографическая карта 1851 года отмечает еще карельские «гнезда», но все эти приновгородские карелы проживали в селениях-колониях, основанных в 1836 году (Николаевская колония и Александровская колония на правом берегу Волхова), и, согласно переписи 1897 года, в Новгородском уезде их насчитывалось всего 95 мужчин и 2 женщины, по данным [19: 581]. Безусловно, карельские семьи разрозненно проживали в разных других местах современной Новгородской области, но из-за малочисленности они не имели шансов этнически сохраняться там длительное время.

Там, где карелы существовали в XX веке, по сей день в Новгородской области остаются о них народные воспоминания, а этноним *карелы* (*корелы*, *кореляки*)⁸ хорошо знаком местным жителям. В таких местностях еще живы народные предания о появлении местных карел. Так, в д. Каменка Любытинского района студенты Новгородского государственного университета (НовГУ) записали следующее: «Суворов привез из Карелии в Каменку и окрестные деревни первых людей из Карелии. Многие здесь разговаривали по-карельски» (2003 год). В д. Сосницы Маловишерского района жители сообщили, что «карелы вначале тут были, но обрусели уже давно», а также рассказали, что «когда шли шведы и поляки, шли карелы и по устью реки основывали жилища. Названий у нас тут много карельских, да и язык карельский когда-то знали» (2012 год). О карелах хорошо помнят в селениях Крутец Окуловского района, Костково, Усиха Валдайского района, Барашиха, Виниха Крестецкого района и др. Иногда местные народные легенды связывают с карелами возникновение не только самого населенного пункта, но и его названия. В д. Ватагино Окуловского района рассказали, что деревню основали и были ее первыми жителями «корелы», которые пришли «ватагой на новые земли» (2015 год). О названии ныне уже нежилой д. Лобаново Валдайского района жители соседнего Большого Замощья поведали следующее: «В деревне лобарі – карелы жили. От них и несет свое название» (2003 год). Похоже, словом *лобарі* здесь неточно передан этноним *лопарі* – старое наименование саамов, которое нередко переносят на карел.

В речи новгородских старожилов этноним *карелы* иногда становится «микроэтнонимом» (по терминологии О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева, см. [6: 151–152]), а именно превращается в коллективное прозвище жителей некоторых деревень с бывшим карельским населением. С. А. Мызников зафиксировал такого рода микроэтнонимы для ряда деревень вблизи Валдая: Угрово, Ерёмина Гора, Бор, Середя, Пестово и др. [11: 168]. Подобное есть и в моем полевом диалектологическом материале начала 2000-х годов. Так, жители села Шереховичи Любытинского района жителей соседней д. Колоколуша называли *карелами*, а деревню *карельской*, хотя никаких карел там уже давно нет. В самой же Колоколуше подтвердили, что карелы здесь жили раньше, а сейчас все говорят по-русски. Аналогичное прозвище прилагалось окрестным населением к русскоязычным жителям д. Костково в Валдайском районе.

Кроме того, в говорах Новгородской области карельские этнонимы порой превращались в личные обозначения, характеризующие речевые особенности. Специфически новгородским, ранее не отмечавшимся, является смысловое преломление этнонима *карелы* для обозначения людей с «окающим» говором. В «акающем» Марёвском районе приходилось слышать прозвище *карелы* применительно к жителям соседнего Демянского района, где распространено оканье. Вероятной предпосылкой для такой семантизации этнонаименования послужило то обстоятельство, что селения новгородских карел в самом деле располагались в ареале оканья. В Хвойнинском районе отмечено *кореля́к* с более общим значением: «человек, говорящий с диалектными особенностями»: «Есть у нас деревня такая, Кашино называется. Там люди тоже коряво говорят, кореляки страшные, страшно кореляют» [12: 432]. От этнонима образовался глагол *корелять* (*корылять*) «непонятно говорить; говорить иначе, чем принято в данной местности»: «На мотоциклете-то он ехал, кореляет и кореляет, говорит не по-нашему» (Ст. + Вол., Тихв., Хв.), «неправильно говорить; коверкать речь»: «Мы корыляем, неправильно, непонятно говорим» Ок. (Там же). Глагольные дериваты от *корел*, *кореляк* (*кореля́чить*, *корелёчить*, *кореля́чить*, *ко́релить*, *кореля́ть*) в значениях «говорить непонятно», «говорить по-карельски», «говорить с карельским акцентом», «говорить на своем диалекте» нередки также в русских говорах Карелии и в Мурманской области [16: 2, 422–423].

Карелы внедрились в русскоязычную среду с топонимическим ландшафтом одного этноса, имевшего устойчивые топонимические традиции, которые сложились столетия назад. Немногочисленный карельский элемент не оказал никакого влияния на новгородский топонимикон более или менее заметных новгородских населен-

ных пунктов, волостей, территорий, сравнительно крупных рек и озер. Все такие топообъекты были поименованы задолго до прихода карел, и карелы просто усвоили готовые названия. Что касается малоизвестной многочисленной «деревенской» ойконимии, то в ней карельский языковой вклад хотя и присутствует, но в очень ограниченной мере. Согласно исторической документации, во 2-й половине XIX века в Валдайском уезде насчитывалось около сотни чисто карельских и смешанных карельско-русских деревень во многих волостях и приходах (Зимогорской, Наволоцкой, Новотроицкой, Ивантеевской, Городенской, Бельской, Робежской и др.), в Боровичском уезде, судя по церковным ведомостям, – 34 деревни в Никандровской, Шереховичской, Лыжичской и Рядокской волостях (за 1882 год, см. [19: 588]), в Крестецком уезде – более 30 деревень в приходах села Хубец, села Селищи и Морозовичского погоста, отдельные деревни, где жили карелы, находились на юго-востоке Демянского уезда (Вельевская волость) и в других местах. Однако практически все карельские деревни носят русские названия, причем значительная часть из них упомянута в писцовых книгах XV–XVI веков: Середя, Гагрино, Крестовая, Еремина Гора, Фалёво, Каменка, Лучки и целый ряд других. Ойконимия, следовательно, подчеркивает, что новоприбывшие карелы не разрабатывали новых мест обитания посреди дикого леса, а занимали места бывших деревень – пустоши, урочища, за которыми сохранялись прежние названия, используемые окрестным русскоязычным населением. В 1-й половине XVII века новгородские погосты-округа изобиловали пустошами, ибо Новгородская земля во многих местностях обезлюдела после потрясений Смутного времени начала XVII века. Новоприбывшие карелы часто поселялись на пустовавших частновладельческих землях (монастырских и помещичьих), а в середине XVII века многие из них осели на государственных землях [5: 71]. Реже они подселялись в жилые русскоязычные деревни. Безусловно, карелы сыграли большую положительную роль в возрождении ранее освоенной новгородской территории, а не в освоении прежде безлюдных диких земель, чем, собственно говоря, и объясняется ограниченность карельского вклада в новгородский топонимический ландшафт.

Изредка о карельских селениях, о проживании в местности карел сигнализируют русские составные ойконимы, включающие атрибутив *Карельский* (*Корельский*). Например, южнее города Валдая, в Ивантеевской волости, ранее плотно населенной карелами, были погост *Карельский Наволок*, д. *Карельские Новики* (иначе – *Сухая Ветошь*), топонимически противопоставленная д. *Русские Новики* (СНМНГ: V, 44, 46)⁹, в Степанковской волости Боровичского уезда существовала д. *Карельское* (или *Залужье*) (СНМНГ: VI, 114),

в Звонецкой волости Тихвинского уезда была д. *Карельское Раменье* (СНМНГ: VII, 56) (сегодня – урочище Рамень близ деревни Оксово Любытинского района), в Охонской волости Устюженского уезда была д. *Пестово Карельское*, противопоставленная д. *Пестово Русское* (СНМНГ: III, 70) (на месте последней в 1930-е годы вырос город *Пестово*, районный центр Новгородской области). Данные ойконимы были даны населенным пунктам, где жили карелы, от соседнего русского населения. Сюда же отходят еще названия ручьев *Карельский* и *Карельский* среди притоков Холовы в Крестецком районе [3: 187, 191].

Некоторые русские по происхождению ойконимы могут сигнализировать о былом присутствии карельских переселенцев даже без прямого указания на карельское этническое имя. Деревня *Байнёво*, расположенная на северном берегу озера *Байнево* (*Байневское*) в истоке Шегринки, в паре десятков километров к северу от города Валдай, в средневековое время именовалась д. *Будовна* Ужинского погоста, впервые она отмечена писцовой книгой Деревской пятины 1495/96 года (НПК: I, 354)¹⁰. Современное название известно с XVIII века: д. *Байнева* Валдайского уезда Новотроицкой волости прихода Ужинского Троицкого [18: I, 277, № 2337], (НС, II: 147). Вытеснение средневекового ойконима *Будовна* (деривата от др.-рус. *будовати*, ср. рус. диал. *будовать* ‘строить, возводить’ [4: I, 136], т. е. *Будовна* – ‘построенная’, ‘постройка, жилище’) безусловно произошло после превращения жилого селения в пустошь в конце XVI – начале XVII века, в эпоху, когда запустение новгородских деревень приняло массовый характер. Вместе с тем известно, что в этой местности жили переселенцы-карелы, в частности, источник 1865 года отмечает вблизи Байнёво целиком карельские д. Борисово и д. Новое Сельцо (НС: II, 146, 147), сама же д. Байнево прилегает к небольшому озерку с карельским названием *Шакиа* (СНМНГ: V, 67), ср. карел. твер. *šakša* ‘вешала, приспособление для сушки сетей’ [14: 262]. Есть предположение, что пустошь на месте бывшего селения Будовна была освоена карелами и новообразованная карельская деревня, вопреки обыкновению, не продолжила старое название, а закрепила за собой новое название *Байнёво*, полученное от русскоязычных соседей: *Байнево* произведено от новг. *байня* ‘баня’ и означает ‘банное’. Одновременно сменилось название смежного с деревней озера: на плане Валдайского уезда 1780-х годов озеро подписано *Байнѳвец*, тогда как ранее, в XV–XVI веках, именовалось *Сырь*: «въ озерѣ въ Сыри» (НПК: I, 358), [13: 5, 156, 161]. Похоже, замещение имен деревни и озера было вызвано именно замещением местного русского населения на карельское в XVII–XVIII веках. Дело в том, что карел. *pertti* ‘изба’ и др.-новг. *перть* ‘баня’ фонетически близки (и этимологически едины!), и если русские люди

слышали от карел карельское обозначение избы, они невольно сближали его с издревле известным им словом *перть* ‘баня’. Поэтому когда карелы построили на месте заброшенной д. Будовна свои избы-*pertti*, соседнее русское население могло калькировать обозначение этих изб новгородским диалектизмом *байни*, а самим деревне и озеру присвоить названия *Байнёво*, *Байнёвец*. Подкрепляет данную версию тот факт, что тождественное калькирование обнаружено в ином месте на Валдае, кстати говоря, в пределах этой же Новотроицкой волости, где близ селений Серганиха и Костково находится небольшое озеро, именуемое *Пертичко* (*Пертично*), или, иначе, *Баянное*: первое из данных названий, возможно, карельское, адаптированное на русской почве, а второе – его русский перевод. Более того, в некоторых новгородских источниках карельские избы действительно называют банями, и это, конечно, связано не только с тем, что приземистые избы бедняков-карел походили на бани, но и с собственно лингвистическим моментом.

Лишь очень немногие сельские населенные пункты, где жили карелы, носят названия предположительно или явно карельского происхождения. Так, нельзя исключить, что ойконим *Костково* в северо-западных окрестностях Валдая образовался от карел. *kaski* ‘подсека’, то есть перед нами переименованная на русский лад первоначальная топонимия поселения карел на подсеке – лесной рощисте. Действительно, д. Костково не упоминают средневековые источники XV–XVI веков, первые сведения о ней появляются в XVIII веке (на плане Валдайского уезда 1780-х годов под названием *Касково*, без буквы *т*, см. [18: 3, 90, дача № 311], затем *Косково*, *Коськово* в материалах XIX века), следовательно, возникла она, скорее всего, в XVII веке или в начале XVIII века, то есть примерно тогда, когда появлялись многие другие карельские деревни на Валдае. В прилегающей местности издавна поселилось немало карел: помимо *Костково*, карельскими указывают соседние с ней д. *Лучки* (под этим же названием дана книгой 1495 года (НПК: I, 854)), *Серганиха* (ее нет в книгах XV–XVI веков), *Комово*, возможно, *Усиха* (на месте д. *Усова Гора* 1495 года (НПК: I, 900)). Суффиксальная адаптация карел. *kaski* в форму *Касково* вполне вероятна и столь же вероятна дальнейшая подгонка *Касково* под современный вариант *Костково* законченно русского облика (от *Кост(ь)ко*, старинной народной формы имени *Константин*). Однако уверенно утверждать, что название рассматриваемой д. *Костково* является карельским, мы все же не вправе, поскольку в разных местах Новгородской земли, в том числе и на Валдае, находится несколько других селений, называемых *Костково* (*Костьково*), и все они зафиксированы новгородской письменностью еще в XVI веке.

С большей уверенностью можно видеть карельский субстратный след в названии д. Сюйська Маловишерского района, Бургинское сельское поселение. Ойконим был перенесен на деревню от протекающей рядом речки *Сюйська* (или *Сюська*, по источнику начала XX века (СНМНГ: IV, 40–45)), основой гидронима, оформленной русским относительным суффиксом *-ск-*, стало карел. *süivä* ‘глубокий’ (то есть *Сюйська/Сюська* < **Сювьска(я речка)* ‘глубокая речка’).

К числу явно карельских по происхождению следует отнести названия пары соседних деревень на берегу Мсты: *Вёрхние Тиккулы* (*Вёрхние Тиккули*) и *Нижние Тиккулы* (*Нижние Тиккули*), которые тоже приходятся, как и вышеуказанная д. Сюйська, на Бургинское сельское поселение Маловишерского района. Правда, эти названия сравнительно поздно оказались зафиксированы письменностью: впервые о них становится известно из описания Крестецкого уезда 1866 года, где среди прочих фигурируют д. *Верхние Заболоти* (*Верхние Тиккулы*) и д. *Нижние Заболоти* (*Нижние Тиккулы*) прихода Хубецкой церкви (НС: IV, 118–119). Если ойконим *Заболоти* (по иным источникам – *Зболоти*) русского происхождения (включает корень *болог-* ‘хороший’ с выражением мелиоративной оценки места, местных угодий), то параллельный ему ойконим *Тиккулы* (*Тиккули*) произведен либо от карел. личного имени *Tikku* (гипокористика, подобная рус. *Тима*, *Тимоха*, от календарного *Тимофей*), либо от карел. прозвища *Tikku* (= карел. *tikku*, фин. *tikka* ‘дятел’) при помощи притяжательного суффикса *-la-*, характерного для прибалтийско-финской ойконимии отантропонимного образования. Учитывая, что по берегам Мсты в свое время обосновались многие карельские семьи, данное название могло первоначально указывать на местожительство некоего лица по имени *Tikku* или по прозвищу *Tikku* (во втором случае ойконим по смыслу примерно равен русскому ойкониму *Дятлово*, от прозвища *Дятел*). Более того, имеется интересное свидетельство о том, что в 1635 году на Мсте поселился выходец из Корельского уезда Афон Тимофей Тикку (см. № 2586 в списке карел-переселенцев, согласно [21]), хотя имел ли этот карел *Тикку* прямое отношение к д. *Тиккулы*, неизвестно. Однако о том, что в Верхних Тиккулах и Нижних Тиккулах раньше жили карелы, сообщили жители окрестных селений. Местные русские старожилы этих карел прозывали *пекали*: «Не финское, а... карелы, наверно, да?... Мы их звали пекалӣ. Всё их селение – пекалӣ их звали...» (д. Виниха, записи 2010 года)¹¹.

Ныне уже исчезнувшая д. Лукино Вельевской волости Демянского уезда в начале XX века иначе именовалась д. *Нъвуя* (СНМНГ: II, 24). В деревне несомненно жили карелы, судя по тому, что она была плотно окружена карельскими селениями (Сухая Ветошь, Марково, Овинчице,

Климово, Залужье, Исаково, Лобаново, Малое Замошье и др.), причем именно в этой труднодоступной заболоченной местности между озерами Велье, Шлино и Березай новгородско-валдайские карелы этнически сохранялись наиболее долго. Ойконим *Нъвуя*, похоже, интерпретируется как приоб.-фин. структура с детерминантом: **Neva-oja* ‘болотистый ручей’, ср. карел. ‘вода, водоем’, ‘болото’, фин. *neva* ‘топь, трясина’ и карел., фин. *oja* ‘ручей’ [23: 2, 215, 262].

В редких случаях карелы, поселявшиеся на пустошах, не только усваивали готовое русское название, но и калькировали его. Этот процесс свидетельствуется наличием топообъектов, носящих одновременно русский ойконим и его карельское переложение. Например, урочище *Заполье* в Пирусской волости Боровичского уезда иначе именуется *Перье* (СНМНГ: VI, 104); первое название приравнивается к распространенному диалектному термину *заполье*, означающему обычно ‘дальнее поле’, ‘заднее поле’, а второе возводится к карел. *perä* ‘дальняя сторона’, ‘задняя сторона’.

Самым очевидным маркером присутствия в прошлом карельского этноязыкового элемента на территории Новгородской области является, конечно, местная новгородская микротопонимия – названия незначительных гор, ложбин, рощ, болотистых мест, ручьев, прудов, озер, озерных островов и т. п. Карельские микротопонимы встречаются вокруг бывших карельских селений XIX–XX веков, но в настоящее время находки их редки даже в таких местах: близ каждой такой деревни можно найти в лучшем случае по несколько карелизмов, а преимущественный материал составляют собственно русские микротопонимы. К сожалению, карельская микротопонимия Новгородской области до сих пор никем не собиралась (по крайней мере обширных списков ее я не видел), хотя говор, фольклор, этническое сознание валдайских карел обследовались неоднократно.

Кратко коснусь некоторых общих черт новгородской карельской микротопонимии. Она предстает в значительной мере обрусевшей, оформленной русской суффиксацией. Особенно часто к карельским основам присоединен русский диминутивный суффикс *-ушка*: *Шоккушка* сопка возле бывшей карельской д. Сосницы Крестецкого района, *Шилдушка*, или *Шилда*, *Шильда*, ручей, приток Полоны, левого притока Мсты немного севернее карельской д. Каёво Крестецкого района, *Шилдушки* болото и *Кангушки* болото, оба близ д. Середя Валдайского района, *Ламбушка* озерко близ д. Костково и д. Усиха северо-западнее Валдая. На территории Любытинского района восточнее районного центра отмечены: *Парламбушка* бессточное озерко близ бывшей карельской д. Одрино, *Рандушка* купальня на озере Каменском близ д. Каменка, *Корбушка*

и *Корвушка* – небольшие болотца возле д. Фальково, *Кубулушка* место в лесу и *Койвушка*, или *Койво Горушка*, возвышенность, оба названия близ д. Каменка, и др. Похоже, суффикс *-ушка*, который встречался в центральноновгородских говорах и до прихода карел, стал элементом карело-русского языкового симбиоза: он явно был усвоен самими карелами от русских и стал элементом их говора. На это намекает то обстоятельство, что суффикс *-ушка* приобрел высокую продуктивность на Валдае именно в последние несколько столетий, и рост его продуктивности, надо полагать, напрямую связан с карельским усвоением. Аргументом в пользу карельского усвоения является и то, что в деревнях Каменка и Фальково восточнее пос. Любытино старожилы считают карельскими все микроназвания с суффиксом *-ушка* (*Баринушка*, *Рандушка*, *Кубулушка*, *Пенаушка*, *Копинаушка*, *Горушка*, *Бродумошка* и др.), хотя основы этих названий могут быть не только карельскими, но и генетически русскими. Название исчезнувшей ныне д. *Почерняево*, где раньше жили карелы, окрестным жителям д. Фальково известно во втором варианте *Почернушка*: данный вариант окрестные старожилы указали как карельский, и, надо полагать, его раньше использовали сами местные карелы.

Нетрудно обнаружить также карельские названия, не осложненные русской суффиксацией: *Шалма* пролив на р. Валдайка близ д. Селище неподалеку от Валдая, *Рожма* омут на р. Валдайка, *Лодма* низкое место в Окуловском районе, *Пукиа* маленькая речка в Маловишерском районе (ср. карел. твер. *pukšata* ‘хлопнуть’ [14: 221]), *Бруда* ручей, впадающий в озеро Черное у бывшей карельской д. Каменка Любытинского района (ср. твер. карел. *bruwdu* ‘пруд’¹²) и др.

Изредка встречаются двуосновные карельские микротопонимы, например *Шумто-Вара* горка (к карел. *šitta* ‘кал, помет, навоз’) и *Мада-Ламба* озерко (ср. карел. *madala* ‘мелкий, неглубокий’) возле д. Костково Валдайского района. Чаше отмечаются полукальки, фиксирующие более продвинутый этап обрусения, как правило с русскими терминами *гóra*, *ручей* (*руч*), *болóто*, *ро́ща*: *Чаера-Гора* близ д. Костково, *Мада-Болото* возле

д. Гагрино, *Кив-Руч* у д. Селище (все три деревни Валдайского района), *Матка-Ручей* близ д. Ватагино, *Тамме-Ручей*, *Ленне-Ручей*, *Шаве-Ручей*, *Хаба-Ручей* близ д. Сосницы (в Маловишерском районе), *Габо-Ро́ща*, *Гумо-Ро́ща* мыс и остров на озере Городно возле бывшей карельской д. Ерзовка Хвойнинского района, возможно, сюда же *Муморша* лес возле д. Гагрино Валдайского района (если из **Муммо-Ро́ща*, ср. карел. твер. *tumto* ‘корова’ [14: 166]) и др.

Наверняка карельскому языковому фактору обязано закрепление в современных новгородских говорах акцентологических диалектизмов *гóra* и *ручей*. Первый из них локально распространен среди отдельных центральных новгородских говоров (мне приходилось слышать: «деревня стоит на *гóре*», в частности, в Хвойнинском районе), второй – *ручей* – получил широкое общеновгородское распространение.

Локусы, поименованные карельскими микротопонимами, нередко овеяны местными народными легендами о нечистых местах, старинных захоронениях и др. Например, в д. Сосницы студентке НовГУ, выполнявшей там диалектологическую практику, рассказали следующее:

Сопка есть между Сосницами и Любцами, Шокушкой ее называют. Туда как-то приезжали, копали песок, но потом одному из тех людей сон приснился, в котором сказали: «Не троньте наши кости» и они прекратили рыть;

или:

Недалеко от Булково, там, где ручьи пересохшие (Леппе, Тамме, Хаба), а сейчас покосы, там камень был большой, а на камне отпечаток ладони и ступни. Камни и валуны крупные в реке были, а теперь снесло. Четверо ребятишек помещались. Тетка Лена там русалку видела: с камня нырнула, на другой берег и в кусты прошуршала. Да и много кто рассказывал, что их видел. Говорили, что в ямах в реке русалки, и что в Шушарах выходили они на берег волосы чесать (2015 год).

В заключение отмечу, что для более полноценных выводов необходимо целенаправленное собирание карельской топонимии на территории Новгородской области. Географические названия еще очень немногое «рассказали» нам о новгородской истории карельского народа и языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этнографическая карта Европейской России, составленная Петром Кеппеном. 3-е изд. СПб., 1855.

² Новгородский сборник / Под ред. Н. Богословского. Вып. II. Новгород: В тип. Сухова и Классона, 1865 (в работе сокращение НС: II).

³ Впрочем, нужно учитывать одно обстоятельство, на которое, по-моему, мало обращают внимание. Старорусский уезд в 1-й половине XIX века (до 1856 года) являлся территорией военных поселений, поэтому сведения о составе населения данного уезда, исходя из военной целесообразности, вряд ли предназначались для широкой огласки и, возможно, не были предоставлены Кеппену для создания этнографической карты. Кстати говоря, создание округов пахотных солдат само по себе могло стать одной из причин ускоренной русификации местных карел.

⁴ Новгородский сборник / Под ред. Н. Богословского. Вып. IV. Новгород: В тип. Сухова и Классона, 1866 (в работе сокращение НС: IV).

⁵ Источник сообщает, что в д. Лукиншина, помимо «корелян», в середине XVII века подселили также «поляков», под которыми следует разуметь белорусов – выходцев из-за польско-русского рубежа (из Речи Посполитой) [7: 307].

⁶ Ср. старое самоназвание ижорцев – *каръялайн* (*karjalain*), *каръяла* (*karjala*) [1: 117].

⁷ Григоров погост, скорее всего, случайная описка писца, следовало писать: Тудоров погост.

- ⁸ *Кареляк/кареляки* как вариантный карельский этноним – не что иное, как народно-диалектное новгородско-тверское образование от средневекового *карелянин* с замещением суффикса *-ан-, -ин-* на *-ак-*; ср. этнонимы *поляк, словак*, образованные от ранних форм *pol'aniŋ, sloveniŋ* по этой же модели. Этноним *кареляк* в новгородских источниках ранее XVIII века не известен. См. еще новг. *карелячѣха* 'карелка', Пестовский район [12: 432].
- ⁹ Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Вып. I–VII. Новгород: Новгородская губ. тип., 1907–1912 (в работе сокращение СНМНГ).
- ¹⁰ Новгородские писцовые книги, изд. Археографическою комиссиею. Т. I–VI. СПб.: Тип. Безобразова и комп., 1859–1910 (в работе сокращение НПК).
- ¹¹ К новг. диал. *пикаль, пекаль* 'бабочка, мотылек', 'насекомое, похожее на овода', 'комар' и др. [12: 817].
- ¹² Карел. *bruwdu*, в свою очередь, является заимствованием рус. *пруд* [9: 75].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 424 с.
2. Бландов А. А. «Нас всё карелякам звали, а мы карельского языка не знаем...»: субэтническая группа валдайских карел в XX и начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2014. № 4. С. 78–83.
3. Васильев В. Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: Свод названий и анализ микросистем. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2017. 344 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1998.
5. Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1956. 79 с.
6. Журавлев А. Ф. Эволюции смыслов. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2016. 472 с.
7. Ильменское Поозерье и смежные территории в конце XV–XVII вв. / Подгот. публ. И. Ю. Анкудинов. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 456 с.
8. Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / Пер. с финск. Л. В. Суни. Петрозаводск, 1998. 277 с.
9. Кузьмин Д. В. Географические термины русского происхождения в топонимии и диалектной лексике карельского ареала Тверской области // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 69–83.
10. Лебедев К. Город Валдай и его уезд. Опыт родниоведения. Холм: Тип. Н. И. Павлова, 1913. 31 с.
11. Мызников С. А. О некоторых особенностях карельского воздействия на русские говоры Новгородской области // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире. I. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2010. С. 165–173.
12. Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. XXVII, 1435 с.
13. Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 5. М.: Древлехранилище, 2004. 512 с.
14. Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
15. Пунжина А. В. Слушаю карельский говор: Образцы речи дёржанских и валдайских карел. Петрозаводск: Периодика, 2001. 206 с.
16. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–5. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995–2004.
17. Фишман О. М. Тихвинские карелы старообрядцы: методология и результаты комплексного изучения феномена локальной этноконфессиональной группы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 49 с.
18. Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 1–3. М.; СПб., 2008.
19. Шварёв Н. М. Карелы Боровичского уезда Новгородской губернии в конце XIX – начале XX века и ранее // Вопросы уральстики 2014: Научный альманах / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор История, 2014. С. 557–612.
20. Якушкин П. И. Сочинения. М.: Современник, 1986. 591 с.
21. Muutto Käkisalmen läänistä ja Inkerinmaalta Venäjälle 1600-luvulla. Available at: www.tverinkarjala.fi/muuttoluettelot.html (accessed 12.05.2018).
22. Palmeos P. Karjala valdai murrak. Tallinn, 1962. 226 s.
23. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
24. Virtaranta P. Juho Kujola karjalan ja lyydin tutkija. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. 266). Helsinki, 1960. 189 s.

Vasilyev V. L., Novgorod State University (V. Novgorod, Russian Federation)

INFLUENCE OF THE 17TH CENTURY KARELIAN SETTLERS' LANGUAGE ON THE NOVGOROD REGION'S TOPONYMY

The first part of the article briefly examines the history of the Karelian population russification within the Novgorod region. The second, larger and more informative, part of the article explores how the Karelian language component has been reflected in Novgorod onomastics, especially in its toponymy. Today, Karelian geographical names can only be found in those parts of the Novgorod region, where the Karelians have existed as a separate ethnic group in the 20th century (the suburbs of such localities as Valdai, Borovichi, Okulovka, Lyubytino, Demansk, Krestey, and some villages along the middle flow of the Msta River). In such places, there are also folk legends about the Karelians' arrival and some reminiscences of their lives. Such ethnonyms as *Karel*, *Korel* or *Korelyak* are often used as collective nicknames of a certain village inhabitants and sometimes become the denominations of people who talk unclearly or with some dialectal peculiarities. The Karelians who have settled among the Russian population of the Novgorod Land usually borrowed Russian toponyms in their finished form, so, very few names of Novgorod villages have Karelian origins. The article offers a detailed analysis of the presumably or evidently Karelian village names: *Костково* (< *Касково*), *Тиккулы*, *Суйська*, *Нъвуя*, *Перье*. Genetically Russian names of the villages sometimes also indicate the former presence of the Karelians:

Карельские Нови́ки, Карельское Раменье, Пестово Карельское, etc. (with the attribute *Карельский, -ая, -ое*, which means “Karelian”), *Байнёво* (through translation of Karelian word *pertti*, which means “hut”, as a Novgorodian dialectal word *байня*, which means “bath-house”). The Karelian language contribution is best reflected by Novgorod regional names of small landscape objects near the villages (so-called “microtoponymy”). The article deals with different types of Karelian microtoponyms: 1) with a Russian suffix *-уик-* (*Шилдуи́ка, Кангуи́ки, Ламбуи́ка*, etc.); 2) without Russian suffixes (*Шалма, Лодма, Рожма, Ша́киа, Бруда*, etc.); 3) with two stems (*Шитто-Вара, Мада-Ламба, Тамме-Ручей, Габо-Ро́ца*, etc.). Karelian microtoponyms are often associated with local folk legends about magical places, ancient graves, etc.

Key words: Karelians, assimilation, ethnoses, Novgorod region, toponyms, ethnonyms, dialectal vocabulary

REFERENCES

1. Ageeva R. A. What tribe do we belong to? Peoples of Russia: names and destiny. Reference dictionary. Moscow, Academia Publ., 2000. 424 p. (In Russ.)
2. Blandov A. A. “We were always called Koreljaks, but we don’t know the Karelian language...”: subethnic group of the Valdai Karelians in the 20th and the Early 21st Centuries. *Finno-Ugric World*. 2014. No 4. P. 78–83. (In Russ.)
3. Vasilyev V. L. Hydronymy of the Msta River basin: collection of names and the microsystems analysis. Moscow, Izdatel’skiy Dom YaSK Publ., 2017. 344 p. (In Russ.)
4. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living great Russian language. Vol. 1–4. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1998. (In Russ.)
5. Zherbin A. S. Resettlement of the Karelians in Russia in the 17th century. Petrozavodsk, Gosizdat KFSSR Publ., 1956. 79 p. (In Russ.)
6. Zhuravljov A. F. Evolution of meanings. Moscow, Izdatel’skiy Dom YaSK Publ., 2016. 472 p. (In Russ.)
7. Ilmenskoye Poozerye and adjacent territories between the late 15th and the 17th centuries. Publ. by I. J. Ankudinov. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2014. 456 p. (In Russ.)
8. Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H. History of the Karelian people. Transl. from Fin. by L. Suni. Petrozavodsk, 1998. 277 p. (In Russ.)
9. Kuz’min D. V. Geographical terms of Russian origin in the toponymy and dialectal vocabulary of the Karelian habitats in the Tver region. *Problems of Onomastics*. 2015. No 1 (18). P. 69–83. (In Russ.)
10. Lebedev K. Valday town and its county. Homeland study experience. Holm, Tip. N. I. Pavlova Publ., 1913. 31 p. (In Russ.)
11. Myznikov S. A. Some features of Karelian impact on Russian dialects of the Novgorod region. *Humaniora: Lingua Russica. Works of Russian and Slavic Philology. Linguistics XIII. Development and Variability of Language in the Modern World. I*. Tartu, Tartuskiy universitet Publ., 2010. P. 165–173. (In Russ.)
12. Novgorod regional dictionary. Edition prepared by A. N. Levichkin and S. A. Myznikov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. XXVII, 1435 p. (In Russ.)
13. Cadastral books of the Novgorod land. Compiled by K. V. Baranov. Vol. 4. Moscow, Drevlekhramilishche Publ., 2004. 512 p. (In Russ.)
14. Punzhina A. V. Dictionary of the Karelian language (Tver Dialects). Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1994. 396 p. (In Russ.)
15. Punzhina A. V. Listening to the Karelian dialect: speech Samples of Dyorzha and Valdai Karelians. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. 206 p. (In Russ.)
16. Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas. Ed. A. S. Gerd. Vols. 1–5. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet Publ., 1995–2004. (In Russ.)
17. Fishman O. M. Old Believers among the Tihvin Karelians: methodology and results of a comprehensive study of local ethno-confessional group phenomenon. Abstract of Diss. Doctor of Historical Sciences. St. Petersburg, 2011. 49 p. (In Russ.)
18. Frolov A. A., Piotuh N. V. Historical atlas of the Derevskaya Pyatina of the Novgorod Land (According to the 1495–1496 cadastral books). Vols 1–3. Moscow, St. Petersburg, 2008. (In Russ.)
19. Shvarjov N. M. Karelians of Borovichi County of the Novgorod Province in the late 19th and the early 20th centuries and earlier. *Problems of Uralistica 2014. Scientific Almanac*. St. Petersburg, Nestor Istoriya Publ., 2014. P. 557–612. (In Russ.)
20. Yakushkin P. I. Writings. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 591 p. (In Russ.)
21. Muutto Käkisalmen läänistä ja Inkerinmaalta Venäjälle 1600-luvulla. Available at: www.tverinkarjala.fi/muuttoluettelot.html (accessed 12.05.2018).
22. Palmeos P. Karjala valdai murrak. Tallinn, 1962. 226 s.
23. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
24. Virtanta P. Juho Kujola karjalan ja lyydin tutkija. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. 266). Helsinki, 1960. 189 s.

Поступила в редакцию 05.04.2018

ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА ШЕСТАКОВА

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)
lara.shestakova@mail.ru

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА ЯКОВЛЕВА

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник факультета политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
afyakovleva@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРМИН В ПЕРСПЕКТИВЕ ОБЩЕЯЗЫКОВОГО СЛОВАРЯ*

На примере термина *актор* рассматривается проблема отражения актуальной политической лексики в общеязыковом словаре. Этот термин в значении 'субъект политики' (индивид, партия, класс, государство) был введен в оборот на русском языке в начале 1990-х годов. Такая трактовка термина получила отражение и развитие в научных трудах, учебных пособиях, политологических словарях. В настоящее время *актор* (*политический актер*) рассматривается в политологии как наиболее точное обозначение участника политического процесса, способного активно влиять на ход его развития. Научная значимость термина обусловила его общую актуализацию, что нашло выражение в росте частоты его употребления за пределами узкоспециальных текстов. Это наглядно демонстрируют материалы Национального корпуса русского языка, фиксирующие употребление слова не только в публикациях специального содержания, но и в текстах, рассчитанных на широкого читателя (в журнальных, газетных статьях). Анализ корпусных материалов показывает, что в этих источниках значение термина *актор* в целом адекватно его политологическому пониманию. Слово часто выступает в сочетаниях с прилагательными разной семантики, в основном определяющими степень значимости политического актора (*международный, мировой, ведущий, влиятельный актер*). Признаком общеязыкового освоения термина является использование его в контекстах с эмоционально-экспрессивной окраской. При этом слово остается фактически за пределами современных словарей русского языка, в том числе толковых. В данной работе предлагается вариант описания слова *актор* как политического термина в толковом словаре большого объема. Словарная статья содержит акцентологическую информацию о слове (в заголовке проставлено ударение), краткую грамматическую информацию, указание на сферу применения слова (в виде пометы *Полит.*), толкование, иллюстрации в виде речений и цитат.

Ключевые слова: политический термин, актер, Национальный корпус русского языка, общеязыковой словарь, словарная статья, толкование, помета

Динамизм современного политического процесса обуславливает актуализацию единиц соответствующего дискурса. К таким единицам относится, полагаем, термин *актор*. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹, с начала 2000-х годов слово обнаруживает рост частоты употребления за пределами узкоспециальных текстов. Это ставит вопрос о возможности фиксации термина в общеязыковых словарях.

Следует отметить, что слово *актор* (лат. *āctor* – действующий; исполнитель) принадлежит к числу многозначных терминов, соотносится не только с политологией, но и с социологией, экономикой, правом, историей, информатикой, лингвистикой, а также, например, с нарратологией (в рамках литературы постмодернизма); термин употребляется и в связи со сферой религии. Однако, как показывают наблюдения, сделанные

на материале НКРЯ и других источников, актуализация слова в русском языке связана в первую очередь с политической проблематикой, поэтому мы сосредоточимся на этом компоненте в семантике термина.

Как политический термин слово *актор* оформилось в рамках англо-американской традиции. Введение термина в оборот на русском языке с объяснением его содержания обычно связывают с работой [5], посвященной соотношению понятий «власть» и «политика». Здесь *актор* понимается как «субъект политики»; авторы статьи также уточняют, что «акторы – не только индивиды, но и различные группы людей – партии, классы, государства» [5: 153].

Такая трактовка термина *актор* получила отражение и развитие в научных трудах, учебных пособиях (см.: [1], [2], [4], [7], [8], [9] и др.). Одним

из принципиально важных моментов является в них отграничение этого термина от других, сходных по содержанию. Например, О. Н. Холдоров, разбирая категории «актор», «субъект», «участник» и «агент», приходит к выводу, что термин *актор* является наиболее подходящим для обозначения действующих лиц политического процесса, а «признаками актора являются способность формировать политический процесс, автономность воли при принятии решений и влияние на систему» [8: 129].

В политологических словарях термин *актор* описывается с разной степенью полноты, с акцентами на разных его сторонах. См., например, определения термина в нескольких словарях, представленных на сайте «Национальная политическая энциклопедия»²:

Актор – субъект политики³;

Актор (лат. *astor* – деятель) – индивид, общественная группа, институт или другой субъект, осуществляющий конкретные действия; сторона, участвующая в конфликте⁴;

Актор (лат. *astor* деятель) – субъект конкретного политического процесса. В рамках ролевых концепций политические явления и процессы трактуются как результат реализации различных ролевых предписаний А⁵.

Следует сказать, что в политологических источниках фигурируют как термин *актор*, так и терминосочетание *политический актер*, атрибутивный компонент которого непосредственно соотносит базовый термин со сферой политики. См., например, объяснение, в котором узкое определение сочетания *политический актер* («политический актер – лицо...») дополняется уточнениями о типах таких акторов:

Политический актер – лицо или общественная группа, воздействующая на процесс принятия и осуществления решений в данной политической системе. В политике субъект действия, как в театре, «играет роль». Хотя исполнителями действия являются только люди, в политическом анализе способностью к исполнению действия часто наделяются корпоративные субъекты, такие как государства. Описывать, анализировать, объяснять и прогнозировать политическое поведение действующих лиц (актеров) можно применительно к политическим системам на всех уровнях: местном, государственном, национальном и международном, а также применительно к различным типам самих действующих лиц, таким, например, как государство или какое-либо из высших должностных лиц, в чью компетенцию входит принятие важных государственных решений, или национальный парламент, или административный орган [4: 497].

Обратимся далее к анализу отобранного нами материала, с тем чтобы выявить, как термин *актор* реализует себя за пределами узкоспециальных текстов. Основу материала составили примеры из НКРЯ, в котором термин фиксируется с 2002 года.

Важно отметить то, что слово представлено не только в основном корпусе НКРЯ, но и в газетном, и в устном корпусах, а также в параллельном. В основном корпусе найдено 44 документа, 173 вхождения (3 документа, 3 вхождения относятся к слову *актёр*, 1 документ, 2 вхожде-

ния – к мифологическому имени собственному *Актор*); в газетном – 25 документов, 30 вхождений; в устном – 1 документ, 1 вхождение⁶; в параллельном – 30 документов, 70 вхождений (здесь, однако, только 1 документ, 5 вхождений относятся к слову *актор*, остальные соотносятся со словом *актёр*). В общей сложности получается 67 документов, 204 вхождения. Сразу отметим, что большая часть вхождений в основном корпусе – это употребления термина в «специализированных» документах (монографиях, а также журналах «Общественные науки и современность», «Неприкосновенный запас» и др.). Что касается интересующих нас «документов», ориентированных на широкого читателя, – это статьи, принадлежащие журналистам, публицистам, специалистам в области общественных наук, опубликованные в журналах «Эксперт», «Огонек» и др., в газетах «Известия», «Комсомольская правда» и др., а также материалы новостных агентств. В цитатах, кроме политического значения слова *актор*, выявляются и другие (ср.: *социальный актер*, *экономический актер*, *актеры образования*), однако таких примеров меньше.

Примечательно, что сами названия публикаций нередко прямо говорят об их политической тематике, поэтому в них мотивировано присутствие термина *актор* в соответствующем значении (здесь и далее примеры оформлены по правилам НКРЯ): Павел Андреев. Тема нового мирового порядка доминирует в Давосе // РИА Новости, 2008.01.25; Елена Васильева. Разработаны основные сценарии смены муниципальных элит в РФ // Новый регион 2, 2008.07.07; Модернизация демократии // Известия, 2010.09.09; Сергей Марков. Геополитика постучалась в двери российских западников // Известия, 2014.04.28.

Семантический анализ случаев употребления политического термина *актор* в неспециальных текстах указывает на использование его в значении, адекватном приводившимся выше специальным значениям: «участник политического процесса (лицо, общественная группа, институт и т. п.), активно влияющий на ход его развития». См., например:

На обыденном уровне общественности Приднестровья трудно понять, почему у мировых *актеров* такая разная логика поведения. [«Приднестровье: взгляд с двух берегов» – доклад председателя Верховного Совета ПМР стал доступным виртуально // Новый регион 2, 2006.05.25];

Просматривается минимум три стратегии, которые вполне коррелируют со стратегиями всех иных *актеров* муниципальных выборов. [Елена Васильева. Разработаны основные сценарии смены муниципальных элит в РФ // Новый регион 2, 2008.07.07];

Именно этот принцип и делает политическую систему демократичной: он возвышает членов общества до положения граждан; делает их не только «акционерами», но и совладельцами политического целого; не только бенефициарами, но и *актерами*, ответственными за создание и справедливое распределение богатства и благ. [Модернизация демократии // Известия, 2010.09.09];

Могерини сказала чистую правду: открытый конфликт на Украине, принятие взаимных санкций и ряд других недружественных шагов перевели политические отношения между *акторами* в разряд враждебных. [Геворг Мирзяян. Работа над ошибками займет время // «Эксперт», 2014];

Провальная попытка Саудовской Аравии сыграть роль региональной сверхдержавы и навести порядок в соседнем Йемене только подтвердила, что *акторов*, способных остановить деструкцию в этой части мира, нет. [Федор Лукьянов. Стабильность ради выживания // «Огонек», 2015] и т. д.

Корпус примеров выявляет употребление термина *актор* во многих случаях в составе атрибутивных сочетаний. Среди них отмечается характерное сочетание с прилагательным *политический*:

Конечно, российский президент представляет для бюрократии и олигархии определенную угрозу, но исторический опыт показывает, что иметь дело с одним *политическим актором* всегда проще, чем со сложной их структурой, составленной из множества игроков. [Иван Преображенский. Доклад для своих (2003) // «ПОЛИТКОМ. РУ», 2003.05.28].

В качестве других атрибутов выступают различные прилагательные, конкретизирующие типы актора в политике, определяющие степень его значимости, весомости в политическом процессе: *актор международный, мировой, внешний, региональный; главный, основной, ведущий, влиятельный, важный, крупный* и т. п. (прилагательные второго ряда несут в себе идею не просто главенства, но прямого воздействия актора на процесс принятия политических решений). Проиллюстрируем сказанное примерами:

Резолюция 1244 была нарушена уже летом прошлого года, когда Черногория не просто с молчаливого согласия, а с активной подачи некоторых *международных акторов* вышла из Союзной Югославии, которая, тем самым, перестала существовать. [Косово, далее со всеми остановками? // РИА Новости, 2007.02.12];

«И в речи Медведева, на мой взгляд, как раз имеет место эта тенденция: эгоизм одного *мирового актора* противопоставляется другим игрокам – этот эгоизм нарушает права других участников этой глобальной конкуренции», – добавил эксперт. [Павел Захаров. Россия спасет мир // РБК Daily, 2008.06.07];

«...» военно-политическое руководство объединенной Европы намерено активно использовать геополитические изменения в мире, и на Евразийском континенте, чтобы закрепить за ЕС статус *главного актора* в конструируемой системе как европейской, так и евроазиатской безопасности. [Павел Быков, Валерий Максимов. От реверансов толку мало // «Эксперт», 2014];

Сегодня Россия – единственная из всех представленных на Ближнем Востоке внешних держав, у которой хорошие или же просто рабочие отношения со всеми *региональными акторами*: Ираном, Турцией, Саудовской Аравией, Израилем. [Геворг Мирзяян. Иранские сказки // «Эксперт», 2014].

Ср. также в словах известного политика сочетание *не государственные акторы* и *новые акторы*; во втором случае просматривается идея сменяемости, обновления политических акторов:

«Новая система мироустройства – система *не государственных акторов*. Государства – заложники прошлого, а у *новых акторов* – прошлого нет», – отметил

Перес. [Павел Андреев. Тема нового мирового порядка доминирует в Давосе // РИА Новости, 2008.01.25].

В некоторых случаях термин имеет два характеризующих определения:

Комментируя высказанные позиции по данному вопросу, я выразил свое видение развития ситуации, которое, на мой взгляд, скорее всего, будет преобладающим в поведении как самих государств Центральной Азии, так и таких *внешних крупных акторов* в этом регионе, как США, Россия, Китай. [Андраник Мигранян. Надо ли США уходить из Афганистана? // Известия, 2013.02.13];

Россия должна быть не за популярность своего лидера, а за то, чтобы маленькое государство не стравливалось нас с *ведущими мировыми акторами*, не провоцировало конфликты на наших южных рубежах. [Политика Кремля на Кавказе – «трусливая брутальность» // Новый регион 2, 2007.08.10].

В меньшей степени представленные субстантивные сочетания, как правило, созвучны с атрибутивными: *политический актор – актор политического процесса, актор политической повседневности; мировой актор – актор мировой политики; международный актор – актор международных отношений, актор международной деятельности*.

Термин *актор* в политическом значении проявляет себя словообразовательно. Производное прилагательное *акторный* (*акторный подход в международных отношениях, акторный уровень политического пространства*), образованное от него существительное *акторность* (*соответствовать критериям акторности*) представлены преимущественно в специальных текстах и пока не фиксируются НКРЯ. Сложносоставное существительное *вето-актор* в Корпусе представлено, но в тексте специальной тематики.

Обращает на себя внимание употребление термина в контекстах с шутильной окраской, что говорит о возможности освоения его эмоционально-экспрессивной сферой языка. См., к примеру, фрагмент из «Святочного рассказа» известного журналиста М. Соколова:

Политологу разъяснили, что это ему блазнит один из основных *акторов* публичной дестабилизации тандема Геннадий Андреевич, эксперт воскликнул: «Чур меня!» [Максим Соколов // Известия, 2010.01.15].

Здесь шутиливость возникает из сочетания актуальных книжных слов (*политолог, актор, дестабилизация, эксперт*) с семантически далекими от них устаревшими единицами – глаголом *блазнить* ('казаться, мерещиться') и выражением *чур меня* ('возглас, означающий запрет касаться чего-л., совершать какое-л. действие (в заклинаниях против нечистой силы, в играх и т. п.)').

Другой пример мы нашли в статье М. Рогожникова «Явь простого человека», опубликованной в этом году в журнале «Эксперт» (2018.04.23). Вначале автор приводит цитату из работы американского социолога, политолога, историка Ч. Тилли, а вслед за ней – свою экспрессивно выраженную реакцию на нее:

Но что все-таки привлекает: «Создание коалиций между сегментами правящего класса и не участвующими в активной политике *политическими акторами*».

Так это же мы и есть, такие *акторы*. А где те сегменты класса правящего?

Рассмотренный материал демонстрирует, полагаем, актуализацию, распространение политического термина *актор* за пределами специальной сферы употребления, обретение им статуса социально значимого термина, что, очевидно, должно находить отражение в современных общезыковых словарях. Обращение к словарям такого рода, включая новейшие издания, показывает, что слово отсутствует в больших толковых словарях⁷, не включено в «Русский орфографический словарь», имеющий максимальный по объему словарями иностранных слов ([3], [6] и др.)⁸. Попытку лексикографического описания термина *актор* с цитатами из НКРЯ находим в Викисловаре; области применения термина (с помощью словарных помет) здесь не указываются:

актор <...>

1. значимый субъект, играющий заметную роль в том или ином процессе, в тех или иных условиях. [цитата]

2. влиятельное, заметное лицо, играющее контролируемую роль в том или ином социальном процессе. [цитаты]

Еще один опыт словарного описания термина *актор* представлен на странице «Русский язык как государственный» сайта СПбГУ (проект [president@ru.ru](http://president.ru.ru))¹⁰. Соответствующая словарная статья выполнена по правилам общезыковой толковой лексикографии: содержит грамматическую, стилистическую (в виде помет), семантическую информацию о слове, сведения о его происхождении и иллюстрации. Однако это, скорее, фрагмент не общезыкового словаря, а специального, ориентированного на определенный стиль речи: в рамках указанного проекта термин *актор* помещен в лексический корпус под названием: «Слова, которые активно используются в официально-деловом стиле русской речи». Хотя включение в этот корпус термина *актор* (как и некоторых других слов) вызывает вопросы, для целей нашей работы данный пример словарного описания термина интересен.

Из значений слова, соотносящихся с разными сферами знания, в статье выделены: политическое, социальное (даны в одном значении), экономическое, лингвистическое и относящееся к информатике; все они сопровождаются соответствующими пометами. Понимая в целом стратегию описания слова *актор*, мы отметили бы небеспорность выбора сфер, отраженных в словарной статье (особенно, имея в виду привязку к официально-деловому стилю речи), и, главное, объединения в одном значении политического и социального

компонентов (целесообразность их разделения видна и в том, как они сформулированы):

актор <...>

1. вин. актора и актор. *Полит., Соц.* Субъект политики (индивид, общественная группа, институт и т. п.); социальный субъект социокультурной практики.

Целеполагающий актор. Транснациональные акторы. Социальная сеть состоит из акторов и отношений между ними. Акторы политического процесса в регионах. Европейский союз как целостный актор. Печатные СМИ становятся важным актором в процессе реформирования общества. Характеристика государства как актора. Определение теорий международных отношений через акторов. Искусство – актор культурных универсалий. <...>

Если ориентироваться на объемный по словнику общезыковой толковый словарь, адекватный сути политического термина *актор* могло бы стать представление его как самостоятельной словарной статьи или как отдельного значения – в том случае, если будет обоснована необходимость включения в статью такого словаря других значений термина (например, социального и экономического).

Приведем далее возможный вариант описания слова *актор* как политического термина в толковом словаре большого объема:

АКТОР, -а, м. *Полит.* Участник политического процесса (лицо, общественная группа, институт и т. п.), активно влияющий на ход его развития. *Политический актор. Мировой актор. Региональный актор. Влиятельный актор внешней политики. Актор международных отношений. Государство как актор.* □ *Признаками актора являются способность формировать политический процесс, автономность воли при принятии решений и влияние на систему.* О. Холдоров. Соотношение категорий «актор» и «субъект», «участник», «агент» в политической теории. *Просматривается минимум три стратегии, которые вполне коррелируют со стратегиями --- акторов муниципальных выборов.* Е. Васильева. Разработаны основные сценарии смены муниципальных элит в РФ. *Какими бы всесильными ни казались современные российские политики и чиновники, они не являются единственными акторами, определяющими судьбы России.* Е. Белокурова, Д. Воробьев. Общественное участие на локальном уровне в современной России.

В заключение отметим, что динамические процессы в современном языке видны и по целым лексическим пластам, и по отдельным словам, в том числе терминологического характера. Актуализация каждого такого слова ставит вопрос о включении его в общезыковые словари. Этот вопрос может быть решен с учетом разных факторов и с привлечением разнообразных данных, особенно отражающих функционирование слова за пределами специальных текстов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09063 офи-м.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 03.05.2018).

² Национальная политическая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politike.ru/> (дата обращения 18.05.2018).

³ Краткий глоссарий политологических терминов проекта ПИМР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politike.ru/slovari/kratkii-glossarii-politologicheskikh-terminov-proekta-pimr.html> (дата обращения 22.05.2018).

⁴ Новые термины на русском языке. Глоссарий конфликтологических терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politike.ru/slovari/slovar288.html> (дата обращения 20.05.2018).

- ⁵ Политология: Словарь-справочник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politike.ru/slovari/politologija-slovar-spravochnik.html> (дата обращения 24.05.2018).
- ⁶ Один пример в устном корпусе, включающий сочетание *экономические акторы*, может быть дополнен зафиксированными нами высказываниями с использованием термина *актор* в политическом значении, которые прозвучали на телевизионных ток-шоу. Например: «Европа перестает быть *актором*...» (из выступления политолога А. Сидорова на ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», канал «Россия», 17 июня 2018 г.).
- ⁷ Имеем в виду, например: Большой академический словарь русского языка. Т. 1: А–Бишь. М.: СПб.: Наука, 2004. 661 с.; Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. и сост. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. 1536 с.
- ⁸ Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 896 с.
- ⁹ В то же время, заметим, словари иностранных слов середины XIX – начала XX века описывали термин в его правовом значении. См., например, соответствующую словарную статью в словаре «30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней» А. Д. Михельсона (1866) и в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» под редакцией А. Н. Чудинова (1910): АКТОР, *лат. actor, от agere, действовать*. а) В римском праве, истец. б) В некоторых германских государствах: поверенный в суде от лица, сословия. АКТОР (лат. actor, от agere – действовать). 1) в римском праве: истец, подающий на кого-нибудь прошение. 2) в некоторых германских законодательствах – поверенный в суде от юридического лица, сословия. В этих словарях содержалась также статья к производному слову *акториум* ‘полномочие, данное актору, т. е. истцу’. В первом томе «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1890) слово *актор* давалось с отсылкой к статье *Истец*.
- ¹⁰ Русский язык как государственный [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/words> (дата обращения 01.06.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенова О. В. Изменение роли политического субъекта: агент или актор? (на примере экополитической сферы) // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / Отв. ред. А. Ю. Сунгуров. М., 2008. С. 181–193.
- Дегтярев А. А. Основы политической теории: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1998. 239 с.
- Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1040 с.
- Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В. Политология: Учебник. М.: Юрист, 2001. 512 с.
- Коваль Б. И., Ильин М. В. Власть versus политика // Полис. 1991. № 5. С. 152–163.
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
- Мельвил А. Ю. Категории политической науки. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 656 с.
- Холдоров О. Н. Соотношение категорий «актор» и «субъект», «участник», «агент» в политической теории // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 4 (55). С. 128–133.
- Цыганков П. А. Международные отношения: Учеб. пособие. М.: Новая школа, 1996. 320 с.

Shestakova L. L., V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russian Federation)
Yakovleva A. F., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

MODERN POLITICAL TERM AS A POTENTIAL ENTRY OF A COMMON LANGUAGE DICTIONARY*

The problem of reflecting modern political vocabulary in a common language dictionary is considered on the example of the term *actor*. This term meaning subject of politics was put into use in Russia in the early 1990s. This interpretation of the term was reflected and developed in scientific works, textbooks and political dictionaries. At present, an actor is viewed in political science as the most accurate designation of a participant in a political process that can actively influence the course of its development. The scientific significance of the term determined its general actualization, which was expressed by the increase of its usage frequency outside specialized texts. This is clearly demonstrated in the materials of the Russian National Corpus. The analysis of these materials shows that in these texts the meaning of the term *actor* is generally adequate to its understanding in political science. The word often appears in combination with adjectives of different semantics, mainly determining the degree of political actor significance. The use of this term in emotionally colored contexts is a sign of its absorption by general language. At the same time, the word is still outside the modern dictionaries of the Russian language, including the explanatory ones. In this paper, we propose a variant of describing the word *actor* as a political term in a large volume explanatory dictionary. The dictionary entry contains accentological information about the word, brief grammatical information, stylistic marker (label *Polit.*), interpretation and examples of usage.

Key words: political term, actor, the Russian National Corpus, common language dictionary, dictionary entry, definition, label

* The research is sponsored by Russian Foundation for Basic Research as part of the interdisciplinary basic research project No 17-29-09063 ofi-m.

REFERENCES

- Aksenova O. V. Changing role of a political subject: an agent or an actor? (on the example of the ecopolitical sphere). *Public space, civil society and power: development and interaction*. A. Y. Sungurov (ed.). Moscow, 2008. P. 181–193. (In Russ.)
- Degtyarev A. A. Fundamentals of political theory. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1998. 239 p. (In Russ.)
- Zakharenko E. N., Komarova L. N., Nechaeva I. V. New dictionary of foreign words. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1040 p. (In Russ.)
- Irkhin Yu. V., Zotov V. D., Zotova L. V. Political science: textbook. Moscow, Yurist Publ., 2001. 512 p. (In Russ.)
- Koval' B. I., Il'yin M. V. Power vs politics. *Polis*. 1991. No 5. P. 152–163. (In Russ.)
- Krysin L. P. Explanatory dictionary of foreign words. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 944 p. (In Russ.)
- Mel'vil' A. Yu. Categories of political science. Moscow, MGIMO Publ., 2002. 656 p. (In Russ.)
- Khaldorov O. N. Correlation between the category of “actor” and the categories of “subject”, “participant” and “agent” in political process. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2016. No 4 (55). P. 128–133. (In Russ.)
- Tsygankov P. A. International relations: textbook. Moscow, Novaya shkola Publ., 1996. 320 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.06.2018

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА ЖУКОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии, Петрозаводский государственный университет, младший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
olgazhukovaveps@mail.ru

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПОЗИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ (на основе диалектных и фольклорных материалов)*

Рассматриваются лексемы, используемые при именовании понятия «милый, любимый» в диалектах вепсского языка, которые были получены по искомому понятию при сборе языкового материала для готовящегося «Лингвистического атласа вепсского языка» (ЛАВЯ). Анализ показал, что диалектные ареалы обладают общеупотребительными в народной речи лексемами *armaz* (северновепсский, средневепсский: слово прибалтийско-финского происхождения) и *mel'hine~mel'hiine* < *mel'* 'ум, рассудок, настроение' (южно- и средневепсский диалекты). Особенностью этой семантической группы лексики ('милый, любимый') является ее переплетение с языком фольклорной традиции. Прилагательные *sula* и *izo* тяготеют именно к фольклорному использованию, где они выступают в качестве постоянных эпитетов и призваны поддерживать аллитерацию в тексте причитания: *sulad susedaižed* 'милые соседushки', *sulad sutkaižed* 'милые суточкИ', *izod iknaižed* 'милые окошечкИ'. Отметим, что фольклорное употребление некоторых лексем обсуждаемой группы способствовало изменению или расширению значения: так, прилагательное *libed*, известное прибалтийско-финским языкам в значении 'скользкий', в вепсском языке получило эмоционально-позитивную семантику в сочетании со словом *linduine* 'птичка', которое постоянно встречается в языке вепсских плачей (*libed linduine* 'милая пташечка, птичка'). В южновепсском ареале зафиксирована редкая лексема *raha* (*räha*), обладающая значением 'милый, любимый', которое она приобрела также не без влияния языка фольклора. В родственных языках она имеет значение 'деньги' или 'серебро'. Данная семантическая группа была пополнена заимствованиями *žadobnii* и *žalanni*, что свидетельствует о тесной связи с русскими соседями.

Ключевые слова: вепсская ареальная лингвистика, семантика, этимология, лингвофольклористика, аллитерация

Лингвогеографические исследования в настоящее время актуальны и популярны в финно-угорском языкознании. Накопленные диалектные материалы являются ценнейшей базой при исследовании формирования диалектных ареалов [2: 10].

С 2012 года в ИЯЛИ КарНЦ РАН ведется работа по созданию «Лингвистического атласа вепсского языка» (ЛАВЯ). При составлении его карт используются данные вопросника, заполненного в 30 населенных пунктах в ходе экспедиционных выездов, а также диалектные материалы из имеющихся печатных и электронных источников. В целом список пунктов по всем диалектам включает в себя 75 наименований (см. карту).

Настоящая статья посвящена рассмотрению лексем, именующих понятие «милый, любимый» в диалектах вепсского языка. Слова анализируются с позиции семантики, этимологии и ареального функционирования. Сбор лексики по данной семантической группе нередко требовал

дополнительных наводящих вопросов, так как значения прилагательных с эмоционально-позитивным значением могут варьировать в зависимости от контекста и понятия, которые они характеризуют. Как свидетельствуют словари русского языка, с одной стороны, *милый* – 'дорогой, **любимый**', с другой стороны, *любимый* – 'пользующийся наибольшей любовью'. Семантика в этом случае близка, и именовании понятий несколько перекрещиваются. Вепсские лексемы, полученные как в результате полевого опроса, так и добытые из письменных источников, из научных исследований, оказались интересными не только с точки зрения функционирования их в обыденной речи, но и в языке фольклора, что способствует расширению их значений и функций.

Общей лексемой для северновепсского и средневепсского ареала со значением 'любимый' является слово *armaz*. Обладая общим прибалтийско-финским происхождением, оно выступает

и в родственных языках с семантикой 'любимый', 'милый', 'приятный'. Прилагательное *armas*, *armaš* широко представлено в диалектах карельского языка, где употребляется по отношению к одушевленным объектам (человек, домашнее животное) со значением 'любимый' [4: 69]. Этимологический словарь финского языка указывает на его древнегерманское происхождение, от слова *armr*, *armber* с семантикой 'бедный, несчастный' [6: 24].

В вепском языке прилагательное может обладать и значением 'ласковый': *Armast vajeht hän igas ii kulnu* 'Ласкового слова он в жизни не слышал' [2: 33].

В южновепском и средневепском диалектах фиксируется слово *mel'hine* или вариант с удвоенной *i*: *mel'hiine* с семантикой 'любимый, нравящийся, по душе'. Слово финно-угорского происхождения [6: 344] и образовано от существительного *mel'* 'ум, рассудок, настроение', *olda mel'he* 'быть по нраву, нравиться'. В вепском языке лексема может выступать как имя прилагательное, так и в качестве имени существительного 'возлюбленный, миленок': *besed razoidiše, a tiu mel'hiine om ka viiu döp da ištutap* 'народ с беседы разоидется, а у кого миленок есть, та останется и еще посидит'¹.

В свадебном причитании, записанном в западновепской деревне Немжа, обнаруживается редкая форма *melaz*, не встречающаяся в бытовом языке. Прилагательное образовано по традиционной вепской словообразовательной модели с распространенным суффиксом имен прилагательных *-az*. Язык фольклора сохранил эту редкую собственно вепскую инновационную лексему, отсутствующую в родственных языках, как эпитет к слову *meceine*: *melaz meceine* 'милый лесок', *melhas meceizes* 'в милом лесочке'². Очевидно, и образованию этой лексемы, и ее сохранению способствовал именно язык причитания, поскольку помимо выполнения выразительной функции прилагательные подбирались и для создания аллитерации или единоначатия с характеризующим словом. В вепских причитаниях аллитерация может охватывать два, три рядом стоящих слова и даже больше [3: 123–125]. Кроме того, это было непреложным законом причитания. Поэтому в языке возникло подобное прилагательное, которое, возможно, в обыденной речи и не употреблялось, а было принадлежностью лирического языка причитаний.

Лексема *sula*, употребляемая при ласковом обращении к близким людям, родственникам и несущая семантику 'милый, дорогой', фиксируется как в северновепском, так и в средневепском ареале. *Sula* с эмоционально-позитивным значением встречается и в близкородственных языках. В эстонском языке выступает со значением 'мягкий', 'чистый', 'ясный'. В карельском

языке употребляется преимущественно в плачевой традиции: в олонецких причитаниях *sulane*, в людиковских *sula* [6: 1100]. В вепском материале названное прилагательное также встречается чаще всего в устнопоэтических произведениях. Например, в северновепской лирической песне, где девушка, сидящая на берегу, обращается к проплывающему на лодке отцу, затем к матери, используется именно эпитет *sula*:

Kenen nece veneh soldab?
Mama ištub venehes,
Sula mama, armaz mama,
Ota mindai veneheze! [9: 14]
 Чья это лодка плывет?
 Мама сидит в лодке,
 Милая мама, любимая мама,
 Возьми меня в лодку!

В языке причитаний, одном из древнейших и наиболее развитых жанров вепского фольклора, прилагательное *sula* часто выступает при обращении к сестре: *sula čičkoihudem* 'милая моя сестрица' [5: 43–46], *sulad čičkoihuded* 'милые сестрицы' [5: 33–36], а также к брату: *sula viikoihudem* 'милый братец' [1: 99–101]. В силу особенности жанра в языке плача подбирались слова для выражения самых глубинных чувств и переживаний человека, поэтому в причитаниях широко употребляются прилагательные эмоционально-позитивной семантики, в том числе и, как было отмечено выше, для создания аллитерации. Так, лексема *sula* стала постоянным эпитетом к слову *susedeized* 'соседушки, соседи': *sulad susedeized* 'милые соседушки'. Этим устойчивым сочетанием в плачах именуют чужих людей, соседей, односельчан. Также традиционной формулой является словосочетание *sulad sutkeized* 'милые суточки' (о временном отрезке).

В качестве лексемы со значением 'милый' зафиксировано прилагательное *libed*. Слово имеет основное значение 'скользкий' и в этом значении известно другим прибалтийско-финским языкам [6: 297]. Рассматриваемую семантику прилагательное получило в вепском языке лишь в сочетании со словом *linduine* 'птичка'. Словосочетание *libed linduine* можно перевести как 'милая пташечка, птичка'. Это именование детей (сын, дочь, внук) употребительно именно в причитаниях, как в средневепской, так и южновепской традиции. Однако со временем сочетание вышло за рамки фольклорной традиции и стало активно использоваться в разговорной речи в качестве ласкового обращения, чаще к детям [3: 62].

Еще одна редко употребляемая лексема, относящаяся к данной понятийной группе, – прилагательное *izo*. В средневепском ареале фиксируется исключительно в языке причитаний. Слово, вероятно, сохранилось как необходимый эпитет, также поддерживающий аллитерацию в словосочетании, несущий эмоционально-положительную

семантику для слова *ikneine* ‘окно’: *izo ikneine* ‘милое окошечко’, реже для слова *irdeine* ‘улица, улочка’: *izo irdeine* ‘милая улочка’. У этого слова несомненно параллель с финским *iso* ‘большой’. Однако в этимологическом словаре финского языка вепское прилагательное не включено в одно этимологическое гнездо с данной лексемой [7: 228], хотя по фонетическому закону вепского языка между двумя гласными звуками здесь всего лишь произошел переход $s > z$ [8: 236]. Сочетание прилагательного *izo* со словами *ikneine* ‘окно’, *irdeine* ‘улица’ вполне вписывается в семантику ‘большой’, с учетом преувеличения и идеализации, свойственной фольклорной словесности. Вероятно, в вепском языке прилагательное *izo* утратило свое основное значение и сохранилось в языке плачей из-за аллитерации, диктовавшей подбор эпитета и закрепившей его в устойчивом сочетании *izo ikneine* ‘милое окошечко’. Постепенно у слова появилось иное эмоционально-положительное значение, продиктованное языком плачей [3: 73].

Южновепскому диалекту также известно слово *izo: izo tatkoohud* ‘милый батюшка’ [2: 152], *oi, izo mamšine* ‘ой, дорогая (милая) старушка’ [1: 224]. Из приведенных примеров видно, что прилагательное используют при ласковом обращении к близким людям. В частушке, записанной в деревне Радогощь, выявлена и диминутивная форма *izoone*, образованная от слова *izo*. В данном случае напрашивается аналогия со словом *mel'hine*, где прилагательное может выступать в роли существительного с семантикой ‘любимый, миленок’:

*Oi ku milaan izoone,
käbedaine šarfaane,
golu jo mä hälle basin:
keritše sä bardaane*³.
Ой, как у меня миленок,
красивый шарфик,
часто я ему говорю:
состриги ты бородку.

В южновепском диалекте лексема *raha*, известная средневепскому диалекту как имя существительное со значением ‘серебро’, выступает в качестве прилагательного с семантикой ‘дорогой, любимый’. Общее для прибалтийско-финских языков слово является древним германским заимствованием и имеет в близкородственных языках значение ‘деньги’ или ‘серебро’ [6: 711]. Этимологический словарь SKES дает оба значения слова в вепском языке, разделяя на вариант с твердым *r* в слове ‘серебро’ и мягким в прилагательном *r'aha* ‘любимый, золотой’ [6: 711]. Диалектный словарь вепского языка не дает слова со смягчением, а указывает единственный вариант *raha* с тремя вариантами перевода: ‘серебро’, ‘деньги’ и ‘дорогой, любимый’: *raha mamkoohud* ‘дорогая маменька’⁴. При целенаправленном сбо-

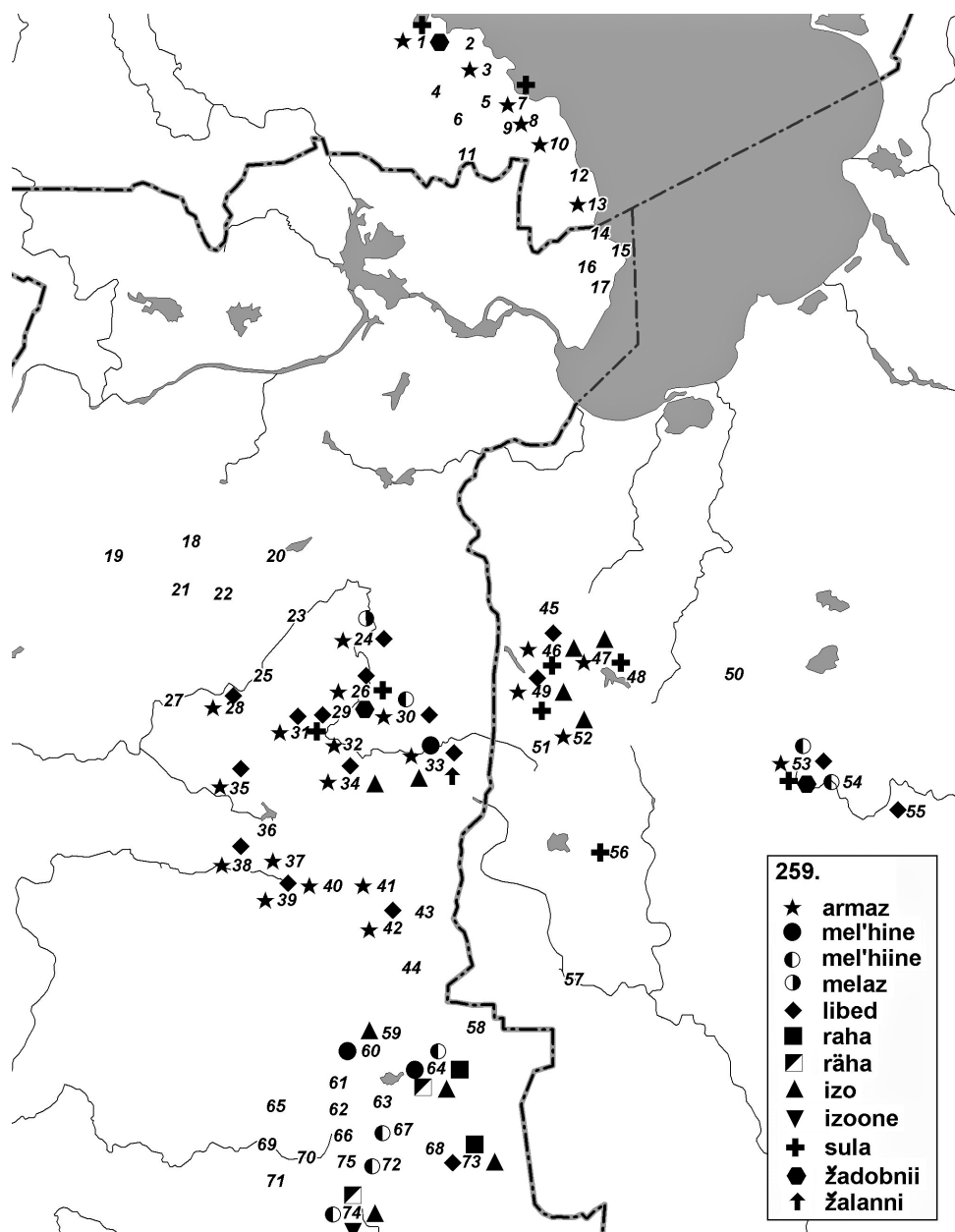
ре материала по вопроснику лингвистического атласа вепского языка в пунктах Сидорово и Радогощь была зафиксирована лексема *räha*, а это – свидетельство того, что в южновепском ареале до сих пор бытуют обе фонетические формы. Возможно, что вариант *räha* возник также в языке фольклора под воздействием гармонии гласных. А затем каждая из лексем стала жить самостоятельной жизнью: *raha* со значением ‘деньги’ и *räha* со значением ‘милый, любимый’, навеянным причитаниями.

В северно- и средневепском диалектах распространено ласковое именование русскоязычного происхождения *žadobnii*. Слово является русским заимствованием. В словаре русских народных говоров приводится слово *жадобный*, распространенное в северо-западных и центральных губерниях в значении ‘милый’, ‘дорогой’, ‘желанный’ (чаще в обращении), в Олонецкой и Вологодской губерниях ‘желанный’, ‘более любимый’⁵.

Единично зафиксированная, но, несомненно, имеющая более широкое употребление в западных говорах вепского языка лексема *žalanni* со значением ‘милый’ пришла также из русских говоров, где *жаланный* значит ‘дорогой, милый’⁶.

Подводя итоги анализа, отметим, что в лексике, обладающей значением ‘любимый’, ‘милый’ (имеется в виду сердечная привязанность), обращает на себя внимание влияние на ее функционирование фольклорного аспекта. В обсуждаемом значении в северновепском диалекте употребляется лексема *armaz*, южновепском – *mel'hine*, а в средневепских говорах бытуют оба эти слова. В отношении понятия ‘милый’ вепский язык проявляет особое разнообразие форм. Прилагательное *libed* активно используется в средневепских говорах в неразрывном сочетании со словом *linduine*. При бытовом общении в северновепском и средневепском ареале фигурируют русскоязычные по происхождению слова: *žadobnii*, *žalanni*. Только в южновепском ареале фиксируется лексема *raha* (*räha*), получившая новое значение ‘милый, любимый’. Прилагательные *sula* и *izo* тяготеют к фольклорному использованию. *Sula* объединяет северновепский и средневепский ареал, а *izo* – территории бытования средневепского и южновепского диалектов.

Таким образом, лексика обсуждаемой семантики оказалась особенно тесно связанной со сферой фольклора, который сохранил многие лексемы и донес их до современного вепского языка (*izo*, *sula*), для других способствовал расширению их значений (*libed*, *raha*). В отдельных же случаях устнопоэтическая традиция инициировала образование новых слов, которые были необходимы для построения текста причитания (*melaz*).

Карта 259. Именованіе понятія 'милый, любимый' в диалектах вепсского языка

Названия вепсских пунктов

Северновепсский диалект

1. Šokš (Шокша), Прионежский р-н Республики Карелия
2. Išan' (Ишанино), Прионежский р-н Республики Карелия
3. Vehkoja (Вехручей), Прионежский р-н Республики Карелия
4. Haršom (Габшема), Прионежский р-н Республики Карелия
5. Krik (Крюкова Сельга), Прионежский р-н Республики Карелия
6. Vanhimsel'g (Вангимова Сельга), Прионежский р-н Республики Карелия
7. Šoutarv (Шелтозеро), Прионежский р-н Республики Карелия
8. Mecantaga (Залесье), Прионежский р-н Республики Карелия
9. Mägi (Горное Шелтозеро), Прионежский р-н Республики Карелия
10. Kaleig (Рыбрека), Прионежский р-н Республики Карелия
11. Matvejansel'g (Матвеева Сельга), Прионежский р-н Республики Карелия
12. Toižeg (Другая Река), Прионежский р-н Республики Карелия
13. Kaskezoja (Каскесручей), Прионежский р-н Республики Карелия
14. Kukagd' (Володарская), Прионежский р-н Республики Карелия
15. Pervakat (Урицкая), Прионежский р-н Республики Карелия

16. Himd'ogi (Гимрека), Прионежский р-н Республики Карелия
17. Kal'1' (Щелейки), Прионежский р-н Республики Карелия

Средневепский диалект (западные говоры)

18. Kekar' (Кекозеро), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
19. Pečal (Печеницы), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
20. Čikl (Чикозеро), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
21. Karhil (Каргиничи), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
22. Nirgl (Ниргиничи), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
23. Kuzr (Кузра), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
24. Nemž (Немжа), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
25. Norj (Норгино), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
26. Järved (Озера), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
27. Koskenpä (Надпорожье), Лодейнопольский р-н Ленинградской обл.
28. Vil'häl (Ярославичи), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
29. Sarjärv (Сарозеро), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
30. Rihaluine (Подовинники – Азмозеро), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
31. Pecoil (Пелдуши), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
32. Šondjal (Шондовичи), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
33. Ladv (Ладва), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
34. Mäggär' (Мягозеро), Подпорожский р-н Ленинградской обл.
35. Enar'v (Вонозеро), Лодейнопольский р-н Ленинградской обл.
36. Ozroil (Озровичи), Тихвинский р-н Ленинградской обл.
37. Korbal (Корбеничи), Тихвинский р-н Ленинградской обл.
38. Jogens (Усть-Капша), Тихвинский р-н Ленинградской обл.
39. Naragl (Харагеничи), Тихвинский р-н Ленинградской обл.
40. Nürgl (Нюрговичи), Тихвинский р-н Ленинградской обл.
41. Rebaj (Ребов Конец), Тихвинский р-н Ленинградской обл.
42. Noidal (Нойдала), Тихвинский р-н Ленинградской обл.
43. Čidoi (Чидово), Тихвинский р-н Ленинградской обл.
44. Korval (Корвала), Тихвинский р-н Ленинградской обл.

Средневепский диалект (восточные говоры)

45. Torazgärv (Торосозеро), Вытегорский р-н Вологодской обл.
46. Šatjärv (Шатозеро), Вытегорский р-н Вологодской обл.
47. Šimgär' (Шимозеро), Вытегорский р-н Вологодской обл.
48. Pütkask (Пелкаска), Вытегорский р-н Вологодской обл.
49. Väräsjärv (Кривозеро), Вытегорский р-н Вологодской обл.
50. Särögär (Сяргозеро), Вытегорский р-н Вологодской обл.
51. Nažamgärv (Нажмозеро), Вытегорский р-н Вологодской обл.
52. Vahtkär (Вахтозеро), Вытегорский р-н Вологодской обл.
53. Pondal (Пондала), Бабаевский р-н Вологодской обл.
54. Kuja (Куя), Бабаевский р-н Вологодской обл.
55. Voilajt (Войлахта), Бабаевский р-н Вологодской обл.
56. Pāzar' (Пяжозеро), Бабаевский р-н Вологодской обл.
57. Kerčak (Керчаково), Бабаевский р-н Вологодской обл.

Южновепский диалект

58. Bor (Саньков Бор), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
59. Laht (Лахта), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
60. Šidjärv (Прокушево), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
61. Čaigl (Чайгино), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
62. Sar' (Остров), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
63. Peloo (Пелуши), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
64. Sodjärv (Сидорово), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
65. Žarad (Жары), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
66. Bušak (Бошаково), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
67. Kortlaht (Кортлахта), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
68. Sirj (Перелесок), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
69. Maslagi (Маслово), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
70. Tutuk (Сташково), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
71. Tedroo (Тедрово), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
72. Maigär' (Боброзеро), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
73. Vaagedjärv (Белое озеро), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
74. Arskaht' (Радогошь), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
75. Požarišš (Пожарище), Бокситогорский р-н Ленинградской обл.

* Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118012490344-5).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. С. 326.
- ² Фонотека Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова. № 313/8016.
- ³ Väisänen O. I. Vepsäläinen laulukokoelma. I kopia. 1916 (рукопись). № 128.
- ⁴ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. С. 461.
- ⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л.: Наука, 1972. С. 59.
- ⁶ Там же. С. 61.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л.: Наука, 1969. 296 с.
2. Зайцева Н. Г. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2016. 294 с.
3. Жукова О. Ю. Вепские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2015. 158 с.
4. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s.
5. Käte-ške käbedaks kägoihudeks. Обернись-ка милой кукушкой. Вепские причитания. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2012. 224 с.
6. Suomen kielen etymologinen sanakirja I–VII. E. Itkonen, A. J. Joki. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955–1981. 2293 s.
7. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. I. Helsinki: SKS, 1992. 486 s.
8. Tunkelo E. N. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1946. 922 s.
9. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1982. 171 s.

Zhukova O. J., Petrozavodsk State University, Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)

ADJECTIVES WITH POSITIVE EMOTIONAL SEMANTICS IN THE VEPS LANGUAGE (on the basis of dialectal and folklore materials)*

The article discusses the lexemes used for conveying the meaning “sweet” or “beloved” in the Veps language dialects and obtained from the required concept in the collection of linguistic materials prepared for the forthcoming *Linguistic Atlas of the Veps Language*. The analysis showed that folk speech in the dialectal areas has common lexemes *armaz* (a medieval northern Vepsian word of Baltic-Finnish origin) and *mel'hine-mel'hine* (*mel'* meaning “sense”, “reason” or “mood” in southern and medieval Vepsian dialects). The peculiarity of this semantic group of vocabulary (“cute” or “beloved”) is its intertwinement with traditional folklore language. The Adjectives *sula* and *izo* tend to be used in folklore, where they act as permanent epithets and are designed to support alliteration in the lamentations: *sulad susedaižed* (cute neighbors), *sulad sutkaižed* (cute days), *izod iknaižed* (cute little windows). It should be noted that the folklore usage of some lexemes from this group contributed to the change or expansion of their meaning: for example, the adjective *libed*, meaning “slippery” in the Baltic-Finnish languages, in the Veps language obtained a positive emotional semantic meaning in conjunction with the word *linduine*, (“bird”) which is constantly used in the Vepsian lamentations (e. g., *libed linduine* – “cute bird” or “little bird”). A rare lexeme *raha* (*räha*) with the meaning “sweet” or “beloved” acquired under some influence of folklore language, is recorded in the southern Veps language area. In kin languages it means “money” or “silver”. This semantic group was extended by such borrowings as *žadobnii* and *žalanni*, which indicates a close relationship with the Russian neighbors.

Key words: Veps areal linguistics, semantics, etymology, linguo-folklore studies, alliteration

* Financial support for research was provided to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences from the federal budget for the execution of the state task (AAAA-A18-118012490344-5).

REFERENCES

1. Zaitseva M. I., Mullonen M. I. Samples of Vepsian speech. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 296 p. (In Russ.)
2. Zaitseva N. G. Essays on the Veps dialectology (linguistic and geographical aspect). Petrozavodsk, KarNTs RAN Publ., 2016. 294 p. (In Russ.)
3. Zhukova O. Yu. Vepsian ritual lamentations: from the genre poetics to the word poetics. Petrozavodsk, KarNTs RAN Publ., 2015. 158 p. (In Russ.)
4. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s.
5. Käte-ške käbedaks kägoihudeks. Turn to a sweet little cuckoo. Vepsian lamentations. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the RAS Publ., 2012. 224 p.
6. Suomen kielen etymologinen sanakirja I–VII. E. Itkonen, A. J. Joki. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955–1981. 2293 s.
7. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. I. Helsinki: SKS, 1992. 486 s.
8. Tunkelo E. N. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1946. 922 s.
9. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1982. 171 s.

Поступила в редакцию 02.04.2018

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЗАХАРОВА

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
katja.zaharova@mail.ru

«ЛОДКА» В НАЗВАНИЯХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КАРЕЛИИ: К МОТИВАМ НОМИНАЦИИ*

Рассматриваются топонимы Карелии, в основе которых отразились термины со значением 'лодка'. Семантико-мотивационному анализу подвергается выявленный набор топооснов карельского, русского и субстратного происхождения; определяются географические объекты, в названиях которых отразилась информация о водных средствах передвижения; интерпретируются топонимические ареалы рассматриваемых моделей именования; устанавливаются возможные мотивы номинации. Основным источником материала являются данные Научной картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН и ГИС «Топонимия Карелии». К анализу также широко привлекаются полевые материалы картотеки Топонимической экспедиции УрФУ (г. Екатеринбург), картографические источники, ряд диалектных словарей. Проведенное исследование демонстрирует ареальную приуроченность отдельных топооснов. В северной и центральной Карелии широко представлена прибалтийско-финская модель *Vene(h)-*, отсутствие которой на юге, вероятно, должно объясняться особенностями ландшафта и системы расселения по берегам рек. В Заонежье выявляется ареал русской модели *Лодей-*, что может быть связано с особым типом лодки, принесенным сюда новгородцами. Данные ГИС «Топонимия Карелии», картографических источников и свидетельства информантов позволяют в качестве ключевого фактора использования лексем со значением 'лодка' в названиях географических объектов Карелии выделить необходимость маркирования водных путей или их важных участков.

Ключевые слова: Карелия, топонимия, топооснова, средства передвижения, лодка, карельский язык, русский язык, прибалтийско-финские языки, субстрат

В Научной картотеке топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН, содержащей полевые материалы топонимических экспедиций по территории Карелии и сопредельных областей с конца 70-х годов XX века по настоящее время, выявляется комплекс названий географических объектов, в которых отразились наименования традиционных средств передвижения (лодка, сани, лыжи). При этом в топонимах фиксируются основы прибалтийско-финского, русского и субстратного происхождения: *Veneh-* (карел., вепс. *veneh* 'лодка'), *Вених-* (субстрат. *Вених-* < прибалт.-фин. *veneh* 'лодка'), *Лодей-* (лодейный 'относящийся к судну'), *Regi-* (карел. *reki*, *regi* 'сани', вепс. *regi* 'дровни; сани'), *Регу-* (субстрат. *Регу-* < прибалт.-фин. *regi* 'сани'), *Сус-* (субстрат. *Сус-* < прибалт.-фин. *Suks*, карел. *suksi* 'лыжи', вепс. *suks* 'лыжа; полоз (еловый) с загнутым концом для перевозки воды зимой') и др.

Подобные названия известны не только в Карелии, но и на смежных территориях: в Финляндии, в северо-восточной части Ленинградской области, в Вытегорском и Бабаевском районах Вологодской области представлены топонимы с прибалтийско-финскими (соответственно финскими и вепскими) лексемами в основе, а в то-

посистеме территорий, относящихся к Русскому Северу (восточная часть Карелии, Архангельская и Вологодская области), наравне с русскими выступают субстратные тополеми, свидетельствуя о прибалтийско-финском прошлом этой историко-культурной зоны.

Наименования обозначенного типа, зафиксированные на территории Карелии и сопредельных областей, а также в топонимических зонах Русского Севера (Заонежья, Юго-Восточного Обонежья, Архангельского Поморья, Каргополья, Белозерья), рассматриваются в работах И. И. Муллонен [6], [7], [8], Д. В. Кузьмина [13], [14], Е. В. Захаровой [2], [15], А. К. Матвеева [5], Н. В. Кабининой [3], А. А. Макаровой [4], А. И. Соболева [11] и др. Топонимы, в основе которых закрепились названия средств передвижения, как правило, анализируются в рамках лексико-семантического и этимологического полей, в то время как семантико-мотивационному анализу до сих пор не было уделено должного внимания.

В рамках настоящей статьи с целью установления мотивов номинации будет проанализирован корпус географических названий Карелии, в основе которых отобразилось понятие *лодка*.

Согласно этнографическим данным, в Карелии были распространены лодки-долбленки, лодки-шитики, карбасы и плоты. *Лодка-долбленка* (с. к. *honko(i)*, люд., ливв. *hongoi*⁶; ливв. *kuutti*) представляет собой самый древний тип лодки. Во второй половине XX века их иногда еще можно было увидеть в карельских селениях близ Олонца и в районе Ведлозера. На них выезжали ловить рыбу в маленьких речушках и небольших озерах [12: 66]. Самое широкое распространение (и не только на территории Карелии) получила более усовершенствованная лодка-шитик (карел. *vene(h)*). Шитые из досок лодки использовались на реках, озерах, а также на водах Белого моря, морские и озерные лодки были больше речных по своим размерам. *Карбас* (карел. *karpassu*, *karbasu*, *karvas*) – разновидность шитых лодок большой вместительности (до тонны груза). Лодки такого типа были широко распространены у поморов, занимавшихся морским рыболовством. Плоты (с. к. *lautta*, ливв. *lautti*, люд. *lautti*) строились для ловли рыбы в небольших озерах и речках, промысла жемчужных раковин, а также для переправы через реку [12: 66–69].

В названиях географических объектов Карелии отобразились все вышеперечисленные виды традиционных водных средств передвижения населения. При этом в топоосновах обнаруживаются лексемы прибалтийско-финского, русского и субстратного (дорусского) происхождения. Ниже приводится комплекс выявленных в КТК⁷ географических названий с основами, выраженными терминами, называющими разновидности лодок.

Kuutti- (с. к., ливв. *kuutti* ‘лодка, долбленная из цельного дерева’): оз. *Kuuttilambi* (Сямоз, Харитонов Гора)⁸ (карел. *lambi* ‘небольшое озерко’), оз. *Kuuttilambi* / *Kuuttilambi* (Тунгуд, Машозеро), зал. *Kuuttilaksi* (Тунгуд, Тунгуда) (карел. *laksi* ‘залив’), г. *Kuuttivuara* (Тунгуд, Шуезеро) (карел. *vuara* ‘гора’).

Примеры показывают, что лексема *kuutti* выступает в атрибутивной части названий небольших озер, залива, возвышенности. Использование данной топоосновы в наименованиях водных объектов кажется очевидным, в отличие от названия возвышенности, которое могло возникнуть в результате переноса по смежности (оз. *Kuuttilambi* > г. *Kuuttivuara*).

Hongoi- (с. к. *honko(i)*, ливв., люд. *hongoi* ‘челн, лодка, долбленная из цельного дерева’): мыс *Hongoiniemi* (Видлиц, Рожनावолок) (карел. *niemi* ‘мыс’), мыс *Hongoinniemenn’okku* (Видлиц, Рожनावолок) (карел. *n’okku* ‘оконечность мыса’⁹), бер. *Hongoirand* (Олон, Михайловская) (карел. *ranta*, *randa*, *rand* ‘берег’), бер. *Hongoirand* (Олон, Ташкиницы).

Основа *Hongoi-* в топонимах выполняет атрибутивную функцию, помечая мысы и берега. Примечательным является тот факт, что указан-

ные названия зафиксированы в тех деревнях, где во второй половине XX века этнографы отмечали использование лодок-долбленок. Таким образом предложенный этимон подтверждается не только видом именуемых объектов (берег, мыс, на которых, например, могли располагаться лодочные причалы), но и этнографическими данными.

Для обозначения лодок самой распространенной как в карельских говорах, так и в топонимии является лексема *vene(h)* ‘лодка’:

оз. *Ala Venehjärvi*, *Ylä Venehjärvi* (Ребол, Конестров) (карел. *järvi* ‘озеро’), р. *Venehjoki* (Ребол, Туливаара) (карел. *joki* ‘река’), пролив *Venehsalmi* (Ухт, Микколя) (карел. *salmi* ‘пролив’), порог *Venehkoški* (карел. *koški* ‘порог’), оз. *Venehlampi* (карел. *lampi* ‘небольшое озерко’), оз., дер. *Venehjärvi* (Ухт, Венехъярви), оз. *Venehjärvi*, оз. *Venehlampi* (Ухт, Поньгалакша), бол. *Venehsuo* (Кест, Елетозеро) (карел. *suo* ‘болото’) и др.

Рассматриваемая прибалтийско-финская топооснова выявляется также в ряде названий субстратного происхождения, ср. приб.-фин. *Vene(h)-* > рус. *Вене(х)-* / *Вени(х)-*: руч. *Большой / Малый Венихручей* (Сорок, Нюхча), оз., дер., уг. *Венихозеро* (Пов, Венихозеро), мыс *Венянаволоок* (Пуд, Куганаволок).

Названия с топоосновой *Vene(h)-* / *Вене(х)-* / *Вени(х)-* характеризуют водные объекты и их части, в ряде случаев названия озер были перенесены на деревни, появившиеся на их берегах.

Следует отметить, что бытующие в северной Карелии названия с русской лексемой *судно* в основе (оз. *Судно*, оз. *Суднозеро*, р. *Судно*) являются переводными вариантами карельских названий с основой *Veneh-* (карел. *Venehjärvi* > рус. оз. *Судно* / *Суднозеро*, карел. *Venehjoki* > рус. р. *Судно*).

Лод- / Лодей- (лодья ‘парусное озерное или морское судно’¹⁰, лодейный ‘относящийся к судну’¹¹): зал. *Лодейгуба* (Кондоп, Мелойгуба), зал. *Лодейгуба* / *Лодайгуба* / *Лодийгуба*, мыс *Лодейनावолок* / *Лодайनावолок*, оз. *Лодейозеро* / *Лодайозеро* (В-Губ, Ламбасручей), луда *Лодейка* (Шал, Пяльма), зал. *Лодейная Губа* (Шунг, Кривоноговская), уг. *Лодейница* / *Ладейщина* (В-Губ, Космозеро), о. *Лодейно* (В-Губ, Волкостров), мыс *Лодейный Наволок*, мыс *Второй Лодейный Наволок* (Сорок, Нюхча) и др.

Примеры показывают, что русская лексема продуктивна прежде всего в Заонежье, где использовалась для обозначения водных объектов или их частей – заливов, мысов, островов, луд. Употребление ее в названии сельскохозяйственного угодья объясняется расположением этого угодья на берегу реки («покос на берегу р. Святухи, к нему ведет тропа из деревни. Очевидно, тут была пристань»¹²).

Карбас- (карбас ‘большая поморская лодка, предназначенная для перевозки грузов, ловли рыбы и морских зверей; любая большая лодка’¹³, ‘большая гребная лодка с парусом’¹⁴, карбаз

‘мелкое грузовое судно’¹⁵): бол. *Карбас* (В-Губ, Кузнецы) («Болото в губе Маточка»¹⁶), оз. *Карбасное* (Сорок, Лапино).

Лексема *карбас*, согласно данным Этимологического словаря русского языка, восходит к вепс. *karbaz*, фин. *karvas*¹⁷ (вепс. *karbaz* ‘лодка-долбленка’¹⁸, фин., карел. *karvas* ‘небольшая лодка’¹⁹). В связи с этим встает вопрос о происхождении приведенных топонимов с обозначенной основой. Структура названия болота *Карбас* допускает как русское, так и субстратное происхождение, когда в процессе прямого усвоения иноязычное название географического объекта перешло в русское употребление без изменений (ср. с типичной для русской топонимической структурой названия озера *Карбасное*). Если допустить субстратную природу указанного топонима, то фонетический облик позволяет возвести его к вепсскому источнику. Факт того, что данное болото располагается в Заонежье, сформировавшемся как историко-культурная зона в результате многовекового русско-прибалтийско-финского контактирования, может служить еще одним доказательством в пользу вепсского следа. Что касается уже упомянутого названия *Карбасное*, его структура и локализация именуемого им объекта в Поморье свидетельствуют о русских истоках топонима.

Приведем также обнаруженные в топонимической системе региона названия, в основе которых представлен карельский термин с. к. *lautta*, люд. *lautt*, ливв. *lauttu* ‘плот’:

бер. *Makonlautta* (Петров, Поросозеро) (атрибутивный элемент представлен именем собственным в форме генитива), зал. *Lauttuvongu* (Петров, Сяпчезеро) (карел. *vonga, vongu* ‘излучина реки; бухта; омут; плес’²⁰), зал. *Lauttakuaara* (Петров, Карташи) (люд. *kuar, kuara* ‘залив; бухта’²¹), зал. *Lauttalaksi* (Лоух, Чупа) (карел. *laksi* ‘залив’), тоня *Lauttalaksi* (Кемирец, Кокорино), мыс *Lauttaniemi* (Кемирец, Кокорино) (карел. *niemi* ‘мыс’) и др.

Выявленный комплекс названий демонстрирует преобладание прибалтийско-финских топонимов, при этом доминирующей является основа *Vene(h)-*. На фоне довольно прочных позиций и в субстратной топонимии прибалтийско-финская лексема *veneh* по каким-то причинам не получила распространения в топонимической системе Заонежья, где концентрируется топонимическая основа *Лодей-* (рис. 1). Был ли прибалтийско-финский термин заменен русским в ходе длительного этноязыкового взаимодействия славян и местных прибалто-финнов или использование русской лексемы связано с особым типом лодки, принесенным новгородцами в Заонежье, предстоит выяснить в ходе дальнейших специальных разысканий.

Каковы же были мотивы использования лексем со значением ‘лодка’ в названиях географических объектов?

К сожалению, лишь небольшая часть полевых материалов по топонимии содержит коммента-

рии информантов, касающиеся мотивов номинации природных объектов, при этом нередко они связаны с так называемой народной этимологией, то есть представляют собой попытки объяснить происхождение ставших непонятными названий.

Для выявления круга возможных мотивов полезно обратиться к полевым материалам по территории Русского Севера, хранящимся в Картотеке Топонимической экспедиции УрФУ (далее – КТЭ), содержащим некоторые комментарии о происхождении названий, в которых отобразились термины со значением ‘лодка, судно, корабль’.

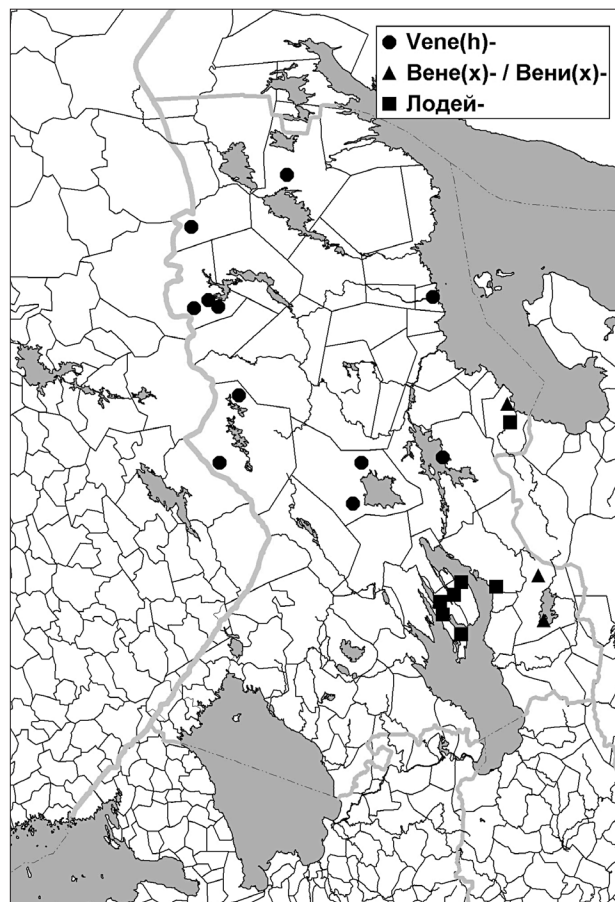

Рис. 1. Ареалы топонимических основ *Vene(h)-*, *Вене(х)- / Вени(х)-* и *Лодей-*

Данные КТЭ позволяют выделить следующий ряд мотивов названия:

1) метафора: уг. *Лодка* (Арх, Шенк) «Как лодка оно прогнулось»²², уг. *Лодка* (Арх, В-Т) «Низка полоса так, лодкой»; уг. *Лодка* (Влг, Ньюс) «Поле между двух угоров... вот Лодкой и прозвали», уг. *Корабли* (Арх, В-Т) «Хребтом таким высоким, как корабль», уг. *Корабль* (Арх, Карг) «Красивое-красивое место было, высоко», г. *Кораблик* (Арх, Лен) «Место похоже на корабль, возвышается», «На корабль похожа», гряда *Кораблик* (Влг, В-Уст) «Кто Свинкой, кто Корабликом зовет, бугор вытянутой формы», уг. *Карбасок* (Арх, Он) «Низменно поле-то» и др.

Примеры показывают, что образ лодки используется для обозначения низинных мест и расположенных там сельскохозяйственных угодий, в то время как образ корабля связывается с возвышенностями или объектами, расположенными на высоких местах.

2) место, где рос использовавшийся для строительства лодок лес: бол. *Лодочник* (Арх, Уст) «Такое оно узенькое да длинное болото, осинник рос, лодки рубили», лес *Лодочник* (Влг, Кад) «Лодки делали из его»;

3) место изготовления лодок: дер. *Лодейка* (Влг, В-Уст) «В Лодейке делали лодьи», бол. *Лодочник* (Влг, Кад) «Там раньше лодки парили»;

4) место, где можно проехать на лодке или перетаскать ее, чтобы сократить путь: лог *Лодочная Ляга* (Арх, Карг) «Там весной воды столь бывает, что на лодках ездят», прт. *Лодочная Виска* (Арх, Леш) «Заезжать можно на лодке», мыс *Лодочный Нос* (Арх, Холм) «Река на пять километров загибает, а лодки на полкилометра перетаскивали»;

5) прозвище: уг. *Карбасиха* (Арх, Плес) «Карбас – прозвище у мужика было, он там косил»;

6) легенда: уг. *Корабли* (Арх, Карг) «Там подсека была, ее выжгли, овес посеяли, столько овса уродилось, старик один сказал: “Ну, корабль с хлебом пришел”».

Следует отметить, что большинство имеющихся комментариев относится к названиям сельскохозяйственных угодий, участков леса, возвышенностей (исключение составляет лишь 4-я группа примеров), в то время как в топонимии Русского Севера (как и в топонимии Карелии) основы, содержащие термины со значением ‘лодка, судно’, представлены главным образом в наименованиях водных объектов и их частей (ср.: руч., мыс *Лодочный*, р. *Лодочная*, бол., оз. *Лодочное*, руч. *Лодочник*, оз. *Лодейки*, бол. *Лодейное*, р. *Лодейка*, руч., мыс *Лодейный*, р. *Карбасная*, бол. *Карбасское*, руч. *Карбасный*, руч. *Судовой*, р. *Судовая*, бол. *Судовое* и др.).

Поскольку полевые данные о происхождении названий водных объектов, в основе которых закрепились лексемы со значением ‘лодка, судно’, очень скудны, можно допустить, что часть из них могла напоминать номинаторам своими очертаниями лодку. Рассматривать метафору можно, прежде всего, в названиях небольших озер и болот (не рек и ручьев), то есть тех объектов, которые можно было охватить взглядом, увидеть их форму. Это подтверждается и списком приведенных в работе М. Э. Рут по образной номинации в русской ономастике объектов с обозначенными основами, в которых предполагается метафора (покос, пожня, гора, мыс, урочище) [10: 88].

Отдельные названия могли выступать маркерами мест, где рос лес, подходящий для строительства лодок. Что касается центров лодкостроения, отразившихся в названиях, то это, скорее, характерно для ойконимии – не гидронимии,

кроме того, в Карелии лодки изготавливались повсеместно, поэтому это не нашло отражения в топонимии, во всяком случае такие данные отсутствуют. Названия прозвищного характера давались, как правило, сельскохозяйственным угодьям, указывая на их принадлежность, и редко отмечаются в гидронимии.

По всей видимости, ключевым фактором использования лексем со значением ‘лодка, судно’ в названиях водных объектов в Карелии являлось маркирование водных путей или их важных участков (начало или конец пути, место, где можно пристать, проехать или перетаскать лодку, чтобы сократить путь, и проч.). На это косвенно указывают и данные анализа топонимов, в основе которых выступают лексемы, обозначающие *сани* и *лыжи*: в то время как большинство названий с топоосновами с семантикой ‘лодка’ помечают водные объекты, наименования, в основе которых фиксируются термины со значением ‘лыжи’ и ‘сани’, характеризуют болота, ручьи, острова, угодья – то есть те объекты, вдоль которых некогда могли пролегать зимние дороги. В пользу данного предположения служит и тот факт, что названия *Лодочный* и *Лыжный* в северных широтах не обладают должной дифференцирующей силой – здесь практически везде можно проплыть на лодке и проехать на лыжах (для саней все-таки требовались относительно ровные и открытые участки). Видимо, необходимость как-то обозначить важные дороги или их участки стала причиной появления такого рода топонимов.

Отметим, что, согласно статистическим данным за 1902 и 1910 годы, в Карелии в начале XX века благоустроенных сухопутных (колесных) дорог было мало. Они имелись в основном в южной части края (что, вероятно, должно объясняться ландшафтно-географической характеристикой территории и расположением там наиболее крупных поселенческих центров): в Повенецком уезде из более чем 402 селений только 149 имели дороги, в Петрозаводском уезде – 266 из 636, в Олонецком уезде – 305 из 534²³. То есть основными дорогами большой протяженности в Карелии долгое время оставались водные пути, а главными средствами передвижения у местного населения летом были лодки, зимой – лыжи и сани. При этом наличие дорог, а также расположение большинства поселений по берегам рек могли сказаться на отсутствии в южной Карелии топонимов с основой *Vene(h)-* (см. рис. 1) в противоположность центральным и северным районам.

Картографирование показывает (см. рис. 1), что большая часть объектов с рассматриваемыми топоосновами располагается вдоль основных водных магистралей, выводящих к Белому морю. Концентрируются топонимы и в западной части Карелии, практически на границе с Финляндией,

вероятно, маркируя бывшие маршруты западного направления.

Возможности ГИС «Топонимия Карелии» позволяют соотнести ряд наименований географических объектов с их физико-географическими особенностями и местоположением на карте. Так, например, название пролива на оз. Выгозеро *Венехтайбола* / *Венехтайбала* (карел. *veneh* 'лодка', карел. *taival*, *taibal*, *taibaleh* 'путь, расстояние; переход'²⁴) помечает пространство между двумя узкими и длинными островами Койкинским и Старая Полга (рис. 2), по всей вероятности, удобное для проезда на лодке. Приведем еще один пример: болото *Карбас* находится в Заонежье, в окрестностях бывшей дер. Кузнецы. Согласно свидетельствам информантов, болото располагается в заливе с названием *Маточка* («Болото в губе Маточка»²⁵) (приб.-фин. *matka*, *matk* 'путь, дорога, расстояние'²⁶) (подробнее о «матках», на основе которых реконструированы древние пути Заонежья, см. [1]). Если исходить из предположения, что название с основой *Карбас* может помечать некий водный путь, то залив с названием *Маточка*, который соединяется этим болотом с губой Долгой в основании длинного мыса (рис. 3), поддерживает эту идею.

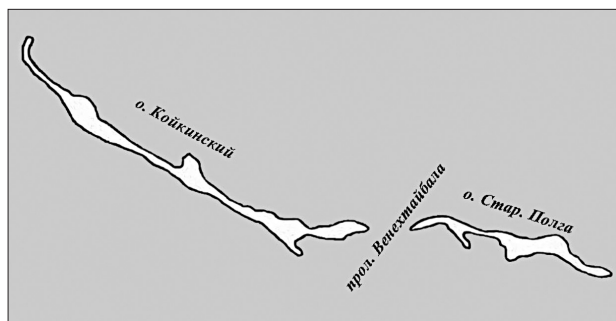

Рис. 2. Пролит Венехтайбола на оз. Выгозеро

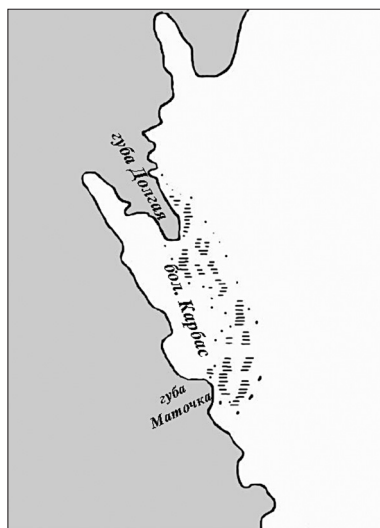

Рис. 3. Болото Карбас в Заонежье

Связь основы *Лодей-* с вероятным водным путем прослеживается в связке зал. *Лодейгуба* – уроч. *Пинега* (по которому протекает безымянный ручей) – зал. *Калейгуба*, рассмотренной И. И. Муллонен [9]. Через урочище Пинега (название которого соотносится, по предположению И. И. Муллонен, с неким финно-угорским термином с семантикой, связанной с обозначением водно-волоковых путей), видимо, проходил прямой водный маршрут из Лодейгубы в Калейгубу, значительно сокращавший путь вокруг широкого мыса, а название урочища *Пинега* сначала принадлежало ручью, позднее ставшему безымянным [9: 141]. Топонимические данные, таким образом, показывают, что разные этноязыковые коллективы в разное время пользовались одними и теми же путями, маркируя их согласно законам своей номинативной системы.

Анализ топонимического материала показал, что лексемы, обозначающие разновидности водного транспорта, использовались разными в этноязыковом отношении группами населения Карелии для именования, как правило, водных объектов.

Данные картографирования демонстрируют, что выявленный набор топонимов со значением 'лодка' ареально дистрибутирован: локализация топооснов русского и субстратного происхождения соотносится с основным направлением русского освоения Карелии, в северных и центральных частях региона, вдоль основных водных маршрутов представлена приб.-фин. топооснова *Vene(h)-*. Отсутствие этой основы в южной Карелии, вероятно, объясняется ландшафтной характеристикой территории (обилием рек в противоположность озерной северной Карелии), а также особенностями поселенческой системы. Фиксации топонимов со значением 'лодка-долбленка' в топонимии Олонецкого района и на Ведлозере совпадают с этнографическими данными об использовании там этой разновидности лодок еще в середине XX века.

На основе полевых данных выделяется ряд возможных мотивов номинации объектов с рассматриваемой основой: метафора, место произрастания леса, подходящего для строительства лодок, место изготовления лодок, прозвище, случай или легенда, а также маркировка водных путей или их участков. Возможность соотнесения названия географического объекта с полевыми данными и его обликом на карте, предоставляемая ГИС «Топонимия Карелии», позволяет в качестве ключевого фактора использования в топонимах лексем со значением 'лодка' рассматривать необходимость маркирования водных путей или их отдельных участков.

«Лодочная» тематика занимает в топонимии свою нишу и, помимо терминов, называющих лодку, включает способы и особенности передвижения по воде, рассмотрение которых составляет перспективы настоящего исследования.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118012490344-5).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Языки и диалекты

вепс. – вепсский язык
 карел. – карельский язык
 ливв. – ливвиковское наречие карельского языка
 люд. – людиковское наречие карельского языка
 приб.-фин. – прибалтийско-финские языки
 рус. – русский язык
 с. к. – собственно карельское наречие карельского языка
 субстрат. – субстратные языки
 фин. – финский язык

Области и районы

Арх – Архангельская область
 В-Губ – Великогубский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Видлиц – Видлицкий район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Влг – Вологодская область
 В-Т – Верхнетоемский район Архангельской области
 В-Уст – Великоустюгский район Вологодской области
 Кад – Кадуйский район Вологодской области
 Карг – Каргопольский район Архангельской области
 Кемирец – Кемирецкий район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Кест – Кестеньгский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Кондоп – Кондопожский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Лен – Ленский район Архангельской области
 Леш – Лешуконский район Архангельской области
 Лоух – Лоухский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Нюкс – Нюксенский район Вологодской области
 Олон – Олонецкий район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Он – Онежский район Архангельской области
 Петров – Петровский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Плес – Плесецкий район Архангельской области
 Пов – Повенецкий район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Пуд – Пудожский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Ребол – Ребольский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Сорок – Сорокский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Сямоз – Сямозерский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Тунгуд – Тунгудский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Уст – Устьянский район Архангельской области
 Ухт – Ухтинский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Холм – Холмогорский район Архангельской области
 Шал – Шальский район Карелии (по административному членению 1926 года)
 Шунг – Шунгский район Карелии (по административному членению 1926 года)

Географические термины

бер. – берег
 бол. – болото
 г. – гора
 дер. – деревня
 зал. – залив
 о. – остров
 оз. – озеро
 прг. – протока
 р. – река
 руч. – ручей
 уг. – угодье
 уроч. – урочище

Прочие

ГИС «Топонимия Карелии» – Географическая информационно-аналитическая система «Топонимия Карелии» (создана в ИЯЛИ КарНЦ РАН; ГИС ПетрГУ при поддержке РГНФ)
 ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук
 КТК – Научная картотека топонимов Карелии (хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН, г. Петрозаводск)
 КТЭ – Картотека Топонимической экспедиции (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ, г. Екатеринбург)
 УрФУ – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki: SKS, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 556). III. S. 425.

- ² Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (Вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (Вып. 23–42), С. А. Мызников (Вып. 43–). М.; Л.: СПб.: Наука, 1965–. Вып. 16. С. 230.
- ³ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. III. S. 62.
- ⁴ Ibid. S. 210.
- ⁵ Словарь вепсского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л.: Наука, 1972. С. 525.
- ⁶ Здесь и далее значение карельских слов дано по: Karjalan kielen sanakirja. 1–6 / Toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki: SUS, 1968–2005; Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 494 с.
- ⁷ КТК – Научная картотека топонимов Карелии и сопредельных областей (хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН, г. Петрозаводск).
- ⁸ Административно-территориальная привязка топонимов Карелии дается согласно положенному в основу структуры Научной картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН и ГИС «Топонимия Карелии» Списку населенных мест Карельской АССР (По материалам Переписи 1926 года) и включает в себя название района и населенного пункта.
- ⁹ Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии / Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991. С. 65.
- ¹⁰ Словарь русских народных говоров. Вып. 17. С. 107.
- ¹¹ Там же. Вып. 16. С. 230.

Zakharova E. V., Karelian Research Centre of the RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE COMPONENT “BOAT” IN THE GEOGRAPHICAL NAMES OF KARELIA: MOTIVES FOR DENOMINATION*

The article considers toponyms of Karelia, which contain stems with the meaning “boat”. The author reveals a set of toponymic stems of Karelian, Russian and substrate origin, analyses them from the semantic and motivational perspective, identifies geographic objects whose names reflect information about water vehicles, interprets the toponymic areas of the revealed denomination models, and identifies possible motives for denomination. During the analysis, the author widely uses the field research card files of names of the Institute of Language, Literature and History (Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences), Toponymy of Karelia geographic information system (GIS), the database of the Ural University Toponymic Expedition (Ural Federal University, Ekaterinburg), mapping sources, and a number of dialectal dictionaries. The study demonstrates the areal confinement of certain toponymic stems. The Finnic model *Vene(h)-* is widely represented in the northern and central Karelia, and its absence in the south probably should be explained by the landscape features and the pattern of settlement along the river banks. The area of the *Иодей-* toponymic model of Russian origin has been revealed in Zaonezhye, which may be due to the specific type of boat brought here by the Novgorodians. Data from Toponymy of Karelia GIS, cartographic sources and the informants comments enable to determine the necessity of marking waterways or their important parts as a key factor for using lexemes meaning “boat” in the geographical names of Karelia.

Key words: Karelia, toponymy, toponymic stem, transportation means, boat, the Karelian language, the Russian language, the Finnic languages, substratum

* Financial support for research was provided to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences from the federal budget for the execution of the state task (project No AAAA-A18-118012490344-5).

REFERENCES

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОТОВ

кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой русского языка как иностранного, доцент кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

andrewcot1972@yandex.ru

«ВОЙНА И МИР ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЗГЛЯДА ИНОСТРАННЫХ И РУССКИХ СТУДЕНТОВ

Соотношение языка, мышления и культуры является одной из актуальных на протяжении многих лет лингвистических тем. Исследование посвящено сопоставлению одного из элементов речевого этикета русского и английского языков, отражающего разные этнокультурные и этноязыковые установки. Рассматривается соотношение таких понятий, как речевой этикет и вежливость, в контексте их этноспецифичности, включенности в языковую картину мира. Под *миром языков* понимается объединение людей для дружбы и сотрудничества, под *войной* – языковые и культурные барьеры, преграды, которые ставят язык и культура. В

и культур» [10], в которой обсуждаются различные вопросы теории и практики межкультурной коммуникации. Антонимическая пара *война* – *мир* имеет различные смысловые интерпретации в русской традиции; чтобы исключить множественность трактовок, приведем слова автора:

Предназначение этой книги – рассмотреть те преграды, которые язык и культура ставят на пути всех, кто стремится преодолеть языковые и культурные барьеры (*война*), чтобы объединить людей для дружбы и сотрудничества (*мир*) и предупредить о возможных опасностях, которые эта «борьба за мир»... может породить [10: 10].

Итак, *война* – это языковые и культурные барьеры, преграды, которые ставят на нашем пути язык и культура; *мир* – это объединение людей для дружбы и сотрудничества.

Язык и культура находятся в тесной и неразрывной связи, постоянном взаимодействии друг с другом; как указывал Э. Сепир, культура определенного этноса (общества) формируется с помощью языка, и мы не можем представить себе культурную специфику того или иного народа без учета данных языка, и наоборот. Это не подлежит сомнению. Однако не подлежит сомнению и то, что

успешность и эффективность межкультурного взаимодействия предопределяется не только знанием языка. Язык – лишь первое условие, необходимое для общения. Помимо языка, важно знать культуру народа, его традиции, ценности, понять его мировоззрение и мировосприятие, суметь посмотреть на мир его глазами [8: 19].

Успешная коммуникация без учета национально-культурной специфики невозможна даже при условии блестящего знания правил грамматики и владения лексикой, поскольку коммуникативное поведение в большей или меньшей степени (и в зависимости от конкретных прагматических условий протекания коммуникации) обуславливается и «регулируется национальными нормами и традициями, которые имеют глубокие исторические корни» [8: 19].

Т. В. Ларина, сопоставляя английскую и русскую лингвокультурные традиции, использует специальное понятие «*национальный стиль коммуникации*, или *коммуникативный этностиль*», который

формируется под влиянием социально-культурных отношений, культурных ценностей, норм и традиций, характерных для определенной культуры, особенностей национальной системы вежливости [8: 21].

На первый взгляд быть *вежливым в языке* представляется не столь сложным, вежливость тесно связана с речевым этикетом; речевой этикет определяется как

система специфических языковых знаков (слов, устойчивых словесных формул) и правил их употре-

бления, принятых в данном обществе в данное время с целью установления речевого контакта между собеседниками и поддержания вежливых, доброжелательных, дружеских или официальных отношений в соответствии с речевой ситуацией [3: 3].

Мы полностью соглашаемся с мнением Т. В. Лариной в том, что вежливость и речевой этикет *пересекаются, но не совпадают*.

Этикет – это свод коммуникативных норм и правил. Вежливость – это система коммуникативных стратегий и тактик, используемых в реальном общении и нацеленных на бесконфликтную коммуникацию и взаимопонимание. Вежливость включает в себя все то, что способствует гармоничному, бесконфликтному общению, несмотря на тот факт, что какие-то из ее элементов могут не являться (на определенном этапе или в конкретной коммуникативной ситуации) нормой, закрепленной этикетом [8: 167].

Как показывает практика, вежливость и речевой этикет при взаимном пересечении могут быть связаны с очень глубокими культурными различиями. Принятые на вооружение обществом этикетные языковые формулы, используемые в тождественных коммуникативных ситуациях, даже будучи схожими, могут существенно отличаться в восприятии носителями того или иного языка в разных культурных традициях. Это отчетливо демонстрирует следующий пример из практики преподавания русского языка иностранным студентам, послуживший отправной точкой проведенного нами исследования.

Уже более 10 лет Петрозаводский университет сотрудничает с программой академической мобильности RLUS (Russian Language Undergraduate Studies), в рамках которой студенты из Великобритании приезжают на четырехмесячную языковую стажировку (с сентября по декабрь). Это студенты, несколько лет изучавшие русский язык в Англии (обычно 2, реже 3 года) на специализированных славистических отделениях университетов, в основном из Университета Шеффилда, Манчестерского университета, Университетского колледжа Лондона, рета – Оксфорда и Эксетера. Это студенты, обучающиеся в Великобритании, но не всегда являющиеся англичанами, среди них – французы, испанцы, американцы, бельгийцы, выходцы из Восточной Европы, Индии и Афганистана. Уровень владения русским языком неоднороден – в зависимости как от университета, так и от конкретного студента, но среди приезжающих студентов всегда была определенная часть продвинутого уровня B1-B2. Как правило, такие студенты хорошо осведомлены в аспектах русского речевого этикета и не задают «стандартные» с точки зрения носителя иного языка, изучающего русский как иностранный, вопросы о соотношении этикетных форм «ты» и «вы» и проч.

Несколько лет назад одна из таких «продвинутых» английских студенток обратилась ко мне со странным, с точки зрения преподавателя и носителя русского языка, вопросом:

Андрей, я хочу понять. Что я должна сказать, если еду в троллейбусе и хочу выйти, впереди меня стоят люди. Обычно я говорю: *«Извините, я хотела бы выйти»*, но я думаю, русские меня не всегда понимают, потому что никак не реагируют. Моя русская подруга говорит, что правильно по-русски сказать: *«Вы выходите?»*. Как будет по-русски правильно?

Сама постановка вопроса, что в такой ситуации что-то может быть *правильно*, а что-то *неправильно*, показалась мне странной, и вопросы возникли уже с моей стороны. Памятуя о том, что отвечать вопросом на вопрос является в равной степени невежливым как в русской, так и в английской речевой культуре, я ответил, что фраза *«Вы выходите?»* является, по моему мнению, устойчивой, ее следует рассматривать как часть русского речевого этикета и что именно эта фраза обычно используется русскими в том случае, если они находятся в общественном транспорте и собираются выходить. Далее я задал студентке крайне важный для себя вопрос: а в чем вы видите разницу между фразами *«Извините, я хотела бы выйти»* и *«Вы выходите?»*. Ее ответ был примерно таким:

Разница в том, что, когда я сообщаю о своем желании выйти, я говорю о себе. Когда я спрашиваю кого-то (person), будет он / она выходить или нет, я спрашиваю о его / ее планах, о жизни (privacy).

Этот ответ удивил меня еще больше. Я сослался на то, что, поскольку фраза *«Вы выходите?»* является формульной и соотносится с определенным русским речевым ритуалом, то, задавая этот вопрос, мы, русские, не спрашиваем о жизни другого человека, не интересуемся его планами и никоим образом не хотим нарушить границы его *privacy*. Этот ответ ее вполне удовлетворил, но передо мной возникли два вопроса, на которые следовало дать ответ.

Вопрос первый: действительно ли фраза *«Вы выходите?»* является этикетной, свойственной русской речевой культуре?

Вопрос второй: если для английской студентки существует отчетливая разница между фразами *«Извините, я хотел бы выйти»* и *«Вы выходите?»*, то в чем она заключается и свойственна ли всем англичанам и / или зависит от особенностей воспитания и общей речевой культуры конкретного носителя языка?

Для ответа на первый вопрос были проведены лексикографические изыскания, в ходе которых выяснилось, что фраза *«Вы выходите?»*, активно используемая нами в повседневной коммуникации, получила лексикографическую фиксацию совсем недавно, причем очень непоследовательно. В 2011 году (на момент начала наших разысканий) она не фиксировалась ни «Словарем

русского речевого этикета» (и не фиксируется до сих пор), ни толковыми словарями в качестве устойчивого сочетания во фразеологической зоне или в качестве речения в статусе иллюстрации. Исключением на тот момент времени являлся лишь один необычный для российской лексикографической практики источник – «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Д. Дмитриева из серии «Словари Академии Российской», вышедший в 2003 году [11].

Его авторы характеризовали свой труд как

словарь активного типа, пользуясь которым, читатели смогут не только правильно понять услышанное или прочитанное, но и научиться грамотно строить фразы, не будут путаться в значениях слов [11: 5].

В указанном словаре в составе словарной статьи **Выходить** под № 4 приводится следующее толкование:

Если вы выходите из какого-либо транспортного средства в определенном месте, значит, вы покидаете это транспортное средство, когда оно доедет до этого места. *Вы на площади Репина выходите?* [11: 194].

На тот момент времени это была единственная обнаруженная лексикографическая фиксация фразы, которую я преподнес английской студентке в качестве формульно-этикетной.

Следующим по времени выхода и единственным на данный момент (известным нам) лексикографическим источником, фиксирующим вопрос *«Вы выходите?»* в статусе *разговорной формулы*, является «Активный словарь русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна (2014) [1]. Напомним, что цель его создания – обеспечить нужды говорения или нужды производства текстов.

Решение этой задачи достигается помещением в словарь возможно более полной информации обо всех существенных для правильной речи сторонах слова в каждом из имеющихся у него значений – его произношении и специфической просодии... закономерных видоизменениях его лексических значений и значений грамматических форм в разных контекстуальных условиях; его управлении в разных значениях, специфичных для каждого значения синтаксических конструкций, сочетаемостных свойствах в разных значениях, прагматических условиях его употребления и его «лексическом мире»... [2: 6].

Интересующая нас информация находится в специальной зоне комментариев словарной статьи **ВЫЙТИ**, приводим ее фрагмент:

выйти 1.1.

3. Суженные употребления в значении «выскаживаться из общественного транспорта в определенной точке маршрута»: *На конечной остановке все пассажиры вышли из автобуса*; также в разговорных формулах вида *Вы выходите? Вы на следующей (остановке) выходите? А перед вами выходят?* [обычно при перемещении в наземных транспортных средствах] [1: 423].

Еще одним известным нам лексикографическим источником, в котором фиксируется фраза *«Вы выходите?»*, является вышедший в 2017 году

«Большой универсальный словарь русского языка» [4]. В нем в составе словарной статьи ВЫХОДИТЬ в специальной зоне рецептивного (то есть предназначенного для пассивного использования) использования лексико-семантических вариантов размещен следующий специальный комментарий:

ВЫХОДИТЬ

• 1.0.1. Покидать транспортное средство, когда оно доезжает до определенного места, до определенной остановки. *Я выхожу на следующей остановке. Простите, вы у метро выходите?* [4: 175].

Таким образом, на основании приведенных лексикографических данных мы можем сделать вывод о том, что вопрос «Вы выходите?» является устойчивой разговорной формулой, используемой в русской речевой коммуникации в соответствующих ситуациях при перемещении в общественном транспорте. Мы не можем утверждать, что она входит в состав русского речевого этикета, но полагаем, что это вполне возможно в будущем.

Для получения ответа на второй вопрос был составлен специальный опросный лист на русском языке, английским студентам предлагалось заполнить его анонимно. При этом в расчет брались стереотипные представления носителя русского языка, изучавшего английский язык как иностранный, о том, что, во-первых, англичане трепетно относятся к личному пространству, и во-вторых, что в английской речевой культуре любое обращение следует начинать со стандартного *Excuse me...* Было решено проверить, насколько последовательно английские студенты будут использовать русский этикетный аналог. Приводим данный опросный лист.

Здравствуйте! Мы просим вас принять участие в небольшом лингвистическом опросе

1. Пожалуйста, внимательно прочитайте **описание ситуации**.

Вы находитесь в общественном транспорте (автобусе / троллейбусе/ трамвае, метро). Следующая остановка ваша, и вы должны выходить. Перед вами у выхода стоят другие пассажиры. Что вы скажете им, чтобы выйти?

2. Выберите **один из вариантов** предложенных ответов, **поставьте любой знак** в таблице. Если ни один из вариантов не подходит, **напишите**, пожалуйста, в **последних строках таблицы свой**.

1	<i>[Извините] Я хочу выйти.</i>	
2	<i>[Извините] Я хотел бы выйти.</i>	
3	<i>Вы выходите [сейчас / на следующей остановке]?</i>	
4	<i>Извините, я выхожу.</i>	
5	<i>Я выхожу.</i>	

3. Какой из вариантов вы **считаете невежливым**? Почему?

Спасибо за ваши ответы!

Полученные нами ответы крайне интересны и показательны с точки зрения того, насколько отличается у англичан (и не только у англичан, но живущих на протяжении нескольких лет в Англии и говорящих по-английски) восприятие и осмысление коммуникативного поведения в описанной ситуации. Приводим некоторые наиболее типичные варианты ответов (орфография и пунктуация оригинала сохранены; жирным шрифтом выделены ключевые, по нашему мнению, фрагменты ответов, которые могут нам помочь понять этнокультурную специфику соответствующего коммуникативного поведения).

1) «№ 2 лучше № 3, но я знаю, что **так говорят в России**. № 4 тоже хороший»

2) «В Англии обычно говорят **Извините**, я хотел бы выйти. Вопрос № 3 **невежливый**».

3) «*My answers to the questionnaire:*

Извините, я выхожу (я знаю, что это очень английский ответ). И я думаю, невежливый человек, кто-то эгоистичный, они говорят только о себе, они не заботятся о других людях.

4) «Вы выходите? – **это русский вопрос**».

5) «*Ответить на этот вопрос [вопрос № 3] мы должны рассказать о цели нашей поездке, о том, куда мы едем и кто нас ждет. Это невежливо, если вы не друзья.*

6) «**Спрашивать невежливо** я должен сказать что **я собираюсь делать**».

7) «Можно мне выйти?»

За несколько лет было опрошено около 50 английских студентов, приводим сводные данные в таблице.

Фраза	Английские студенты
1. <i>[Извините] Я хочу выйти</i>	4
2. <i>[Извините] Я хотел бы выйти</i>	17
3. <i>Вы выходите [сейчас / на следующей остановке]?</i>	5
4. <i>Извините, я выхожу</i>	20
5. <i>Я выхожу</i>	–
Собственный вариант	5
ВСЕГО	51

Полученные нами данные наглядно свидетельствуют о том, что для английских студентов, носителей английского языка и английской культуры (хотя бы и привнесенной, усвоенной извне), разница между фразами «*Извините, я хотел бы выйти*» и «*Вы выходите?*» является очевидной – хотя бы с точки зрения коммуникативных предпочтений. Ответ на вопрос о том, в чем эта разница состоит, содержится в интереснейшем исследовании Т. В. Лариной «Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация» (2013), приводим фрагмент из параграфа, который имеет символическое заглавие «Что такое личный вопрос?»:

Моя первая коммуникативная неудача, случившаяся много лет назад во время знакомства с Лондоном, произошла в метро. Тогда я не имела ни малейшего представления о том, что обычная им такая привычная для русского человека фраза, как *Вы сейчас выходите?*, в английском контексте может оказаться неуместной. Пассажир, к которому я обратилась с вопросом *Are you getting off?*, сначала проигнорировал его, а когда я задала вопрос снова, обернувшись, и, высоко подняв брови, посмотрел на меня с таким откровенным удивлением, что я поняла, что совершила какую-то серьезную ошибку. Поскольку сама я так и не смогла найти объяснение его неадекватному, на мой взгляд, поведению, я решила обратиться за разъяснением к хозяину... маленького частного отеля, где я остановилась. Но когда я описала ему ситуацию и попросила объяснить мне поведение пассажира в метро, на его лице появилось удивление еще большее, чем у того пассажира. Затем, даже и не пытаясь скрыть свое недоумение, он спросил меня, делая акцент на каждом слове: *«But why you should know that?»* (А зачем тебе надо было это знать?). Тут наступил мой черед удивиться. А точнее, обрадоваться. Его ответ объяснил мне многое, и я никогда не забуду этот урок. <...> Обычный русский вопрос оказался слишком личным в английском контексте. Задавая его, я неосознанно вторглась в личное пространство стоящего передо мной пассажира, как если бы вдруг спросила: *«Извините, а вы куда едете?»* или *«А зачем вы туда едете?»* и т. п. Нас бы такие вопросы тоже обескуражили [7: 19–20].

Эта ситуация почти зеркально соответствует описанному нами ранее случаю с английской студенткой с той существенной разницей, что студентка, будучи в России, изначально использовала русский перевод английского *«Excuse me. I am getting of»* на русский язык, а начинающий молодой исследователь Т. В. Ларина, будучи в Англии, использовала перевод русского *Вы выходите?* на английский язык. Заметим, что студентка в своей повседневной коммуникации пыталась использовать оба варианта и понять разницу между ними, в связи с чем и возник ее вопрос.

Совершенно очевидно, что для иностранных студентов, носителей английского языка, английского речевого этикета, привычное (и даже стандартное) для русских коммуникативное поведение в простейшей, на первый взгляд, ежедневной ситуации является не просто непонятным, но оценивается как неприемлемое, нарушающее рамки приличий, принятых в английской речевой культуре. Приводим еще один крайне интересный фрагмент из книги Т. В. Лариной, раскрывающий глубинные культурные, этноспецифичные различия в коммуникативном поведении русских и англичан:

Привычная русская фраза воспринимается англичанами... как личный вопрос и интерпретируется либо как вторжение в личную жизнь... либо как попытка познакомиться... По английским нормам поведения в подобной ситуации следует сказать *Excuse me* (Извините) или, если реакции не последовало, *Excuse me. I am getting off* (Извините, я выхожу). По-разному оформленные фразы имеют в данной ситуации одно и то же значе-

ние – предупреждение впереди стоящему пассажиру и просьбу посторониться. Интересно, что реакция на эти фразы, произнесенные в иных культурных контекстах, тоже практически одинаковая. Англичане, услышав в свой адрес *Are you getting off* (Вы сейчас выходите?), подумает: *«А вам какое дело?»*, русский, услышав сзади: *«Я сейчас выхожу»*, может отреагировать похожим образом: *«А мне какое дело?»* [7: 21].

Для того, чтобы выяснить, каким образом поведут себя в данной коммуникативной ситуации русские студенты (примерно того же возраста) и другие иностранные студенты, обучающиеся по обменным программам академической мобильности, мы использовали тот же опросный лист. Всего в нашем опросе приняли участие около 110 респондентов – примерно по 50 с небольшим русских и иностранных, учившихся в недавнем прошлом на филологическом факультете или обучающихся в Институте филологии ПетрГУ в настоящее время. Среди иностранных студентов около 50 человек – английские студенты (но необязательно англичане!), несколько китайцев и японцев (6 респондентов). Приводим наиболее интересные ответы (орфография и пунктуация оригинала сохранены, жирным шрифтом выделены ключевые фрагменты).

1) *«Я считаю, невежливым вариант ответа “Я выхожу”. Сложно объяснить, почему. Вариант с “извините” уже лучше. Люди могут тоже выходить и лучше спросить у них “Выходите ли вы?”».*

2) *«№ 1, № 2, № 5, потому что они довольно грубые, акцентируют внимание на своей персоне. Мне они кажутся некультурными».*

3) *«№ 1 (потому что “хочу” никого не волнует) № 2 (по той же причине)».*

4) *«1-й и 2-й не приемлемы, потому что никого не волнует, какое у Вас желание».*

5) *«Варианты 1, 2, 4, 5 я считаю невежливыми. Каждому из носителей языка приятно, когда учитывают именно его интересы. В предложенном списке этому соответствует только 3-й вариант».*

6) *«В общественном транспорте все вежливо».*

7) *«Учитывая устоявшуюся русскую ментальность, все фразы с личным местоимением 1-го лица “ощущаются” грубыми».*

8) *«Вариант 3 – самый подходящий. Если пассажиры выходят – то освобождается проход для меня. А если они не выходят – то надо попросить у них разрешение, чтобы мне выйти. Тогда им придется посторониться. В этом случае создаются некоторые неудобства» (ответ китайской студентки).*

9) *«Я выберу четвертый вариант “Извините, я выхожу”. Мой выбор основан на общий характер японцев. Японцы, даже если просьба очень маленькая, обязательно говорят “Извините” перед просьбой. И я думаю, что слово “Извините” поможет выразить свое уважение пассажирам, чтобы они приятно уступили выход» (ответ японской студентки).*

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство русских студентов отчетливо ощущают индивидуализм в коммуникативном поведении, эксплицируемый высказыванием *Я хочу / хотел бы выйти* (даже при наличии этикетной

формы извинения) и считают его *неприемлемым*, поскольку это *акцентирует внимание на личности говорящего*, вводит я-позицию и демонстрирует тем самым границы личного пространства, но никак не *учитывает интересы окружающих*. Не случаен следующий ответ «Каждому из носителей языка приятно, когда учитывают именно его интересы»; получается, что если для английских студентов использование адресантом вопроса *Вы выходите?* означает вторжение в личное пространство адресата, то для русских (и, как следует из материалов опроса, китайских!) студентов, наоборот, демонстрирует уважение к окружающим и готовность совершить совместные действия с тем, чтобы всем было комфортно. При использовании высказывания *Извините, я хочу / хотел бы выйти* возникает обратный эффект. Приводим сводные данные в таблице.

Фраза	Английские студенты	Русские студенты
[Извините] Я хочу выйти	4	–
[Извините] Я хотел бы выйти	17	2
Вы выходите [сейчас / на следующей остановке]?	5	38
Извините, я выхожу	20	9
Я выхожу	–	–
Собственный вариант	5	3
ВСЕГО	51	52

Завершая наш разговор, хотелось бы отметить, что разница в коммуникативном поведении в *простейшей повседневной ситуации* заключа-

ется, как справедливо замечает Т. В. Ларина, не в особенностях нашего языка (для русских – русского, для англичан – английского, для китайцев – китайского и т. д.), а в «коммуникативном сознании, которое сформировано культурой» [7: 21], в коммуникативных ценностях, которые свойственны данной культуре. (Под коммуникативным сознанием понимается «совокупность механизмов сознания человека, которые обеспечивают его коммуникативную деятельность» [7: 21]). Так, если англичанам свойствен индивидуализм, отчетливое ощущение, понимание и соблюдение личного пространства человека (что демонстрируют собранные материалы), то для русских оказывается неприемлемым, когда «акцентируют внимание на своей персоне», поскольку «*“хочу” никого не волнует*»; кроме того, русские готовы солидаризироваться в совместном действии: «*люди могут тоже выходить*».

В связи с этим уместно обратиться к такому недавно введенному в лингвистический оборот понятию, как *национальный стиль коммуникации*, в котором

отражаются коммуникативное сознание народа, его культурные ценности и традиции, и он должен быть объектом целенаправленного изучения и описания [8: 436–437].

Учитывая особенности национального стиля коммуникации, принимая во внимание этноспецифические черты национального речевого этикета и языковых параметров вежливости, принятых в определенной культурной традиции, мы избежим не только коммуникативных неудач, но и войны языков и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Активный словарь русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др.; Отв. ред. Ю. Д. Апресян М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. 408 с.; Т. 2. 736 с.
2. Апресян Ю. Д. Об активном словаре русского языка // Активный словарь русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др.; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. С. 5–36.
3. Балаклай А. Г. Словарь русского речевого этикета: Свыше 4000 этикетных слов и выражений. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2005. 681 с.
4. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Под ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века, 2017. 1456 с.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили. 2-е изд. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
6. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
7. Ларина Т. В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
8. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс»: «Универс», 1993. 656 с.
10. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: Учеб. пособие. М.: Слово, 2008. 344 с.
11. Толковый словарь русского языка: Ок 7000 слов. ст.: Свыше 35000 значений: Более 70000 иллюстрат. примеров / Под ред. Д. Д. Дмитриева. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. 1582 с. (Словари Академии Российской).
12. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. А. Бабаева и др.; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2000. 912 с. (Studia philological).

Kotov A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

“WAR AND PEACE OF LANGUAGES AND CULTURES” THROUGH THE EYES OF FOREIGN AND RUSSIAN STUDENTS

The correlation between language, mindset and culture has been a relevant linguistic subject for many years. The research focuses on comparing one of the speech etiquette elements of the Russian and English languages that reflects different ethnic, cultural and language assumptions. The author looks into the correlation between such concepts as speech etiquette and politeness in the context of their ethnic specificity and involvement in the language picture of the world. The *peace of languages* is understood as an association of people for friendship and cooperation, *the war of languages* – as a set of language and cultural barriers, which are put up by language and culture. In this regard the article investigates the features of communicative behavior of foreign (English) students who annually come to Petrozavodsk State University under the Russian Language Undergraduate Studies (RLUS) language training program, in comparison to the communicative behavior of Russian students in one standard situation of daily communication. The research uses data received by interviewing respondents during the period from 2011 to 2017 and makes conclusions about ethnic and cultural differences in the perception of an identical communicative situation by English and Russian students. Methods of semantic, pragmatic and lexicographic analysis are used. The relevance of a research is based on the need for studying the national style of communication – a concept recently introduced to the linguistic circles.

Key words: Russian as a foreign language, language and culture, speech etiquette, national style of communication

REFERENCES

1. Active dictionary of the Russian language / V. Y. Apresyan, Y. D. Apresyan, E. E. Babaeva, etc.; Ed. Y. D. Apresyan. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. Vol. 1. 408 p.; Vol. 2. 736 p. (In Russ.)
2. Apresyan Yu. D. Active vocabulary of the Russian language. *Active dictionary of the Russian language*. V. Y. Apresyan, Yu. D. Apresyan, E. E. Babaeva, etc.; Ed. Yu. D. Apresyan. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. Vol. 1. P. 5–36. (In Russ.)
3. Balaklaj A. G. Dictionary of the Russian speech etiquette: over 4000 etiquette words and expressions. Moscow, OOO Izdatel'stvo AST, OOO Tranzitkniga Publ., 2005. 681 p. (In Russ.)
4. Big universal dictionary of the Russian language. Pushkin State Russian Language Institute; Ed. V. V. Morkovkin. Moscow, Slovari XXI veka Publ., 2017. 1456 p. (In Russ.)
5. Humboldt V. von. Selected works on linguistics: translation from German. Ed. G. V. Ramishvili. 2-nd edition. Moscow, OAO IG "Progress" Publ., 2000. 400 p. (In Russ.)
6. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelyov A. D. Constants and variables of the Russian language picture of the world. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012. 696 p. (In Russ.)
7. Larina T. V. The British and the Russians: language, culture and communication. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013. 360 p. (In Russ.)
8. Larina T. V. Category of politeness and style of communication: comparative study of English and Russian linguistic cultural traditions. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009. 512 p. (In Russ.)
9. Sepir E. Selected works on linguistics and cultural science: translation from English. Ed. and introduced by A. E. Kibrik. Moscow, Izdatel'skaya gruppa Progress, Univers Publ., 1993. 656 p. (In Russ.)
10. Ter-Minasova S. G. War and peace of languages and cultures. Moscow, Slovo Publ., 2008. 344 p. (In Russ.)
11. Explanatory dictionary of Russian: over 7000 dictionary entries: over 35,000 meanings, over 70,000 illustrative examples. Ed. by D. D. Dmitriyev. Moscow, OOO Izdatel'stvo Astrel', OOO Izdatel'stvo AST Publ., 2003. 1582 p. (Slovari Akademii Rossiyskoy). (In Russ.)
12. Language picture of the world and system lexicography. V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan, E. E. Babayeva, etc., Ed. Yu. D. Apresyan. Moscow, Yazyka slavyanskikh kul'tur Publ., 2000. 912 p. (Studia philological). (In Russ.)

Поступила в редакцию 27.03.2018

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА КРИВОЩАПОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Специализированного учебно-научного центра, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)
insekt@yandex.ru

ТОПОНИМЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ СВАДЕБНЫХ ПРИЧИТАНИЯХ*

Рассматриваются топонимы и устойчивые словосочетания с топонимическим компонентом, функционирующие в севернорусских свадебных причитаниях. Автор характеризует топонимическое пространство свадебных lamentаций и отмечает, что набор географических названий в значительной мере определяется северным ареалом причети: в «поле зрения» фольклорного текста попадают такие топонимы, как *Петербург*, *Новгород*, *Вытегра*, *Каргополь* и др. Также отмечается, что причетное пространство гидроцентрично, что связано и с регионом, и с важной ролью воды в свадебном обряде. Особое внимание уделяется семантике оттопонимических прилагательных, включенных в состав устойчивых словосочетаний типа *крепости новгородских* или *железо вытегорское*. В большинстве случаев такие прилагательные выполняют функцию оценочной характеристики: они теряют свою географическую привязку и наделяются обобщенно-мелиоративными коннотациями, что обусловлено жанром свадебного плача: определения в словосочетаниях *саночки новгородские* и *ковры московские* становятся идеализирующими эпитетами, приобретая значение «самый лучший», при этом их топонимическая семантика практически полностью нивелируется. Однако автор считает, что следует более тщательно подходить к анализу семантики притчевых оттопонимических прилагательных, так как некоторые из них все же «помнят» свое географическое происхождение.

Ключевые слова: севернорусские свадебные причитания, ономастика, топонимия, семантико-словообразовательная деривация, текстовая семантика имени собственного

«Причитания Северного края», записанные Е. В. Барсовым в Олонецкой губернии во второй половине XIX века от заонежской вопленицы И. А. Федосовой, являются источником не только апеллятивной, но и ономастической лексики. Имена собственные, вкрапленные в тексты причитаний, играют в них особую роль и представляются интересными как с точки зрения лингвофольклористики, так и с позиций текстовой семантики имени собственного. Ознакомление с материалом показало, что наибольшее разнообразие имен собственных представлено в свадебных (а не похоронных или рекрутских) причитаниях, поэтому именно на них базируется настоящее исследование. Сбор корпуса словосочетаний с топонимическим компонентом осуществлялся по изданию: Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: В 2 т. Т. 2¹.

Имена собственные, встречающиеся в севернорусских причитаниях, изучались и ранее. Л. А. Воронова и Ф. С. Шапиро посвятили статью характеристике эстетических функций севернорусских топонимов в причитаниях И. А. Федосовой [1]. Т. Г. Иванова, опираясь на фигурирующие в причети названия географических объектов, предложила гендерный (женский) вариант характеристики пространства текста [3]. Язык «Причитаний Северного края» в целом, включая и ономастическую лексику, охарактеризован А. С. Гердом в статье «Язык причитаний Северного края» [2]. Тем не менее вопрос о месте

топонимов в текстах причитаний отнюдь нельзя считать исчерпанным.

Ономастический запас свадебных lamentаций составляют: антропоним (*Иван Семенович*), агнонимы (*Спас*, *Пречистая Пресвятая Богородица*, *Микола Угодник*), хрононимы (*Покров*, *Успенье*, *Стретье* и др.) и топонимы (*Русь*, *Новгород*, *Макарьев*, *Свирь-река* и др.). К топонимам приемыкают производные от них прилагательные (*московский*, *новгородский*, *вытегорский* и под.), которые входят в состав устойчивых словосочетаний (*колокольца питенбургские*, *румяна каргопольские*, *железо вытегорское* и др.). К словосочетаниям с топонимическим компонентом приравнены предложно-падежные конструкции *швейки из Москвы* и под.

Все топонимы и их континуанты, обнаруженные в свадебных причитаниях, представлены в табл. 1. Прокомментируем ее.

В первой колонке указаны топонимы, которые в той или иной форме встречаются в свадебных причитаниях. В скобках отмечено, сколько раз встречается в тексте тот или иной топоним или словосочетание с топонимическим компонентом. Некоторые географические названия (например, *Китай*, *Ярославль*, *Вытегра* и др.) выступают только в качестве производящих основ и в форме собственно топонима не встречаются. Таблица также позволяет увидеть, какие типы географических объектов «отмечены на карте» свадебных причитаний (страны, города, реки, монастыри).

Таблица 1

Топонимы	Континуанты топонимов
страны	
<i>Италия</i> (0)	<i>тальянские платочки</i> (1)
<i>Китай</i> (0)	<i>китаечка ярославская</i> (1)
<i>Шамах</i> (старинное название Азербайджана) (0)	<i>шелк шамахинский</i> (3)
<i>Левант</i> (общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция, Кипр) (0)	<i>платочки левантеровы</i> (6)
<i>Карелия</i> (0)	<i>(худые) санишки карельские</i> (1)
<i>Русь (подселенная)</i> (4)	
города	
<i>Ярославль</i> (0)	<i>китаечка ярославская</i> (1)
<i>Вытегра</i> (0)	<i>железо вытегорское</i> (1), <i>мылье вытегорское</i> (1), <i>шитье вытегорское</i> (1) <i>сын купча вытегорского</i> (1)
<i>Каргополь</i> (0)	<i>белила каргопольский</i> (2), <i>румяна каргопольский</i> (1)
<i>Питер</i> (1), <i>Питенбург</i> (0)	<i>колокольча питенбургский</i> (4), <i>мылья питенбургский</i> (4), <i>сукно питенбургское</i> (1), <i>купец питенбургский</i> (2)
<i>Новгород</i> (1)	<i>саночки новгородский</i> (1), <i>крепости новгородский</i> (1), <i>кузнецы новгородский</i> (1), <i>гребешок с Новгорода</i> (1), <i>зеркало новгородское</i> (1), <i>ковёр новгородский</i> (1), <i>башмачки козла новгородского</i> (1), <i>швейки из Новгорода</i> (1), <i>воточка с Новгорода</i> (1)
<i>Москва</i> (3)	<i>ковры московский</i> (1), <i>с Москвы плотнички</i> (2), <i>с Москвы швейки</i> (1)
реки	
<i>Волга-матушка</i> (1)	<i>сорочка с Волгу-матушку</i>
<i>Свирь-река</i> (1)	<i>матушка, быдто Свирь-река свирепая</i>
озера	
<i>Белоозеро</i> (1)	<i>сорочка с Белоозеро</i>
<i>Ладожско</i> (1)	
<i>Онегушко (славное, синее, славно-синее)</i> (20)	
монастыри	
<i>Пальеостров</i> (2), <i>Салосом</i> (1)	
<i>Макарий</i> (5)	
Итого: задействовано 20 топонимов	30 словосочетаний с топонимическим компонентом

Скажем несколько слов о топонимическом пространстве свадебных причитаний. Материал показывает, что причетное пространство, обозначенное топонимами, можно охарактеризовать как региональное, свободно включающее населенные пункты (*Палеостров*, *Вытегра*, *Каргополь*) и водные объекты (озеро *Ладожско*, река *Свирь*) своего края. Отбор топонимов, безусловно, связан с севернорусским ареалом свадебной причеты. При этом остаются востребованными и топонимы, характерные для общефольклорного пространства: *Русь*, города *Москва*, *Новгород*, *Петербург*, *Макарьев*, река *Волга*.

Центральный объект причетной традиции Олонецкой губернии – водный, и это *Онежское озеро* (*Онегушко*, которое наделяется эпитетами *славное* и *синее*). *Онегушко* оказывается символом иного мира: девичья «воля» отправляется искать себе место *за Онегушко*, озеро (часто оно называется *морем*) воплощает и разрушительное

начало: *сине-славное Онегушко* способно *утащить блада сына отечского* и унести *парную баенку*, в которой моется невеста. Дополняет эту картину *Ладожско великое, сердитое* и *свирепая Свирь-река*, в него впадающая. *Сорочка* шириной *с Белоозеро*, очевидно, «захожий» образ: озеро находится в соседней Вологодской губернии. С водой связаны и топонимы *Пальеостров*, *Салосом* и *Макарий*. В Палеостровском монастыре невеста добывает святую воду для умывания. Рядом с монастырем находилось и *становищечко* (то есть стоянка) рыбаков *во Салосом*, упомянутое в тексте (она была расположена на острове Клим-гора на Онежском озере около часовни Зосимы и Савватия). В баенных плачах традиционно упоминается *Макарий на желтых песках*, то есть Макарьевский монастырь (город *Макарьев*), где, по преданию, основателем обители Макарием был вырыт колодец, вода которого считалась святой и называлась макарьевской.

Табл. 2 показывает, как в количественном отношении распределяются топонимы и словосочетания с топонимическим компонентом. Даже с учетом погрешности объема частей видно, в каких разделах преобладают искомые элементы. Это сговорные плачи, баенные вопли и приезд жениха и поезжан. Преобладание гидронимов и топонимов, связанных с водой, в баенных воплях обусловлено водоцентричностью этого этапа свадебного обряда (баня моется святой ключевой водой с *Макария* и *водушкой медвяной* с *Палье-острова*, *воля* отправляется искать себе место за *Онегушко*). Что же касается словосочетаний с топонимическим компонентом, то они появляются строго в тех сюжетных узлах, где описывается материальное обеспечение, достойное порядочной невесты: это могут быть подарки жениха, предлагаемые на сговоре (и вообще – приданое), одежда невесты, ее банные принадлежности и под.

Таблица 2

1. Плачи сговорные	15
2. Плачи бесёдные	0
3. Плачи гостибные	10
4. Плачи на спускание воли	4
5. Баенные вопли	24
6. Плачи при съезде гостей	5
7. Утром в свадебный день	8
8. Плачи, величания, укоризны при собирании помочи	1
9. Приезд жениха и поезжан	12
10. Плач невесты-сироты	0

Табл. 3 демонстрирует, какие предметные сферы охватывают словосочетания с топонимическим компонентом (предметы девичьего туалета, ткани, напитки и проч.). Мы видим, что кроме материальной сферы присутствует идеограмма «человек», куда попадают мастера, создающие предметы быта, и жених, сын петербургского (или новгородского) купца.

Таблица 3

Тематическая группа		Примеры
Человек	купец кузнец (кузница) плотник швея	<i>сын купца питенбургского</i> <i>железо кузнец новгородских</i> <i>с Москвы плотнички</i> <i>швейки из Москвы,</i> <i>швейки из Новгорода</i>
Предметы девичьего туалета	платок румяна, белила мыло зеркало	<i>платок левантеровый</i> <i>платок тальянский</i> <i>румяна каргапольский</i> <i>белила каргапольский</i> <i>мыльа вытегорский</i> <i>мыльа питенбургский</i> <i>зеркало новгородское</i>
Ткани	шелк, хлопок, сукно, шерсть ковер	<i>шелк шамахинский</i> <i>китаечка ярославская</i> <i>сукно питенбургское</i> <i>козел новгородский</i> <i>ковры московский</i> <i>ковер новгородский</i>
Материалы	железо	<i>железо вытегорское</i>
Напитки	водка	<i>воточка с Новгорода</i>
Транспорт	сани, колокольчики	<i>(худые) санишки карельские, саночки новгородский</i> <i>колокольча питенбургский</i>
Строения	крепость	<i>крепости новгородский</i>

Перейдем наконец к семантической характеристике прилагательных в составе словосочетаний с топонимическим компонентом. Комментируя некоторые оттопонимические прилагательные, К. В. Чистов пишет, что их не следует понимать буквально (то есть топографически) – он справедливо считает их идеализирующими эпитетами. Например, поясняя фрагмент текста, где сват *сулит* брату невесты *саночки новгородский* и *модных ковров московский*, исследователь отмечает, что эпитеты «новгородские» и «московские» здесь имеют идеализирующий характер, очевидно, реализуя значение «самый лучший» (Барсов: 552). Однако нам видится, что семантика подобных топонимических эпитетов не так монолитна, как

кажется на первый взгляд. И если мы сравним словосочетания *крепости новгородский* и *саночки новгородский*, то увидим, что прилагательные в них реализуют не совсем одно и то же значение.

Мы попробовали разделить словосочетания с топонимическим компонентом на несколько групп, в зависимости от семантики присутствующих в них прилагательных. Кроме того, мы попытались ранжировать анализируемые конструкции по степени проявления исходного топонимического значения.

В первую группу вошли словосочетания, в которых прилагательное сохраняет (хотя и в незначительной степени) исходное топонимическое значение, ср., например, *железо-то ведь было*

вытегорское, и было славных кузнец новгородских (Барсов: 362). Речь здесь идет о железных петлях на двери в баню, которые вполне могли быть куплены (или даже выкованы) в Вытегре. *Мылья* тоже вполне могли быть *вытегорские*. К. В. Чистов пишет, что «мыло в пределах губернии варили при нескольких салотопных и кожевенных заводах» (Барсов: 579–580).

Невеста предлагает жениху подарить своим тетушкам по *китаечке да ярославской. Китаечка* ‘простая бумажная ткань, обычно желтого или желтоватого цвета’² < *Китай*. Присутствие определения *ярославская* показывает, что внутренняя форма лексемы *китаечка* стерлась и потеряла связь с Китаем. Топоним *ярославская* вряд ли является идеализирующим: Ярославская большая мануфактура существовала с XVIII века, была второй по значимости в России и работала с завозным сырьем, поэтому *китаечка ярославская* вполне могла быть ярославского происхождения.

Жених и поезжане появляются на *хуудых санишках карельских* (которые, кстати сказать, противопоставлены обещанным на сговоре *саночкам новгородским*). Вероятнее всего, здесь имеется в виду просто вид саней с креслом (кордь?), кузовом для пассажиров и высокими бортами, ср. олон. *сарельские сани (санишки)* ‘вид саней’: *Что конишечки стоят да призаезжие? Что санишечки стоят да вот карельские?* (СРНГ: 13, 87)³. Присутствие эпитета *худые* тоже подтверждает, что *карельские* – отнюдь не идеализирующий эпитет.

Вторая группа – словосочетания с топонимическим компонентом, в которых прилагательные действительно выступают в роли идеализирующих эпитетов и напрямую не связаны с производящим топонимом, хотя во внутренней форме он легко читается. Значение этих прилагательных можно определить как «столичный, дорогой, самого лучшего качества». Сюда попадают словосочетания с прилагательными *новгородский* (с *Новгорода*), *московский* и *питенбургский*. Все они содержат (в большинстве случаев) мнимое указание на место производства изделия (вот *точка с Новгорода*), а также его оценку, включающую признаки «качественное», «дорогое», «праздничное», «привезенное из столицы», «фабричное» (применительно к тканям). При этом все топонимические значения объединяются в сему «высокого качества, лучший». Приведем комментарий К. В. Чистова: «Эти строки [*Мылья (т. е. мыло) питенбургские и вытегорские, так же как и белила-румяна каргопольские и часторыбей гребешек да с Новгорода*] – поэтическое преувеличение, так как никаких торговых рядов в Кузаранде не было. Их не следует понимать буквально. Эта формула (Петербург – Вытегра – Каргополь – Новгород) должна была указывать на то, что невеста к бане будет обеспечена всем,

что только можно купить в ближайших, по представлению Федосовой, торговых городах» (Барсов: 579–580). В скобках заметим, что значение «столичного, т. е. отличного качества», развивается у этих прилагательных и в лексике: *нижегор. московская рубашка* ‘нарядная рубашка с коленкоровыми белыми рукавами, монжетами и кружевами’ (СРНГ: 18, 285), *питерский гриб* ‘белый гриб’ (СРГК: 4, 521)⁴. У прилагательного *новгородский* в лексике такое значение отсутствует, а вот в причитаниях эта сема актуализируется достаточно часто.

Связь с Питером – прерогатива жениха (это его пространство). Сам жених – *сын купча питенбургского* (варианты: *вытегорского, богатого, пребогатого, из-за морьца*). Поезд набран *молодцев, кои в Питере бурлакушки бываюца*. О приближении жениха всякий раз сигнализируют *колокольца питенбургские*.

О потере топонимического компонента значения сигнализирует и взаимозаменяемость эпитетов в составе одних и тех же словосочетаний (*швийки из Москвы – швийки из Новгорода; ковер новгородский – ковры московский; сын купча питенбургского – сын купча вытегорского*), по сути, они становятся синонимами. Устойчивые словосочетания с топонимическим компонентом могут становиться в ряд с другими сочетаниями, содержащими постоянные мелиоративные эпитеты, что тоже свидетельствует об их переходе в статус качественных прилагательных (*саночки самокатные, саночки дубовые, саночки новгородские – худыи карельские*).

В третью группу вошли словосочетания, прилагательное в которых потеряло связь с топонимом на уровне внутренней формы, ср. *платочки тальянские, платочки левантеровы, шелк шамхинский*. Прилагательные здесь стали постоянными фольклорными эпитетами с общим значением «привозные, заморские» (в этом же ряду *камка заморская* – речь идет о шелковой ткани с узором из вертикальных полос).

Итак, причетное пространство, обозначенное топонимами, регионально (на карте причети обозначены как реальные местные объекты, так и реально-символические, существующие в действительности, но воспринимаемые достаточно абстрактно).

Причетное пространство гидроцентрично, что связано и с регионом, и с важной ролью воды в свадебном обряде.

Устойчивые словосочетания с топонимическим компонентом реализуют в текстах причитаний архаичную семантическую модель, основанную на том, что территориальная привязка объекта (чаще всего место изготовления товара) связывается в сознании с представлением о его качестве, ср. *дамасский меч*. На этом и в прошлом, и сейчас построено формирование территориальных торговых марок, ср. *вологодское*

масло – масло высокого качества. Место производства оказывается гарантом качества. Что же касается причети, то здесь такое развитие значения диктуется самим жанром, для которого облигаторным является поэтическая идеализация. Употребляясь в составе устойчивых словосочетаний, оттопонимические прилагательные выполняют функцию оценочной характеристики: они теряют свою географическую привязку и наделя-

ются обобщенно-мелиоративными коннотациями, приобретая значение «самый лучший», при этом их топонимическая семантика практически полностью нивелируется. Однако необходимо заметить, что нужно более тщательно подходить к семантике оттопонимических прилагательных в составе устойчивых словосочетаний – не все они оказываются втянутыми в семантическое поле «продукт высшего качества».

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: В 2 т. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов; Отв. ред. А. М. Астахова. СПб.: Наука, 1997. (Литературные памятники). В круглых скобках – Барсов, через двоеточие – страницы.
- ² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. М.: TERRA, 1880–1882 (1994). Т. 2. С. 112.
- ³ СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (Вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (Вып. 23–42); С. А. Мызников (Вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–. В круглых скобках через двоеточие – страницы.
- ⁴ СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. В круглых скобках – СРГК, через двоеточие – страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронова Л. А., Шапиро Ф. С. Эстетические функции севернорусских топонимов в причитаниях И. А. Федосовой // Проблемы русской ономастики. Вологда, 1985. С. 146–153.
2. Герд А. С. Язык «Причитаний Северного края» // Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: В 2 т. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья. Примечания / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1997. С. 603–619.
3. Иванова Т. Г. Топонимы в севернорусских причитаниях: женский взгляд на пространство // Русский Север: утопии и мобильности: Четвертые научные чтения памяти К. В. Чистова: Тез. докл. СПб., 30 октября – 1 ноября 2017 г. / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2017. С. 15–18.

Krivoschchapova J. A., Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)

TOPONYMS IN THE WEDDING LAMENTATIONS OF THE RUSSIAN NORTH*

The article refers to toponyms and idioms with toponymic components present in the wedding lamentations of the Russian North. The author characterizes the wedding lamentations toponymic space and highlights the influence of the northern area of the lamentations functioning on the set of toponyms: the folklore text embraces such toponyms as *Saint-Petersburg*, *Novgorod*, *Vytegra*, *Kargopol*, etc. The space of the lamentations is also hydrocentric, which can be explained by the peculiarity of the region and the significant role of water in wedding ceremonies. Special attention is paid to adjectives, derived from toponyms, such as *крепости новгородские* (“the fortresses of Novgorod”) or *железо вытегорское* (“the iron of Vytegra”). Generally, these adjectives function as a characteristic of an object. They lose their geographic references and receive general meliorative connotations, which is determined by the lamentation genre itself: attributes in collocations *саночки новгородские* (“sleds from Novgorod”) or *ковры московские* (“carpets from Moscow”) become idealizing epithets meaning “the best”, and their geographical references almost disappear. However, the author considers it important to analyze the semantics of toponymic derivatives in lamentations more carefully, as some of them “remember” their geographic origins.

Key words: Russian northern wedding lamentations, onomastics, toponyms, semantic and word-forming derivation, text semantics of proper names

* The study is supported by the Russian Science Foundation grant “North-Russian Vocabulary and Toponymy through Language Contacts and Genetic Ties” (project No 17-18-01351).

REFERENCES

1. Voronova L. A., Shapiro F. S. Russian northern toponyms functions in Irina Fedosova's wedding lamentations. *Problemy russkoy onomastiki*. Vologda, 1985. P. 146–153. (In Russ.)
2. Gerd A. S. The language of the “Northern Lamentations” *Prichitan'ya Severnogo kraya, sobrannye E. V. Barsovyim: V 2 t. T. 2. Rekrutskie i soldatskie prichitan'ya. Svadebnye prichitan'ya. Primechaniya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. P. 603–619. (In Russ.)
3. Ivanova T. G. Toponyms in the Russian northern lamentations: women's view on space. 4th scieint. conf. in honor of K. V. Chistov. Saint-Petersburg, the 30th of October – the 1st of November 2017. St. Petersburg, 2017. P. 15–18. (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.03.2018

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
posnm87@bk.ru

БЕЛОМОРЬЕ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО, ЭТНОКУЛЬТУРНОГО И АРЕАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА*

Используя материалы лексикографических источников и исследований особенностей беломорских говоров, автор описывает некоторые группы слов и отдельные лексические единицы, которые являются значимыми в историческом, этнокультурном и ареальном аспектах. В центре внимания – лексика, отражающая своеобразие природы и быта жителей Беломорья, которое обусловлено длительными языковыми и культурными контактами русского населения, пришедшего на Белое море в основном из Псковской и Новгородской земель. В качестве значимой для решения вопроса о формировании лексического состава говоров Беломорья выделяется группа слов с начальным сочетанием *ке-*, часто являющимся приметой иноязычного происхождения слова. Пример *кеж*, имеющий соответствие *цеж*, ярко демонстрирует исторические связи Пскова и Беломорья. Среди многих слов, свидетельствующих об обособленности беломорских говоров, в этимологическом плане интересна лексема *прихихотье*. Ставится задача изучения беломорской лексики в разных аспектах.

Ключевые слова: севернорусские говоры, диалектная лексика, этноязыковые контакты, этимология, Белое море

Важнейшим свидетельством процессов исторического и этнокультурного значения, происходящих с древнейших времен на западной территории Российского Севера, – миграционных потоков разных групп населения, социально-экономических изменений, обусловленных как природными условиями, так и социальными катаклизмами, межгосударственными отношениями, жизненного уклада местного населения, свидетельством своеобразия природы региона – является язык. Все находит отражение в языке, и особенно ярко это проявляется в лексике и ономастике региона.

Рассматривая вопрос о формировании говоров Беломорья, А. С. Герд приходит к выводу о том, что лексические данные беломорских говоров в их географических связях свидетельствуют об интенсивности славянского (новгородского) движения на север, при этом отмечает «обособление тех или иных зон, происходившее в условиях встреч и симбиоза с прибалтийско-финскими диалектами, в условиях многовекового этнографического и языкового смешения» [2: 99]. Выявляя этнолингвистическую историю говоров Беломорья с опорой на их ареальные лексические связи с другими зонами русского языка, А. С. Герд приходит к выводу о том, что на эту территорию в одинаковой степени проникали и новгородцы, и ростово-суздальцы, что,

расселяясь по берегам Белого моря, в устьях больших рек, русские создали постепенно здесь тот особый, несколько обособленный этнолингвистический мир, который удивляет нас и сегодня [2: 101–102].

Ранее исследователь лексики беломорских актов XVI–XVII веков И. А. Елизаровский писал о хронологической многослойности беломорской лексики [6: 172], отражающейся и в живой речи жителей Беломорья в XX веке, в частно-

сти в сохранении заимствований из карельского, вепсского, коми, ненецкого языков [6: 234–235]. Среди причин заимствований в севернорусские говоры, прежде всего из финно-угорских языков, А. И. Федоров отмечает необходимость обозначить понятия новой для русских переселенцев географической среды [15].

Материалы словарей, описывающих лексику Беломорья, отражают самые разные стороны жизнедеятельности человека и окружающего мира, мировосприятия поморов, во многом обусловленное историческими событиями прошлого, древними миграционными процессами, длительным соседством с народами Севера, своеобразием северной природы, суровыми условиями существования. Характеризуя обособленность лексического состава говоров Беломорья, выделим некоторые группы слов и отдельные лексические единицы, которые являются значимыми в историческом, этнокультурном и ареальном аспектах.

Природа края в вербальном отражении представлена разными по происхождению словами. Например, среди названий мелей наряду с русскими словами *водопоймина*, *коса*, *набой*, *осередок* используется много финно-угорских заимствований: *нюра*, *кошка*, *чюра*, *корга*, *луда* и др. [14]. Внешне совпадающее с русским слово *кошка* ‘песчаная мель’ происходит из саамского *koške* ‘сухой’, имеет производное слово, возникшее по русской модели, – *закошечье* для обозначения границы обсыхающей части суши при отливе. Речь жителей Терского берега не лишена образности: «Милость Божья» – о сильном снеге, метели или дожде, «моряна запела», «кошка шумит» – о шуме приближающегося шторма [8], хотя последнее изначально не содержит образного компонента.

В речи поморов совмещается субстратная лексика разного происхождения, например, «Во время куйпоги по кечкаре ходили, и я чуть в няшу не провалилась» Сумский Посад: *куйпога* – ‘отлив’ из фин. *kuiva pohja* ‘сухое дно» (Фасмер. Т. 2: 403)¹, *кэчкара* ‘низкий топкий берег у моря, поросший травой и заливаемый водой во время прилива’ Белом., Онеж. (СРГК. Вып. 2: 342)²; ‘песчаный некаменистый морской берег’ Арх. – из карельск. *ketčerä* ‘небольшая возвышенность на болоте» (Фасмер. Т. 2: 227), *няша* – ‘вязкий илистый берег или дно озера, реки и т. д.’ Белом. – из саам. норв. *njéšše*, саам. тер. *niešše* ‘грязь, мусор’ (Фасмер. Т. 3: 95).

В некоторых семантических группах преобладает русская по происхождению лексика, например, ветер обозначается разными словами в зависимости от мотивировочной основы: *восток, голомянник, запад, заморозник, лётник, моряна, обедник, огибняк, отрывной, поберёжник, поветерь, полуночник, русский вётер, север, шелоник*. С названием попутного ветра *фёрдевинт* (из голландского *voor de wind* ‘под ветром’ (Фасмер. Т. 4: 202)), известного морякам Белого моря, связано выражение *дать фёрдовень* ‘побить, наказать’ (СРГК. Вып. 6: 686).

Для решения вопросов о путях формирования лексического состава говоров Беломорья, как и других говоров Севера, показательным является наличие или отсутствие в говоре начальных *ке-* и *це-* в словах одинаковой семантики, имеющих единый этимон (типа *кедить* и *цедить*, *кеп-* и *цеп-*). Отсутствие слов с начальным *це-* в языке (не только в говоре) – примета иноязычного происхождения слова, наличие – признак принадлежности к славянской лексике. В связи с этим важно выявить состав слов с начальным *ке-* в словарях, описывающих лексику Беломорья. По данным А. Подвысоцкого, к беломорским относятся слова: *кебрик* (и его производные), *кегоры*, *кеж*, *кейкало*, *кекос* и *кесос*, *кекур*, *келить* и *кялить*, *келк*, *келок*, *кентать*, *керёжа*, *керечана*, *керч*, *керча*, *кехтать*, *кечкара* – 1885 год³. С ними частично совпадает лексика словаря И. М. Дурова: *кебрюшка*, *кережа*, *керча*, *кехтать*, *кечкара*, в него включены образования от ранее зафиксированных слов: *кережник*, *кережничанье* и новые слова: *келейка*, *кепать*, *керейдать* – 1934 год [5: 166–167]. И. С. Меркурьев своими материалами показал устойчивость многих слов с конца XIX века: *кебрик*, *кегора*, *кеж*, *кейкало*, *керёжа*, *керёжка*, *керпач*, *керча*, *керчак*, *кехтать*, *кечкара*, новые – *кебалло*, *кежня*, *кезровый*, *кейва*, *кемча*, *кенги*, *кера* (вариант к *керчак*), *керчи*, *керогаз*, *керогазка*, *керосинник* – 1995 год (СРГК. Вып. 2: 338–342). С. А. Мызников, помимо ономастических единиц

с *ке-*, отметил лексемы: *кебрик* (и вариант *кебряк*), *кегора*, *кентать*, *керёжа*, *керкуй*, *керпач*, *керча* и *керчак*, *керчи*, *кехтать*, *кечкара*, добавил *кейтовать*, *келя*, *кенги-упаки*, *кезровый* – 2010 год [13: 146–148]. И. И. Мосеев приводит всего 5 слов: *кебрик*, *кегора*, *кедовьё*, *кежа*, *керёжа* – 2005 год [12: 170]. Н. Д. Кушков даёт *кебрик*, *кегора*, *кейвы*, *кейкало*, *кейтовать*, *кельчик-мельчик*, *кентовать*, *керёжа*, *керёжка* – 2011 год [8: 48–49]. В «Сказе о Беломорье» К. П. Гемп удалось обнаружить несколько слов с начальным *ке-*: *кекур*, *кечкара*, *кенги*, *кеж*, – всего 4 слова – XX век [1: 289, 450].

Преднамеренная подача относительно полного списка лексем с начальным *ке-* в лексикографических источниках по беломорским говорам с указанием года их выхода даёт возможность исследователю определить степень устойчивости лексических единиц, с одной стороны, и увидеть обновление диалектной лексической системы в описываемом сегменте, с другой, наблюдать динамические процессы в говоре на уровне лексики. При этом, разумеется, надо иметь в виду некоторую несоразмерность материалов лексикографических источников, обусловленную избранной территорией описания, например, Терский берег и Беломорье в целом, а также количеством собирателей лексики для словаря (ср. авторские словари и СРГК).

Представленные выше сведения показали, что среди устойчивых с середины XIX века по настоящее время лексем большинство иноязычного происхождения, только слово *кеж* и производное, опосредованно связанное с ним *кежня*, служащее для обозначения толстого неповоротливого человека (от *кежня* ‘квашня’) в беломорских говорах (СРГК. Вып. 2: 339), относятся к славянским, не испытавшим общее славянское изменение – вторую палатализацию. Связь данного слова с псковскими говорами очевидна, хотя и не является непосредственной. Древность данного явления не подлежит сомнению.

Северо-западному и северному слову *кеж* противостоит общерусское *цеж* ‘жидкий процеженный раствор овсяной муки, на кисель’; *цёжа* пск., твер. ‘забелка, или приправа ко шам, из заболтки овсяной муки’ (Даль. Т. 4: 576)⁴.

Ареальное противопоставление древненовгородского начального *ке-* (*къл-*, *кълд-*, *кълв-*, *кълп-*, *хълр-*) и южного/юго-восточного начального *це-* (*цъл-*, *цълд-*, *цълв-*, *цълп-*, *стър-*) в пределах восточнославянского диалектного континуума [7: 221] основано на отсутствии преобразования индоевропейского сочетания заднеязычного согласного с гласным *ъ* дифтонгического происхождения, объясняемом влиянием соседних прибалтийско-финских языков [4: 42].

Слово *кеж* ‘овсяный раствор для киселя’ относится к собственно псковским из **knyditi*, в говоры Ладого-Тихвинской группы северного наречия проникло из псковских диалектов [3: 189], как и в некоторые другие севернорусские говоры. О связях беломорской территории с древней новгородско-псковской землей, безусловно, слово *кеж* выступает как неопровержимый свидетель. Во

второй половине XX века кольские поморы слово *кеж* 'приготовленный на холодной воде мучной раствор' воспринимали как устаревшее [11: 64].

В поморских говорах семантика слова *кеж* несколько изменилась, хотя и сохранила основную сему: *кеж* 'сок из брусники, клюквы, черники, употребляемый для приготовления киселя, желе' [6: 193]. *Кеж* 'сок ягод' стало основой новой лексемы – *кежный* 'приготовленный из ягодного сока':

Кежный чай – кипяток с ягодным соком, ране вместо китайского пили. *Кежный* кисель – кисель из сока ягод. *Кеж* малиновый – перво лекарство. Брусника для *кежа* больно хороша, не бусует она. *Кежный* кисель из ягод смородиновых да из клюквы хорош [1: 464].

Большинство беломорских слов на *ке-* относятся к субстратным, ср. данные М. Фасмера:

кэбрик 'поплавок, свернутый из бересты' из карел. *käbrü*, фин. *käprü* 'то же', *кэгора* 'пастбище для оленей' из фин., карел. *kiekerö* 'то же', *кэйкало* 'деревянная дощечка со знаком владельца, висящая на шее оленя' из саам. *kéuyal* 'то же', *кэреж*, *керёжа*, *кэрес* 'саам. сани' из саам. *kierres* 'то же', *кэхтат* 'иметь желание, охоту к чему-л.', 'смекасть, понимать, уметь' из карел. *kehtoa*, фин. *kehdata* 'считать достойным труда, заботиться' (Фасмер. Т. 4: 220–227).

Привлекает внимание своеобразный земельный термин *чищемёнь* 'площадь из-под срубленного и очищенного от корневищ леса, подготовленная под пашню или луговину' [1: 383], свидетельствующий о подсечно-огневом земледелии в Беломорье. Данное слово интересно в словообразовательном отношении, так как совмещает в своем составе русский корень и формант, имеющий прибалтийско-финскую этимологию [10: 203–206].

Кемским говорам известно слово *бáндить* 'быть мягким, хорошо поднявшимся (о пропеченном хлебе)' (СРГК. Вып. 1: 37), связанное корневой морфемой и семантикой с белорусскими словами *бáнды*, *бáндэ*, *бáнда* 'булочка из пшеничной муки, обычно круглая; печеный хлеб', с польским *bonda* 'буханочка хлеба, булочка', которые, в свою очередь, восходят к литовскому *bandà* 'буханка, каравай хлеба' [9: 9–10]. Надо полагать, что с псковско-новгородским колониционным потоком литовское слово с сохранившейся семантикой дошло до говоров Беломорья.

Печига 'длинная продолговатая ладка для запекания рыбы': *В печиге рыбу с головой и хвостом запекают, без потери рыбьего вкуса поспевают* [1: 457], по имеющимся данным, не отмечено другими словарями.

Саженик 'женский головной убор: головная повязка, украшенная, кроме вышивки, еще и жемчугом и драгоценным камнем' известно было в Беломорье в начале XX века [1: 453]. Производным является слово *сажать* 'вышивать, отделывать чем-н.' Севмор. (СРГК. Вып. 5: 622), ср.:

У деревенских-то девиц головны повязки сажены жемчугом. Старинны они, от баушек. – Сюзьма, 1910 год; У кого жемчуга в семье есть, те не скупятся невесте саженик украсить. Сажают и жемчужок, и каменья. Сюзьма [1: 453].

Некоторые данные позволяют расширить сведения о географии бытования слова: *лопотистый* 'имеющий много одежды' Перм., Урал., Вят., Сиб. (СРНГ. Вып. 17: 140)⁵, ср. беломорское *лапотистая* 'обеспеченная одеждой': *Лапотистая она, да нехозяйственная, дом не в приборе. Лапотье, видать, родители наживали, за их спиной жила* [1: 451].

К. П. Гемп приводит лексемы *прихоть* – о ком-, чем-либо любимом, нравящемся, приглянувшись и *прихотыще* – об избранном:

Прихоть-то мое не торопится сватов слать, то и тоска мне, батюшка поглядывает строго, Парень мне давно глянулся, а он и посватался. Теперь он прихотыще мое, все знают. Зарученье будет, женихаться станем [1: 527].

В селе Сумский Посад Беломорского района И. М. Дуров зафиксировал фонетический вариант: *прихотье* 'незадачливый жених, не нравящийся родственникам ухажер или жених', 'сожитель у замужней женщины, женатый ухажер у девушки' [5: 341]. В слове *прихотье* (*прихотье*) предположительно выделяется приставка *при-* и суффикс *-(о)тj-*, корневая морфема вызывает затруднения как в формальном, так и в этимологическом плане. В поиске ответа помогает наличие в прибалтийско-финских диалектах слов *prikosa*, *priha* – вариантов заимствования русского слова *пригожий*⁶, употребляющегося преимущественно в народной поэзии. Наблюдается непосредственная связь слов *прихотье* и *priha*, однако очевидны сложные процессы адаптации русского слова в прибалтийско-финской языковой среде и возвращения его в родную стихию (обратного заимствования). При вхождении в неродственную языковую систему слово обычно меняет форму, подчиняясь структурным законам языка – реципиента. Нельзя исключать влияние дополнительных факторов, способствовавших изменению корня *-гож-* > *-хот-*. Появление слова *прихотье* ярко свидетельствует о сложных лингвистических процессах в зонах длительного этнокультурного взаимодействия, к которым относится Карельское Поморье.

При описании семантики, словообразования и этимологии отдельных слов обнаруживается своеобразие и некоторая обособленность лексической системы говоров Беломорья. Приведенные материалы в какой-то степени подчеркивают неповторимость Русского Севера, частью которого является Беломорье. Проникновение в историю, этимологию беломорского слова, явившегося результатом многовекового этнокультурного взаимодействия русского, прибалтийско-финских и других народов, населяющих Беломорье, является одной из неотложных задач лингвистической науки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1973. В тексте в круглых скобках указан том и через двоеточие страницы.

- ² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. В круглых скобках указано СРГК и через двоеточие страницы.
- ³ Подвысоцкий А. О. Словарь архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Издание Второго отделения Императорской академии наук, 1885. С. 65.
- ⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1956.
- ⁵ Словарь русских народных говоров / Сост. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–2. М.; Л.: Наука, 1965–1966; Вып. 3–25. Л.: Наука, 1967–1990; Вып. 26–49. СПб.: Наука, 1991–2016. В круглых скобках указано СРНГ и через двоеточие страницы.
- ⁶ Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981. S. 620.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / Вступ. ст. Д. С. Лихачева, Ф. А. Абрамова; Науч. ред. В. Н. Булатов; Подгот. С. Я. Косухина, Л. С. Скепнер. 2-е изд., доп. М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004. С. 275–568.
2. Герд А. С. К истории образования говоров Беломорья // Дialekтное и просторечное слово в синхронии и диахронии. Вологда, 1987. С. 94–103.
3. Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (И, К, Л, М) // Севернорусские говоры. Вып. 8: Межвуз сб. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 173–235.
4. Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков, 1968. С. 20–43.
5. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 455 с.
6. Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958. 240 с.
7. Зализняк А. А. Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Индрик, 2003. С. 218–223.
8. Кушков Н. Д. Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга Мурманской области: Опи-мах, 2011. 168 с.
9. Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л.: Наука, 1982. 211 с.
10. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГУ, 2001. 346 с.
11. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов / Под науч. ред. Б. Л. Богородского. Мурманск: Мурманское книжн. изд-во, 1979. 184 с.
12. Мосеев И. И. Поморская говоря: Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. 372 с.
13. Мызников С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб.: Наука, 2010. 496 с.
14. Павлова А. В. Поморская гидрографическая лексика в синхронии и диахронии: Дис. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2011. 260 с.
15. Федоров А. И. Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах // Дialekтная лексика 1969. Л., 1971. С. 219–226.

Mikhailova L. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

BELOMORYE AS AN OBJECT OF HISTORICAL, ETHNOCULTURAL AND AREAL RESEARCH THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE*

Analyzing lexicographical materials and studies of the White Sea dialects peculiarities, the author describes certain word groups and individual lexical units that are significant in terms of historical, ethnocultural and areal aspects. The focus is on the vocabulary reflecting the unique nature and life of the inhabitants of Belomorje (a geographical area in Russia, comprising the entire coast of the White Sea and the surrounding areas), determined by long-term linguistic and cultural contacts of the Russian population having arrived to the White Sea mainly from Pskov and Novgorod lands. To solve the problem of the White Sea dialects vocabulary formation a significant group is singled out, i. e. a group of Russian words with an initial combination *ke-*, which is often a sign of a word's foreign origin. An example of Russian *кеж*, equivalent to *цеш*, vividly demonstrates the historical ties between Pskov and Belomorje. Among many words that indicate the isolation of the White Sea dialects, the word *прихотье* (*prihotyie*) is interesting from the etymological point of view. The task of studying Belomorje vocabulary in different aspects is posed.

Key words: northern Russian dialects, dialectal vocabulary, ethnolinguistic contacts, etymology, the White Sea

* The research is sponsored by Russian Foundation for Basic Research as part of project No 18-012-00810.

REFERENCES

1. Gemp K. P. Tale of the White Sea coast. Dictionary of the Pomor language. D. S. Likhachyova, F. A. Abramova (Foreword); V. N. Bulatov (Sci. Ed.); S. Y. Kosukhina, L. S. Skepner (Prep.). Moscow, Arkhangelsk, 2004. P. 275–568. (In Russ.)
2. Gerd A. S. The history of the formation of the White Sea dialects. *Dialektoye i prostorechnoye slovo v sinkhronii i diakhronii*. Vologda, 1987. P. 94–103. (In Russ.)
3. Gerd A. S. Materials for the etymological dictionary of the northern Russian dialects (I, K, L, M). *Severnorrusskie govory. Vyp. 8. Mezhevuz. sb.* St. Petersburg, 2004. P. 173–235. (In Russ.)
4. Gluskina S. M. The second palatalization of the guttural consonants in the Russian language (using the materials of the northwestern dialects). *Pskovskie govory. II*. Pskov, 1968. P. 20–43. (In Russ.)
5. Durov I. M. Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic usage. Petrozavodsk, 2011. 455 p. (In Russ.)
6. Yelizarovskiy I. A. Vocabulary of the White Sea acts of the 16th and 17th centuries. Arkhangelsk, 1958. 240 p. (In Russ.)
7. Zaliznyak A. A. The significance of the birchbark letters for the Russian language history. *Berestyanye gramoty: 50 let otkrytiya i izucheniya*. Otv. red. V. L. Yanin. Moscow, 2003. P. 218–223. (In Russ.)
8. Kushkov N. D. The Pomor dialect.. Proverbs, sayings, embellishments and vocabulary. Varzuga (Murmansk Region): Opimah, 2011. 168 p. (In Russ.)
9. Lauchyte Yu. A. Dictionary of Baltic borrowings in the Slavic languages. Leningrad, 1982. 211 p. (In Russ.)
10. Matveyev A. K. Substrate toponymy of the Russian North. Part I. Yekaterinburg, 2001. 346 p. (In Russ.)
11. Merkur'yev I. S. Live speech of the Kola Pomors. Pod nauch. red. B. L. Bogorodsky (Sci. Ed.). Murmansk, 1979. 184 p. (In Russ.)
12. Moseev I. I. The Pomor spoken language. Arkhangelsk, 2005. 372 p. (In Russ.)
13. Myznikov S. A. Russian dialects of the White Sea. Materials for a dictionary. St. Petersburg, 2010. 496 p. (In Russ.)
14. Pavlova A. V. The Pomor hydrographic vocabulary in synchrony and diachrony: Diss. ... Cand. Sci. (Philology). Murmansk, 2011. 260 p. (In Russ.)
15. Fedorov A. I. Assimilation of borrowed words in the northern Russian dialects. *Dialektnaya leksika 1969*. Leningrad, 1971. P. 219–226. (In Russ.)

Поступила в редакцию 25.06.2018

МАРИЯ ЯРОСЛАВОВНА ДАНОВА

старший преподаватель секции финского и скандинавских языков кафедры современных европейских языков Института иностранных языков, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
2mariadanova2@gmail.com

МЕСТО ЖЕНЩИНЫ В КАРТИНЕ МИРА ЭДВАРДА МУНКА – НА ОСНОВЕ ЕГО ТЕКСТОВ

Рассматривается место женщины в идиовселенной Эдварда Мунка, где ей уделяется совершенно особая роль посредницы между мирами – в ней соединяются жизнь и смерть, хаос и космос. Эту вселенную мы можем изучать не только по визуальным произведениям художника, но и на основе его обширного письменного наследия. Актуальность рассмотрения творчества Мунка как писателя с идиостилистической и концептуальной точек зрения вызвана тем, что ранее эта тема в русскоязычных исследованиях не затрагивалась. В корпусе текстов художника опорные концепты выделяются как с помощью индуктивного, так и с помощью дедуктивного методов – от языкового материала к концепту или, наоборот, от концепта к языковому материалу, например, концепты свободной любви, амбивалентности женщины. Изучая мировоззрение Мунка на основе его текстов, можно сделать выводы не только о его индивидуальной картине мира, но и о концептах, определявших содержание периода fin-de-siècle в европейском искусстве, который во многом повлиял на мировоззрение художника. Однако имело место и обратное влияние: как сильная языковая личность, Мунк и сам играл важную роль в формировании культурного тезауруса эпохи, для которой был характерен взгляд на женщину как на загадочное, амбивалентное существо, существующее между цивилизацией и культурой.

Ключевые слова: идиостиль, идиотезаурис, картина мира, концепт, семантическое поле, Эдвард Мунк, языковая личность

Эдвард Мунк был не только уникально одаренным художником, но и писателем с особым идиостилем, проявившимся на лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях в самых разных жанрах – от фрагмента и стихотворения в прозе до новеллы, притчи, пьесы, литературных дневников и набросков романа. Объем его текстового наследия составляет около 13000 страниц, из которых 90 % находятся в архиве Музея Мунка в Осло. В 2011 году музей начал проект оцифровки этого наследия, eMunch, благодаря чему оно в значительной своей части стало доступно для исследователей в виде корпуса с возможностью пословного и пофразового поиска. Эти тексты свидетельствуют о том, что Мунк был сильной языковой личностью элитарного типа, причем он обладал ярко выраженным сознанием своей миссии носителя аристократической духовной культуры [11: 58–59], со всеми ее позитивными и негативными атрибутами. Принадлежа к интеллектуальной элите своего времени, он воспринял и по-своему интерпретировал в своем творчестве многие важные концепты, определявшие культурный ландшафт эпохи, а также создал свои, индивидуальные.

Под концептами здесь, в духе Томской лингвистической школы, понимаются особые ментальные образования, способные под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов текстообразования активизировать во

внутреннем лексиконе автора определенные семантические поля. Именно из концептов состоит картина мира – «психическое отображение действительности через призму сознания субъекта» [6: 10], которая, в свою очередь, является функцией языковой личности, несущей в себе как индивидуальные («нестабильные»), так и общенациональные («стабильные») элементы [7: 43].

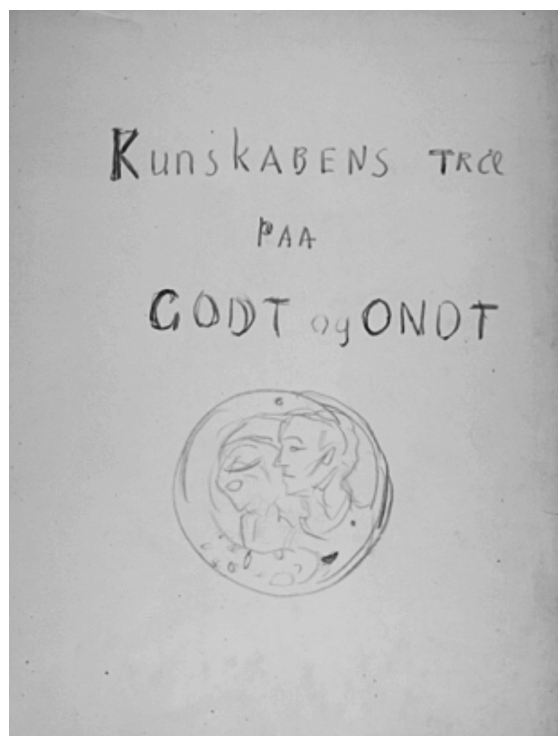
Реконструировать идиотезаурис Мунка как языковой личности сравнительно несложно, так как нам доступна вся база языковых средств, которыми он пользовался в своей письменной языковой деятельности, – «ведь именно слово является средством доступа к единой информационной базе человека» [5: 184]. При этом из трех уровней структуры языковой личности, которые выделяет Ю. Н. Караулов, нас интересуют первые два – *грамматико-(вербально)-семантический*, где объектом анализа является лексикон, «вербальная сеть», и *(лингво-)когнитивный*, или *тезаурусный*, анализ которого предполагает реконструкцию языковой картины мира и открывает доступ к ценностной структуре языковой личности. Здесь в фокусе анализа оказывается тезаурус, или семантикон, состоящий из понятий (идей, концептов) и примыкающих к ним семантических полей [4: 48–49].

При этом в качестве метода мы пользуемся обоими стратегиями, которые выделяются внутри концептологии и соотносятся с когнитивной

лингвистикой, – индукцией и дедукцией: в индукции «феноменологически дано то или иное формообразование (понятие, образ и т. д.); необходимо истолковать его как редуцированную форму концепта и достроить ее до соответствующего концепта», при дедуктивной нечто уже предзадано как концепт, и «необходимо найти его редуцированные и/или превращенные формы» [2: 39]. При этом в индукции основной акцент делается на реконструкции концептов на основе семантики лексических и фразеологических единиц, а также «на связи концепта и культуры», то есть на культурологической и часто этноспецифической составляющей концепта [3: 38]. Таким образом, анализируя лексико-семантические особенности идиостиля Мунка и обращая внимание как на опорные лексемы в его текстах, так и на центральные идеи, реализованные в его живописных и графических работах и часто вербализованные в самих их названиях, можно индуктивным способом, следуя «от текстуально акцентированных языковых средств – к вербализуемым ими концептам» [1: 78], а также пользуясь обратным методом, дедукцией, от концепта к знаку, составить представление о его индивидуальной картине мира.

Своего рода «карту» своей идиовселенной, по которой могут ориентироваться исследователи, Мунк дал в художественно-философском альбоме «Древо познания добра и зла» (*Kunskabens Træ paa Godt og Ondt*, MM T 2547¹, 1930–35). Здесь представлены многие центральные для него концепты, причем выражены они одновременно вербальными и визуальными средствами, которые иногда оказываются неразделимы: поэтические и философские фрагменты не просто сопровождаются иллюстрациями – сами тексты написаны цветными буквами и имеют значимую графическую составляющую.

В чем же заключается то мировоззрение, которое Мунк попытался суммировать в «Древе познания...»? Многие крупнейшие исследователи его творчества называли его мировоззренческим художником (*livssynsmaler*). Как пишет Пол Номе, мировидение Мунка, «формировавшееся в течение всей его жизни, основывалось на его почти исследовательской тяге к познанию»² [11: 39]. Другой мунковед, Франк Хейфёдт, отмечает, что «для Мунка было важно, чтобы его искусство транслировало определенное мировоззрение. [Оно] также явилось ответом на светлые и темные стороны модерна. Как сверхчувствительный “фонограф”, Мунк фиксировал настроения эпохи» [10: 116]. Здесь интересно отметить взаимодействия двух элементов в рамках картины мира художника: коллективного – отражение идей времени, в котором он жил, и чисто индивидуального – того особого преломления этих идей, которое воплотилось в его творчестве.

Титульный лист альбома «Древо познания добра и зла». Музей Мунка. MM T 2547. 1930–35. Лист 0. No-MM_T2547-000-A3

В 1880-е годы Мунк был близок к кругам так называемой богемы Кристиании (*Kristiania-bohømen*), общение с которыми привнесло в его идиотезаурис концепт «свободная любовь» (*fri kjærlighed*). Этот концепт возникал в текстах Мунка в разных образных и жанровых контекстах: есть он и в эпистолярной, и в рассуждениях-воспоминаниях о своей жизни, и в афоризмах, и на более крупном, текстуальном уровне – в сатирической пьесе, где он высмеивал богему, «Город свободной любви» (*Den fri Kjærligheds By*, ок. 1905 года). В одной из записных книжек он дает своеобразное истолкование сути этого концепта, связывая его с «войной полов»:

Den fri Kjærlighed

Manden er et fyrværkeri der dør og afbrændes for Kvinden –

Свободная любовь

Мужчина – фейерверк, погибающий и сгорающий ради женщины –

MM T 2734. 1909–1911. Записная книжка. С. 9

Этот емкий образ свидетельствует о том, что женщина вообще занимает в его картине мира очень важное, едва ли не центральное место. В стихотворении в прозе, связанном со знаменитым визуальным мотивом «Мадонна», женщина предстает как посредница между жизнью и смертью:

Der glider Måneskin over Dit
Ansigt ^{der er} fuld af Sk a Jorderigs Skjønhed
og Smerte Thi Døden ^{nu} rækker Livet Hånden
og en Kæde knyttes mellem de tusind
Slægter
der er døde og de tusind Slægter som
kommer

Лунный свет скользит по твоему
лицу полному красоты и боли земного
мира Ведь ^{сейчас} смерть протягивает руку
жизни и тысячи умерших поколений
соединяются в одну цепь
с тысячами поколений
грядущих

ММ Т 2907. Б/д. Запись. С. 1

Мотив «Мадонна».
Музей Мунка. ММ Т 2547. 1930–35. Лист 25г.
No-MM_T2547-025г

Женщина находится между мирами, принадлежит одновременно двум царствам. Концепт *амбивалентности женщины* выражен в текстах Мунка также в образе русалки или морской девы – *havfrue*, который неоднократно возникает в его литературных дневниках, посвященных его роману с «фру Хейберг» – Милли Таулов, женой его четвероюродного брата.

Русалка, существо наполовину природное, наполовину человеческое, – частый образ в искусстве fin-de-siècle; в норвежской литературе нельзя не вспомнить пьесу Генрика Ибсена «Fruen fra havet» (1888) – «Женщина с моря» (буквальный перевод «из моря»), название которой также намекает на семантику слова *havfrue*. Аналогичный образ – женщина как сфинкс, загадочное получеловеческое, полуживотное существо – в текстах Мунка не присутствует, однако несколько раз возникает в названиях его рисунков и картин с этим мотивом: *Sfinks*.

De ser ut som
Havfrue sa han
Han følte sin stemme skjælte han
kjendte den ikke igen –
Havfrue – gjentog hun og lo –
hun la vægten på frue –

Вы выглядите как
Морская дева сказал он
Он чувствовал, как дрожит его голос
не узнавал его –
Морская дева – повторила она и
засмеялась –
она подчеркнула слово дева –

ММ N 487. 1890–1892. Запись. С. 1

Встреча на берегу. Русалка.
Ок. 1896–1898. Акварель, цветной карандаш.
Веленевая бумага. 435 × 492 × 0,3 мм.
Музей Мунка. ММ.Т.00430

Осмысляя свое отношение к женщине, Мунк в 1933 году, оглядываясь на свое прошлое, пишет:

Mit forhold til kvinnen

Jeg har altid sat min kunst foran
alt. Ofte følte jeg kvinnen som vilde
stå min kunst iveien
Jeg har fra ungdommen af bestemt
mig for at leve ugift. På grunn af
de fra min far og mor arvede sygdoms-
spirer har jeg altid følt det vilde være
en forbrytelse at indgå ægteskab
Kvinnen har gjennom alle årene inspireret
mig til min kunst. Kvinnen har inspireret mig
til mange af mine bedste værker

Мое отношение к женщине

Я всегда ставил творчество на первое место. Часто я чувствовал, что женщина является препятствием на моем творческом пути

Еще в юности я решил остаться холостяком. Из-за унаследованных мной от отца и матери зачатков болезни я всегда считал, что с моей стороны было бы преступлением вступить в брак
Женщина все эти годы вдохновляла ~~меня~~
на мое творчество. Женщина вдохновила
меня на многие мои лучшие работы

ММ N 3249. 1933. Запись. Л. 1г

Примечательно, что в семантическое поле вокруг лексемы «женщина» вновь вторгается представление о «дурной наследственности»; на этот раз он пишет о собственной наследственной

болезненности. Так, можно сделать вывод о том, что с концептом амбивалентности женщины у Мунка напрямую соотносятся концепты рода, наследственности как таковой. Концепт *дурной наследственности* напрямую связан с суперконцептом христианской культуры – *грехопадением*: каждый человек рождается с отметиной греха, что на физическом уровне может выражаться наследственными болезнями (визуально эта идея воплощена в картине «Наследство» – Arv, 1897–1899). О себе Мунк пишет так:

Я получил в наследство двух самых ужасных врагов человека – наследственную склонность к чахотке и к душевной болезни – Болезнь сумасшествия и смерть черными ангелами стояли у моей колыбели (To af Menneskenes f{ ... }rygteligste Fiender fik jeg i Arv – Arven til Tæring og til Sindssygdом – Sygdом og Galskab og Død stod ved de sorte Engler der stod ved min Vugge) – MM T 2759, б/д, записная книжка, л. 3г.

Если говорить о месте женщины в топографии идиовселенной Мунка, то она оказывается в самом центре – как по горизонтальной, так и по вертикальной оси. Условную «горизонталь» мы можем найти в текстах, относящихся к «Фризу жизни» (*Livsfrisen*), серии картин и сопрягающихся с ними текстов, которую сам Мунк называл «поэмой о жизни» (*et digt om livet*). Единый трехчастный символический топос здесь образуют море – *havet* (семантика: «смерть», «смерть любви»), берег – *stranden* («граница между жизнью и смертью») и лес – *skogen* («жизнь», «любовь»), а в центре этого мира находится женщи-

на. Как пишет Моника Грэн, в ассоциативное поле «женщины как промежуточной фигуры» входит цепочка образов-символов: женщина – море – природа – рождение – смерть. В целом женщина репрезентирует у Мунка Жизнь как таковую, которая находится в неразрывной связи со смертью [9: 104].

Приведем пример текста, относящегося к мотиву «Разрыв» (*Løsrivelse*), где описывается этот важный топос идиовселенной Мунка, сформировавшийся на основе непосредственных чувственных впечатлений от природы местечка Осгорстранн на берегу Осло-фьорда. Женщина, покидающая лирического героя, удаляется от него по горизонтали от берега по морю:

Мотив «Разрыв»
Музей Мунка. MM T 2547. 1930–35. Лист 29г.
No-MM_T2547-029г

Dybviolet sænket mørket sig over al jorden – jeg sad ved under træ et træ – hvis blade begyndte at ^{visne} gulne – Hun h{v}avde siddet ved siden af mig – Hun havde bøiet sit hoved over mit – hennes ~~hår~~ var blodrøde hår var havde filtret sig om mig – det var falden over mit hoved det havde snoet sig om mig som blodrøde slange – havde dets fineste tråde var ~~snoet~~ ^{viklet} sig { ... } ind i mit hjerte – så havde hun reist sig – jeg ved ikke hvorfor – langsomt bevæget hun sig væk mot {d}havet – længer og længer væk – da var det underlige – kommet – jeg følte som var der usynlige tråde mellem os – jeg følte som usynlige tråde af hendes hår fremdeles omsnoet mig – som disse tråde aldrig kunde briste og og sled i mit hjerte og gjorde åbne sår – og selv da hun helt forsvandt { ... } der over havet – da følte jeg endnu hvor det smertede der hvor { ... } mit ... hårtråde om mit mit hjerte blødede – fordi tråde { ... } ne ikke kunde overrives

Темно-лиловая тьма опускалась на землю – я сидел под деревом – его листья уже начали ^{вннуть} желтеть – Она сидела здесь со мной – Она наклонила свою голову к моей – ее волосы были кроваво-красные волосы опутали меня – они ~~ниспали~~ ^{впнулись} мне на голову они обвили меня, кроваво-красными змеями – были их тончайшие нити ~~обвили~~ ^{впнулись} { ... } в мое сердце – и вот она поднялась – не знаю, отчего – медленно двинулась прочь, к морю – все дальше и дальше от меня – и тут случилось – чудное – я почувствовал между нами невидимые нити – почувствовал, что невидимые нити ее волос все еще обвивают меня – что эти нити никогда не порвутся и и ~~саднили~~ ^{впнулись} в мое сердце и ~~теребили~~ ^{впнулись} открытую рану – даже когда она совершенно исчезла { ... } там, за морем – я все еще чувствовал, как болело там где { ... } мое ... нити волос вокруг моего моего сердце кровоточило – потому что эти ни { ... } ти нельзя было разорвать

Важным образом в этом тексте являются волосы героини. Длинные женские волосы, особенно рыжие, имеют в произведениях Мунка важнейшее значение как выразительный образ; с ним связан комплекс ассоциаций «кровь», «умирание», «смерть», «плен», «поглощение», однако и «защищенность», «влечение», «слияние». Волосы символизируют агрессию женщины по отношению к мужчине – она опутывает его своими волосами, проникая в самое его сердце. Волосы становятся ее оружием. В ассоциативное поле красного (рыжего) цвета входят «сила», «энергия», «живость», «угроза», «нападение», «страх» [8: 34–35].

Здесь в семантическом поле концепта амбивалентности женщины на первый план выходят образы фам фаталь, медузы, вампира, ведьмы (например, «стая несожженных ведьм» – *De ubrændte Hexes Flok*, MM T 2759, записная книжка, л. 93r) – вероятно, не без влияния символизма. Женщина воспринимается как смертоносное существо, лишаящее мужчину жизненной энергии. В текстах Мунка много примеров реализации этой стороны концепта, с акцентом на образ Горгоны Медузы, чей ужасный взгляд обращает смотрящего – мужчину – в камень. Приведем пример:

Og dog Var det fordi hun tog mit første kys at hun tog { ... } duften af livet fra mig – Var det at hun løi – bedrog – at hun en dag pludselig tog skjællene fra mit øie så jeg så medusa { ... } hovedet – så livet som en stor rædsel – At alt det som før havde rosenskjær – nu så tomt og gråt ud –

И все же Было ли это потому, что она забрала мой первый поцелуй что она забрала { ... } у меня дыхание жизни – Потому ли, что она лгала – предавала – что однажды пелена внезапно спала с моих глаз и я увидел голову { ... } Медузы – И все, что раньше виделось в розовом цвете – теперь выглядело пустым и серым –

MM T 2770. 1890. Записная книжка. Л. 1r

В этом образе, построенном на символическом цветовом контрасте (розовый/серый), мы также находим выражение концепта «расколдовывания волшебного мира», которое происходит в результате греха и его разоблачения (тж. концепт грехопадения). Проявляется он и в тексте, соотносящемся с визуальным мотивом «Пепел» (*Aske*), где виновницей греха вновь оказывается женщина, совратившая мужчину, – и с глаз мужчины вновь падает пелена. Костер страсти превращается в кучку пепла:

Han havde bedrevet hor – [...] han havde viklet sig havde kastet sig ut i noget han som havde gjorde han angret – Faderen – og de hjemme
{ ... } Og mens han følte kjærligheden

og (mens) de havde været sammen
til nu – lå som en askebob –

Он совершил прелюбодеяние – он [...] впутался кинулся в нечто такое, о чем теперь жалел – Отец – и домашние
{ ... } И пока он чувствовал любовь, «пока» они были вместе – лежало кучкой пепла –

MM N 505. Б/д. Запись. С. 1

События и переживания, описанные в этих текстах и связанные с романом с замужней дамой Милли Таулов, случившемся в 1885 году в Осгорстранне, наложили глубокий отпечаток на картину мира Мунка. Как пишет Хейфедт,

именно в эти годы сформировался внутренний ландшафт сознания Мунка, и [присущие этому периоду] амбивалентность и напряжение так никогда и не были им полностью изжиты. Учитывая, что Мунк вырос в «доме с почти монастырским укладом» (*et klosteraktig hjem*), неудивительно, что эротика у него получила драматичное, экзистенциальное измерение... В концентрированной форме этот комплекс проблем представлен в... толкованиях библейского рассказа о грехопадении – этот мотив получил совершенно особое место в художественной вселенной Мунка. «Обмен вещами» (1898/1914, первоначальное название – «Адам и Ева») и «Пепел» (1895, первоначальное название «После грехопадения») – самые монументальные из ряда мотивов, прямо или косвенно трактующих первородный грех человечества [10: 117].

Приведем небольшой текст, «Урна» (*Urnen*), где изображен процесс претворения души – в графической версии мотива воплощенной в образе женщины – через тигль страданий и скорби к прекрасному, возвышенному. Схожий мотив очищения через огонь можно найти у Бальзака в романе «Серафита» и у Стриндберга в пьесе «Игра снов» [12: 54]. На сценарном уровне (по вертикальной оси, предлог *op*) в этом фрагменте выражается характерный для Мунка сценарный концепт движения вверх из грязи (*op av smudset*) – через очищение – к свету (см. корпус визуальных мотивов с названием *mot lyset*):

uRNEN
GJENFØDELSEN
Op av smudset steg et ansikt
fuld af sorg og skjønhed

yRNA
ПЕРЕРОЖДЕНИЕ
Из грязи вознеслось лицо
полное скорби и красоты

MM T 2547. 1930–1935. Альбом. С. 4839

Офтедал считает, что за этим мотивом стоит идея о том, что «грязная» сущность женщины, которая слишком погружена в свои чувства и желания, подлежит очищению через страдание

и знание, чтобы достичь истинной красоты [12: 54]. В письме Мунка Тулле Ларсен, дочери вино-торговца, с которой в конце 1890-х годов у него начался бурный роман, он выступает в роли «светоча знаний», призванного образовать «темную» женщину:

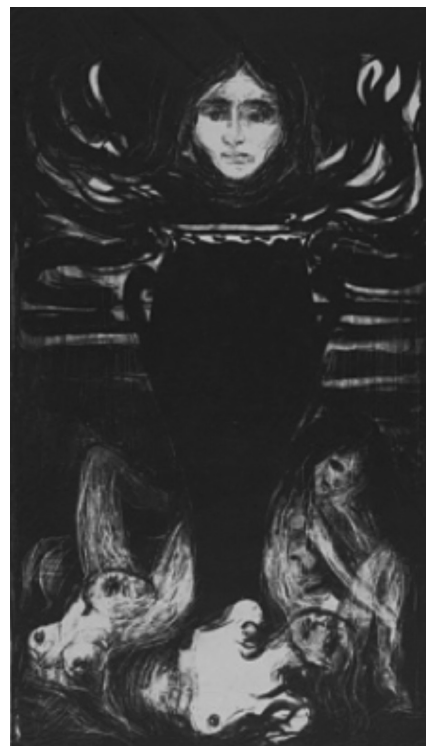
...og jeg skulde skaffe Dig bøger – og Du kunde uddanne Din Aand der absolute ikke er udviklet. Du må få videre syner og interesser – Mangelen herpå har gjort din kjærlighetsfølelse tankeløs og hensynsløs

...и я дам тебе книги – чтобы ты могла развить свой дух, который совершенно неразвит. Тебе нужно расширить свой кругозор и интересы – Недостаток [этой широты] делает твое любовное чувство бездумным и безжалостным

ММ N 1858. 1899.

Черновик письма к Тулле Ларсен. С. 3

Мы рассмотрели здесь лишь небольшой фрагмент картины мира Эдварда Мунка, однако надемся, что нам удалось наметить общие контуры его идиовселенной, в которой своеобразно преломились идеи его эпохи с ее взглядом на женщину как на существо двойственное, опасное, однако задающее координаты творчества мужчины-художника.

Мотив «Урна».

Музей Мунка. ММ Т 2547. Лист 49г. No-ММ_Т2547-049г

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков В. В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматистика текста: Курс лекций. Тверь: Издатель Кондратьев А. Н., 2013. 147 с.
2. Зиновьева Е. И. Понятие «концепт» в отечественном языкознании: основные подходы и направления исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. № 10. Сер. 2. Вып. 2. С. 35–44.
3. Иванова Е. В. Об определении понятия «концепт» в современной лингвистике // XXXV Международная филологическая конференция / Филологический факультет СПбГУ. СПб., 2006. Вып. 2. Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). Ч. 1. С. 36–40.
4. Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. 158 с.
5. Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.
6. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: Монография. М.: ФЛИНТА, 2012. 196 с.
7. Четверикова О. В. Авторское мировидение и смысловое поле художественного текста: Монография. Армавир: АГПУ, 2009. 196 с.
8. Gerner Cornelia. Die "Madonna" in Edvard Munchs Werk. Frauenbilder und Frauenbild im ausgehenden 19. Jahrhundert. Kölner Studien zur Literatur-, Kunst- und Theaterwissenschaft. Morsbach: Knut Brynhildsvoll, 1993. 312 s.
9. Graen Monika. Das Dreifrauenthema bei Edvard Munch. Europäische Hochschulschriften. Bd. 48. Reihe XXVIII. Kunstgeschichte. Frankfurt am Main, Bern, NY: Peter Lang, 1985. 319 s.
10. Høifødt Frank. Munken og Det tomme kors. Edvard Munch og kristendommen. *Kunst & Kultur*. 2010. No 2. S. 114–123.
11. Nome Paul. Kunst som 'Krystallisasjon'. En studie i Edvard Munchs notater om hans tro, livssyn og kunstforståelse, relatert til hans bilder. Doktoravhandling. Oslo, 2000. 288 s.
12. Oftedahl Sofie. Monism and Synaesthesia: Two metaphysical concepts in the Art of Edvard Munch. Thesis in the History of Art. Oslo: UiO, 2007. 104 s.

Danova M. Ya., Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)

WOMAN'S PLACE IN EDVARD MUNCH'S WORLDVIEW – BASED ON HIS TEXTS

This article considers a woman's place in Edvard Munch's individual creative universe, where she is attributed a very specific role of an intermediary between different worlds, connecting life and death, chaos and cosmos. This universe can be studied not only on the basis of the artist's visual works, but also on the basis of his extensive written legacy. Studying Munch's written oeuvre from the point of view of his individual style and conceptual content seems well-timed, since this topic has not yet been addressed by any Russian scholars. Key concepts in the corpus of Munch's texts – for instance, the concepts of *free love* and *woman's ambivalence* – can be discerned with the help of both inductive and deductive methods, moving from the language material towards the concept

and vice versa – from the concept to the language material. Studying Munch's worldview on the basis of his texts makes it possible to draw conclusions not only on his individual worldview, but also on the key concepts that defined the content of the fin-de-siècle period in European art, which had a considerable influence on his world outlook. However, the reverse influence was also present: being a strong linguistic personality, Munch himself played an important role in forming the cultural thesaurus of this age, when a woman was seen as a mysterious, ambivalent creature, existing between civilization and nature.

Key words: concept, concept, Edvard Munch, individual style, individual thesaurus, language identity, semantic field, worldview

REFERENCES

1. Volkov V. V. Basics of philology. Anthropocentrism, language identity and textual pragmatics. Tver, Kondrat'ev A. N. Publ., 2013. 147 p. (In Russ.)
2. Zinov'eva E. I. The idea of a "concept" in Russian linguistics: basic approaches and research trends. *Saint Petersburg University Bulletin*. 2003. No 10. Ser. 2. Issue 2. P. 35–44. (In Russ.)
3. Ivanova E. V. The definition of the idea of a "concept" in contemporary linguistics. *Proceedings of the 35th International Philological Conference*. Philological Faculty of St. Petersburg State University. St. Petersburg, 2006. Issue 2. Lexicology and phraseology (Roman and German cyclis). Part 1. P. 36–40. (In Russ.)
4. Ivancova E. V. Linguistic personology: basic theory of language identity: Textbook. Tomsk, Tomsk University Publ., 2010. 158 p. (In Russ.)
5. Kravchenko A. V. From a language myth to biological reality: reconsidering the cognitive attitudes in linguistics. Moscow, Rukopisniye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2003. 388 p. (In Russ.)
6. Tarasova I. A. Individual poetic style in its cognitive aspect: Monography. Moscow, FLINTA Publ., 2012. 196 p. (In Russ.)
7. Chetverikova O. V. Author's worldview and the semantic field of a literary text: Monography. Armavir, AGPU Publ., 2009. 196 p. (In Russ.)
8. Gerner Cornelia. Die "Madonna" in Edvard Munchs Werk. Frauenbilder und Frauenbild im ausgehenden 19. Jahrhundert. *Kölner Studien zur Literatur-, Kunst- und Theaterwissenschaft*. Morsbach: Knut Brynhildsvoll, 1993. 312 s.
9. Graen Monika. Das Dreifrauenthema bei Edvard Munch. *Europäische Hochschulschriften*. Bd. 48. Reihe XXVIII. Kunstgeschichte. Frankfurt am Main, Bern, NY: Peter Lang, 1985. 319 s.
10. Høifødt Frank. Munken og Det tomme kors. Edvard Munch og kristendommen. *Kunst & Kultur*. 2010. No 2. S. 114–123.
11. Nome Paul. Kunst som 'Krystallisasjon'. En studie i Edvard Munchs notater om hans tro, livssyn og kunstforståelse, relatert til hans bilder. Doktoravhandling. Oslo, 2000. 288 s.
12. Oftedal Sofie. Monism and Synaesthesia: Two metaphysical concepts in the Art of Edvard Munch. Thesis in the History of Art. Oslo: UiO, 2007. 104 s.

Поступила в редакцию 20.04.2018

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА КОГАН

магистр филологии, научный сотрудник кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)

ekaterinakogan@yandex.ru

СВЯТОСТЬ И СВЯТЫЕ В ЗЕРКАЛЕ ДИАЛЕКТНОГО ДИСКУРСА ВОЛГО-ДВИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ*

Статья посвящена исследованию представлений о духовных религиозных категориях, проявленных в дискурсе диалектоносителей на территории Волго-Двинского междуречья (Архангельская, Вологодская, Костромская области). Рассматриваются способы описания в живых рассказах информантов категории святости, личностей святых и историй, связанных с ними. Основным используемым методом является анализ контекстной сочетаемости, слов-партнеров, в некоторых случаях – переносных значений. Рассматривается осмысление народным сознанием абстрактной категории *святости*, языковые трансформации агонимов, свидетельствующие о деперсонификации святых, а также редукции и модификации легенд о святых. Выявляется основная линия восприятия святых и святости в народной культуре – уход от абстрактной идеи, конкретизация, проявленная как в формировании «параметров» святости, представляющих собой переработку условий канонизации, так и в историях о святых. Также обращает на себя внимание связь в сознании диалектоносителей святых и святости с ритуалом. Актуальность исследования обусловлена обращением именно к речевому материалу, демонстрирующему картину мира, актуальную для сознания носителей культуры в настоящее время, а не архаическую, закреплённую в языке. Также актуальность работы задается вводом в научный оборот нового материала – данных полевых записей Топонимической экспедиции УрФУ.

Ключевые слова: дискурс, народная культура, картина мира, религия, диалект, духовные категории

Духовные идеи, каноны христианства проходили активное освоение в народной культуре.

Элементы новой культуры не сметаю и не сменяют элементов старой, а проникают в нее, уживаются с ней, вступают в различного вида соотношения <...> тем самым усложняя прежнюю систему, видоизменяя ее в значительной или меньшей степени, но, как правило, не разрушая ее [10].

Данная статья продолжает рассмотрение религиозных воззрений и категорий, отраженных в народном сознании диалектоносителей Русского Севера. В предыдущей работе автора анализировались представления о Боге, душе, грехе и загробном мире¹, теперь же в фокусе изучения находится восприятие святых и самого понятия святости.

Восприятие носителями народной культуры личностей святых, переработка житий и создание множества текстов устных историй, связанных с ними, традиционно привлекают внимание исследователей [5], [6], [7], [8] и др. В данном случае в качестве материала выступают контексты, содержащие лексему *святий*, а также агонимы и хронимы с агонимическим компонентом. Рассматривается контекстная сочетаемость данных лексем, грамматические характеристики, то есть языковая и речевая экспликация представлений народной культуры. Считаем продуктивным

обращение к дискурсу, непосредственной речи диалектоносителя, поскольку данный материал позволяет проанализировать особенности картины мира, актуальные на момент высказывания, а не закреплённые в языке как устойчивые единицы с относительно стертой внутренней формой. Живое рассуждение

объединяет такие гетерогенные сущности, как сознание (и «бессознание») участников дискурса, так и ситуацию, обстановку, которая их объединила. <...> именно в этом пространстве метонимически соединены идеи и вещи, отражением чего является несвободная сочетаемость лексических единиц <...> сопоставимая со свободной [11: 25].

Исследование дискурса представляет интерес и с когнитивной точки зрения, поскольку

дискурс может быть определен как такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми [4: 525].

Источником материала послужили записи рассказов диалектоносителей территории Волго-Двинского междуречья (Архангельской, Вологодской и Костромской областей), сделанные

в ходе полевых работ Топонимической экспедиции УрФУ.

Основной чертой, присущей народному сознанию в данной сфере, является, по-видимому, отсутствие достаточного знания житий тех святых, память которых отмечается в той или иной местности. В народном восприятии существует своего рода хроноцентрический «узел» – памятная дата, престольный праздник деревни либо просто отмечаемый день, связанный с именем святого. Однако, как правило, нет понимания, почему тот или иной персонаж причисляется к лику святых, отсутствует знание жития святого либо посмертных чудес, связанных с ним. Можно выделить следующие моменты, связанные с осмыслением в народном сознании концепции святых и святости: 1) определение «параметров» святости; 2) осмысление имени святого и семантические трансформации, происходящие на границе агонима и хронима; 3) переработка легенд, связанных со святым.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ПАРАМЕТРОВ» СВЯТОСТИ

По правилам официальной церкви, «для канонизации подвижника были необходимы следующие условия: свидетельства о благочестивой жизни, народном почитании и чудотворениях» [2]. В народной культуре данные параметры получают более конкретное выражение. К святым в народном сознании причисляется человек набожный, много молящийся, ведущий уединенный образ жизни:

влг. тот. *Вассиан Тиксинский давно жил здесь, в Семёново, в тысяча шестьсот каких-то годах. Он жил один, молился все время, поэтому святой.*

На основании данных параметров святым может называться человек, не причисленный к лику святых официально:

костр. буй. *В Натальино парализованный мужик был, всё читал Евангелие, Алексеюшка. Его святым нарекли; влг. в-уст. Там часовенка стоит. Похоронен там святой Максим. Его звали Юков Максим Георгиевич. Табличка висит. Он в сузёме (то есть в лесу) жил, в сузёме умер. Его пауты, комары кусали, а он все сидит, молится, не сгонит с себя ни единого (в данном случае параметр уединенной жизни и постоянных молитв дополняется конкретным проявлением смирения, отсутствия гнева).*

При этом обращает на себя внимание лексически выраженное противопоставление «официального» и «неофициального» святых: если про Вассиана Тиксинского отмечается, что он «давно жил», и дается его каноническое наименование, то для обозначения народных «святых» используется гипокористика (*Алексеюшка*), полная трехчленная форма имени (*Юков Максим Георгиевич*) и простонародное обозначение (*мужик*).

Мотив страдания за веру, мученичества может снижаться до земных страданий от болезни (однако сохраняется само слово *страдание*, кото-

рое получает почти терминологическую окраску и становится обоснованием того, чтобы считать человека святым): костр. буй. *Алексеюшка здесь жил святой. Болел и страдал 20 лет.*

Чудотворение находит воплощение прежде всего в способности к предсказанию и в посмертном исцелении больных; однако отмечается и нетипичность прижизненных физических свойств (возможно, в данном случае можно с осторожностью говорить о «наведении» данного свойства рассказами о нетленных мощах святых):

костр. буй. *Алексеюшка здесь жил святой <...> Предвидел будущее и не было пролежней у него. А земля с его могилы целебная, и ключик из-под нее бьет со святой водичкой; костр. буй. Говорят, тут (у церкви) Алексеюшко-святой похоронен, из-под его течет. Вроде как святой, придут на могилы – заходят, воду берут. Лежал человек долго больной, ничем не пахло. Вроде как святой. Когда землю берут, говорят, что помогает.*

Вероятно, на основании восприятия благочестивой жизни и частых молитв как параметра святости становится возможным семантический переход «святой – священник». По-видимому, таким образом объясняется переосмысление легенды о сорока севастиийских мучениках. В каноническом варианте легенды речь идет о воинах, после отказа приносить жертву языческим богам выставленных в озеро, покрытое льдом. В народном же рассказе они «становятся» священнослужителями:

костр. шар.: *Утопили ведь много людей, сорок мучеников в озере, набожных людей, там и патриархи, и все, у них поверх голов оказались венцы. Вот жавороночками-то набожных людей этих и поминали.*

В данном примере вновь видна синонимия «святой» – «набожный».

В качестве обязательного атрибута святого выделяется смерть. С одной стороны, это вполне естественно, поскольку канонизация происходит только после смерти. Однако в народном сознании часто из всей истории и посмертных чудес святого остается именно она, функционируя в дискурсе как своего рода причина почитания:

арх. прим. *22 июня Кириллова память, съезжий праздник в Лопшеньге, Кирилл святой погиб – вот и праздник; арх. прим. В Яренге Логинову память праздновали да Иванову память. Логин да Иван святые были, разбились в карбасе.*

Если история св. Лонгина и Иоанна не отличается полнотой и содержит, скорее, описания судьбы чудотворных мощей и явлений святых, то история Кирилла Белозерского достаточно драматична для того, что в достаточной мере запомниться [3].

Святость предстает как обладающая градуальностью, способностью к проявлению в большей или меньшей степени: костр. шар.: *Сегодня Пантелеимон-Исцелитель. Пострадал он, очень святой.*

Размытость параметров святости при вписанности имени святого в ритуал отмечания его памяти приводит к расширению значения слова *святий*. Происходит перенос понятия на предметную сферу, становится возможным называние «святым» любого объекта, используемого в ритуальных целях:

вгл. тот. *Бегали по этой росе <на Иванов день>, она святая считается*; арх. карг. *Вересяны подойники были, цѣтобы затухоли не было. Раньше говорили: «Святая лесинка-вересинка, лес святой верес», и вересом парили всю посуду деревянну*; арх. лен. *святое блюдо* ‘блюде, используемое в святочном гадании’ *Сядут за стол, возьмут лист бумаги и напишут алфавит. В центр листа кладут перевёрнутое блюдо. На блюде руки кладут три человека, а потом святое блюдо движется в сторону буквы. Так узнают, сбудется желание или нет.*

ОСМЫСЛЕНИЕ ИМЕНИ СВЯТОГО

В аспекте восприятия имени происходит своего рода «деперсонификация» святого, при которой его имя перестаёт соотноситься с конкретной личностью.

На лексическом уровне деперсонификация выражается в наличии частого контекстного партнёра – местоимения *какой-то*:

арх. вин. *В Усть-Ваеньге был Кириллов день, Кирилл – какой-то святой был*; вгл. кад. *Дмитровские субботы – это родители разговляются, весной уж, по церковному это, какой-то святой, Дмитровские субботы и Дмитров день одно и то же.*

На грамматическом уровне утрата святым соотношения с личностью проявляется в изменении рода святого в составе хрононима: костр. парф.: *Никола вешняя, бывает и зимняя; 19 декабря Никола Господня, большой праздник*; костр. пыщ. *Никола была 19 декабря*. Отмечается также восприятие двух святых как единой сущности, которое выражается несколькими способами: а) имя второго святого функционирует как приложение к имени первого: костр. окт. *Пётр-Павел час убавил, Илья-пророк два уволок; Фролы-Лавры – последний летний день*; костр. кад.: *Кузьма-то Девьян какой святой был*; б) имена сливаются в единый комплекс: костр. пав. *Ездили на Кузьмадемьян торговать на Вохму*; в) имя второго святого теряется, а имя первого получает форму множественного числа вследствие памяти о том, что персоналий, которым посвящен праздник, две: костр. шар. *В Колесихе Петры и Богородица, в Киеве Петры; Петры – оне 12 июня, а потом идёшь ко мне [в д. Заводь] Спасы отгащивать, а потом на Фролы*. Как приложение к имени может функционировать и неантропонимический элемент: костр. кад. *Михайло Чудо* ‘день св. Михаила-Чудотворца, 19 сентября’. Объединяясь с именем, он ставит оним на границе между именем святого и именем события, сотворенного им.

На семантическом уровне этот же распад связи имени святого с его личностью проявляется

в использовании имени святого в функции хрононима:

костр. шар. *Или вот Илья второго, завтра будет Илья-пророк, после него не купались; К Макарию черника поспевают*; вгл. тот. *Сегодня Илья-пророк, ни стирать, ни мыть нельзя.*

На единство святого и дня, который ему посвящен, присущее славянской народной культуре в целом, указывает С. М. Толстая [9].

Возможен и противоположный процесс, при котором происходит восприятие самого праздника как антропоморфной сущности, что выражается в контекстной сочетаемости хрононима с глаголами в позиции активного деятеля:

вгл. тот. *На Великий Четверг можно подойницы выносить. Его попроси о чём – всё сделает; Благовещенье – 7 или 8 марта денёк. Оно благо вещает, работать не надо, отдыхать надо.*

Антропоморфизация проявляется в сочетании названий праздников с терминами родства (костр. пав., костр. окт., вгл. тот. и др. *батюшка Покров*) и может достигать той степени, на которой происходит переосмысление самой сути праздника, когда хрононим переосмысливается как агнионим, возникает «фантомный» святой [8: 590]:

костр. с-гал. (о дне жен-мироносиц) *В марте где-то делали, домолотили когда клади, Мирососец только после последней молотбы, когда зимнее зерно кончалось*; вгл. тот. *Покрова – 14 сентября. Покрова она, ходят молиться. Все поля убраны – и ходят молиться, кто что-то нагрешил, кто чего беды какие – помолись, и Покрова Святая покрывалом своим всё-всё облегчит. Покрова – это женщина. У меня её [то есть иконы] нет, а я ей молюсь.*

ЛЕГЕНДЫ, СВЯЗАННЫЕ СО СВЯТЫМ

В народных обработках легенд, связанных со святыми, основным направлением является генерализация, выделение одного аспекта истории святого. Мотивы ее могут быть различны: для св. Лонгина и Иоанна (см. выше) акцентуирование смерти, как кажется, вызвано отсутствием прижизненной истории святых и довольно распространёнными сюжетами о чудесах посмертных. В рассказах о св. Пантелеимоне, а также св. Косме и Дамиане подчеркивается их способность исцелять. При этом мученичество становится нерелевантным, а факт смерти не всегда проговаривается:

костр. шар. *Сегодня Пантелеимон-исцелитель. Лечил людей и сам попал в рай*; костр. мак. *Это были такие святые угодники. Кузьма да Демьян. Они больных лечили за так, бесплатно.*

Генерализация может представлять собой и выделение одного из сюжетов жития при редукции остальных событий. Ярким примером этого является «пересказ» истории о чуде архангела Михаила. Исходная легенда гласит, что во Фригии, в городе Колоссы, был храм, посвященный архангелу Михаилу, построенный одним из

жителей города в благодарность за исцеление его дочери водами целебного источника, располагавшегося на том месте. В этом храме много лет служил Архипп Херотопский, прославившийся своей добродетельной христианской жизнью. Язычники решили уничтожить храм и одновременно убить Архиппа. Для этого они соединили в один поток две горные реки и направили его на храм. Архипп начал молиться архангелу Михаилу о предотвращении бедствия, тот появился около храма и, ударив жезлом по горе, открыл в ней широкую расселину, куда устремились воды потока; храм же остался неприкосновенным [1]. Народное сознание сохраняет лишь последний эпизод легенды: (в рассказе о празднике Михайло Чудо) *костр. кад. когда нападение было, он ночью перекопы сотворил*. Возможна генерализация, основанная на номинации святого:

влг. в-уст. *Симонов столбик стоял у Симоновской церкви, а церковь так называлась, потому что там Симон-угодник жил. У Симонова столбика богу молились*.

В данном случае представляется более уместным говорить о переосмыслении имени *Симеон Столпник*, поскольку почитание Симона-угодника территориально относится к Ивановской области.

Другое направление представляет собой «вписывание» событий легенды в иной культурный контекст. Таковым становятся местная (или общероссийская) история, география, культурные традиции. В данном случае сюжет легенды также предельно упрощается, а момент, выбранный народным сознанием в качестве ключевого, преломляется сквозь призму привычных реалий. Контекстными партнерами в этом случае становятся местные топонимы и производные от них, а также культурные реалии:

влг. тот. *Егорий он как это был, пустынный, неженатый. Ходил всё по пустыне, потом отоцал да упал. Пришёл к нему Святой Дух, сказал: «Вставай». Он встал да пошёл. Идёт, а это донское войско идёт на мирных*

жителей. И слышит ему: «Садись на коня». Оказался конь перед ним, перед Егорием, он сел на коня, в броню одежда на нём оказалась. Святой Дух сказал: «Езжай и сражайся». Вот он и сразился; влг. влг. Николай Чудотворец по Вологде приплыл в Саманиху, и там церковь построили. Его в д. Рождество не приняли. А в Полянах в него палкой кинули, а он вышел на берег, сказал: «Будьте вы, Поляны, ни сыты, ни голодны». А у них там было уското – все коровы умирали. А он приказал строить церковь на том месте; В деревне Богослово Николай Чудотворец лапоточки оставил, вот Богослово и зовут Лаптево; костр. парф. Иванов день. Нельзя в огороде работать. Ему голову отсеки, злая женичина была. И на капустном листе принесли.

Еще одним, хоть и нечасто проявляющимся моментом, присутствующим в рассказах диалектоносителей о святых, является народная этимология, приводящая к переосмыслению как историй святых (влг. тот. *Егорий он как это был, пустынный, неженатый. Ходил всё по пустыне, потом отоцал да упал*), так и окружающей действительности (влг. в-уст. *Симонов столбик стоял у Симоновской церкви, а церковь так называлась, потому что там Симон-угодник жил*).

Таким образом, образ святого утрачивает рамки «человечности», разрастаясь, вбирая в себя хроноцентрическую ситуацию праздника и иконоическое изображение. Происходит конкретизация как абстрактной идеи святости (в переосмыслении причин канонизации через бытовые проявления, а также в возможности применения лексемы *святой* к предметам), так и образа святого (через трансформацию легенд, связанных с ним, редукцию их и «вписывание» в местный культурный фон). При этом святость и святые сохраняют границы связи с обрядом, ритуалом (будь то лечение, защита или же ритуал хождения в гости). Внутри же этой конкретизации выделяется линия святой – праздник, где возможно проявление двух доминант: доминанта святого, при которой праздник антропоморфизмуется, и доминанта праздника, при которой святой воспринимается как повод для него, теряя идентичность с конкретной личностью.

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ («Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным»), поддержанного Минобрнауки РФ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Коган Е. С. Душа, Бог, грех и загробная жизнь в зеркале диалектного дискурса Волго-Двинского Междуречья // Научный диалог. 2017. № 11. С. 77–92.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминание чуда архистратига Михаила, бывшего в Хонех // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/days/sv-mihail-arhangel> (дата обращения 28.01.2018).
2. Игумен Дамаскин (Орловский). К вопросу о критериях канонизации святых Русской Православной Церкви: Агиография и литература // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 2 (34) [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=39> (дата обращения 03.02.2018).
3. Краткое житие преподобного Кирилла Белозерского // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/days/sv-kirill-belozerskij> (дата обращения 01.02.2018).
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

5. Мороз А. Б. «Свои» и «чужие» святые: к вопросу о формировании культа святых // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Карельский научный центр РАН. Петрозаводск, 2011. 565 с.
6. Мороз А. Б. Народная агиография. Устные и книжные основы фольклорного культа святых. М.: Издательский дом «Неолит», 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mybook.ru/author/andrey-moroz/narodnaya-agiografiya-ustnye-i-knizhnye-osnovy-fol/read/> (дата обращения 29.03.2018).
7. Попов Р. Народная этимология и культ святых // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 131–137.
8. Толстая С. М., Белова О. В. Святые // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 589–594.
9. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rumvi.com/products/ebook/%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0-%D0%B2-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%D0%B5-%D0%B8-%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B5/a8f21ad6-a2dd-47ae-91fb-5c019c4f2c0d/preview/preview.html#TOC_EMPAE (дата обращения 30.03.2018).
10. Толстой Н. И. Проблема реконструкции древнеславянской народной культуры // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 41–60 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics3/tolstoy-95b.htm> (дата обращения 01.02.2018).
11. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 272 с.

Kogan E. S., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation)

SANCTITY AND SAINTS IN THE MIRROR OF THE DIALECT DISCOURSE OF THE INTERFLUVE AREA BETWEEN VOLGA AND DVINA*

The article refers to the notions of spiritual and religious categories which function in the dialects existing in the interfluvial area between the Volga and the Dvina rivers (Arkhangelsk, Vologda and Kostroma regions). The author examines the ways the informants describe in their speech the categories of sanctity, the saints and different stories related to them. The main method is the analysis of context compatibility, partner words and in some cases – figurative meanings. The understanding of the abstract category of sanctity by popular mind, linguistic transformations of saints' names indicating their depersonalization, as well as reductions and modification of legends related to saints are the points of interest. The main way of perceiving saints and sanctity in the popular culture is revealed, when the abstract idea is abandoned and concretized. As a result, some "parameters" of sanctity (which are often represented by the revision of canonization conditions) and stories about saints are formed. The connection between saints, sanctity and rituals in the popular mind also attracts attention. The present study is topical thanks to its modern speech material, which reveals a world picture, typical for modern dialect speakers, and not an archaic one, which is fixed in the language. The relevance of the present study is also due to the introduction of new material: field notes data of Ural Federal University Toponymic Expedition.

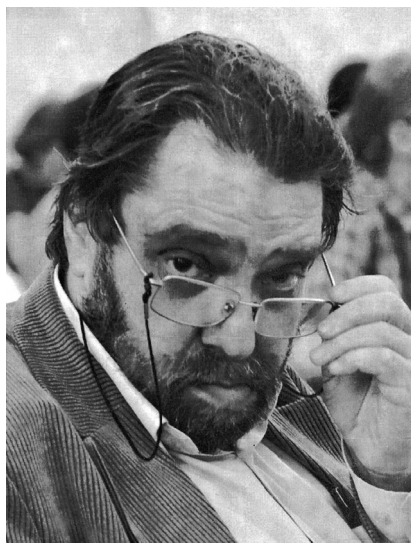
Key words: discourse; popular culture; world picture; religion; dialect; spiritual categories

* The study was conducted as part of the project No 34.2316.2017/PM (Interfluvial area between the Volga and the Dvina rivers and the Belozersk region: history and culture of regions according to linguistic data), supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

REFERENCES

1. The remembrance of Archangel Michael's miracle at Chonae. *Orthodox encyclopedia*. Available at: <https://azbyka.ru/days/sv-mihail-arhangel> (accessed 28.01.2018). (In Russ.)
2. Hegumen Damaskin (Orlovski). Revisiting criteria of Russian Orthodox saints canonization: hagiography and literature. *Proceedings. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. 2015. № 2 (34). Available at: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=39> (accessed 03.02.2018). (In Russ.)
3. Short hagiography of St. Cyril of Beloozero. *Orthodox encyclopedia*. Available at: <https://azbyka.ru/days/sv-kirill-belozerskij> (accessed 01.02.2018). (In Russ.)
4. Kubryakova E. S. Language and knowledge. On the way towards acquiring knowledge about language: parts of speech in the cognitive context. The role of language in cognition. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
5. Moroz A. B. "Our" saints and "their" saints: revisiting the hierolatri development. *Ryabinin Readings – The materials of the 4th conference devoted to the actualization of the Russian North cultural heritage*. Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Petrozavodsk, 2011. 565 p. (In Russ.)
6. Moroz A. B. Folk hagiography. Oral and literary basis for the folk hierolatri. Available at: <https://mybook.ru/author/andrey-moroz/narodnaya-agiografiya-ustnye-i-knizhnye-osnovy-fol/read/> (accessed 29.03.2018). (In Russ.)
7. Попов Р. Folk etymology and hierolatri. *The language of culture: semantics and grammar. Celebrating the 80th anniversary of academician Nikolay Ilyich Tolstoy*. Moscow, Indrik Publ., 2004. P. 131–137. (In Russ.)
8. Tolstaya S. M., Belova O. V. Saints. *Slavic antiquities*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009. Vol. 4. P. 589–594. (In Russ.)
9. Tolstaya S. M. The vision of the world in text and ritual. Available at: http://www.rumvi.com/products/ebook/%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0-%D0%B2-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%D0%B5-%D0%B8-%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B5/a8f21ad6-a2dd-47ae-91fb-5c019c4f2c0d/preview/preview.html#TOC_EMPAE (accessed 30.03.2018). (In Russ.)
10. Tolstoy N. I. The problem of reconsting Old Slavic folk culture. *Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. Moscow, 1995. P. 41–60. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics3/tolstoy-95b.htm> (accessed 01.02.2018). (In Russ.)
11. Chernyko L. O. Linguistic and philosophical analysis of abstract nouns. Moscow, Knizhnyy dom LIBROKOM Publ., 2010. 272 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.04.2018

Имя Георгия Ахилловича Левинтона, одного из наиболее талантливых гуманитариев российской науки, хорошо известно литературоведам и фольклористам, и, разумеется, петрозаводским. Известно по многочисленным неординарным трудам и участию в самых значительных научных конференциях, чтениях и т. д.

ГЕОРГИЙ АХИЛЛОВИЧ ЛЕВИНТОН

К 70-летию со дня рождения

Г. А. Левинтон родился в Ленинграде в семье филологов. Отец литературовед-германист, переводчик, составитель фундаментальной библиографии «Генрих Гейне», библиограф Публичной библиотеки. Мать – литературовед-китаист, автор монографий о китайской прозе XVIII века. Георгий Ахиллович окончил в 1966 году физико-математическую ленинградскую школу № 30, а в 1971 году – филологический факультет ЛГУ. В семинаре В. Я. Проппа выполнил дипломное сочинение «Бой отца с сыном», которое как лучшая работа было удостоено медали. С 1969 года регулярно посещал научные конференции в Тарту, за что стяжал прозвище «тартуанец». Там состоялась первая публикация в «Трудах по знаковым системам», за ней последовали другие работы. В 1972 году поступил в аспирантуру Института балканистики АН СССР, где под руководством академика В. Н. Топорова написал диссертацию «К описанию, интерпретации и реконструкции славянского текста со специализированной прагматикой». Своими учителями, наряду с В. Я. Проппом и В. Н. Топоровым, называет Ю. М. Лотмана и Вяч. Вс. Иванова. Между тем научная карьера молодого ученого складывалась очень непросто. По причинам не научного свойства законченную в 1975 году диссертацию довелось защитить лишь в 1989 году. И только тогда Левинтон обрел работу по специальности, став старшим научным сотрудником Института этнографии АН СССР (с 1993 года – Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера)). Со времени основания Европейского университета в Санкт-Петербурге в 1996 году по настоящее время он – профессор факультета антропологии и этнографии, где читает курсы по фольклору и мифологии, руководит аспирантами.

Г. А. Левинтон – автор более 350 работ, отражающих широкий спектр научных проблем фольклористики, этнографии, литературы: былина, сказки, песни, обрядовый фольклор, ритуал, структура, семантика, русская литература от Ломоносова до наших дней. В этом ряду и поэтика в целом, и история поэтики, подтекст (интертекст) в теоретическом и практическом отношении: Мандельштам, Блок, Анненский, Ахматова, Гумилев, Хлебников, Бродский и др., из прозы – Достоевский, Набоков; соотношение с повествовательным фольклором. Эти работы отличает не только высокий профессионализм и глубокая эрудиция, но нетривиальность идей и неожиданные ассоциации. Этими качествами в полной мере обладает статья «Отголоски детских игр (Мандельштам и Аделаида Герцук)» в петрозаводском научном сборнике [5: 60–74].

Левинтон – участник и соавтор ряда значимых, событийных книжных изданий по филологии. Назову лишь некоторые. Это статьи «Город как подтекст (Из реального комментария к Мандельштаму)» в сборнике «ПОЛУТРОПОН» [7: 730–755], «К поэтике Якобсона (Поэтика филологического текста)» в книге «Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования» [9: 744–761], «Замечания о жанровом пространстве русского фольклора» в сборнике «Судьбы традиционной культуры» [12: 46–52], «Достоевский и “низкие” жанры культуры» в сборнике «Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература» [2: 267–282].

Одна из особенностей Левинтона-исследователя – приверженность к строгой терминологичности. Вот как отзывается о нем знаменитый этнограф А. К. Байбурин, коллега и нередко соавтор: «...раритетный экземпляр теоретика, и среди задач, давно им перед собой поставленных, не последнее место занимает упорядочение понятийно-терминологического аппарата» [6: 7]. В этом убеждают многочисленные словарные статьи в разных изданиях, большая отдельная работа под названием «Статьи из энциклопедии» в «Трудах факультета этнологии» [13: 230–271]. 93 статьи Левинтона (в них такие понятия, как «акмеизм», «аллитерация», «былинный стих», «говорной стих» и др.) содержит Российский гуманитарный энциклопедический словарь [10].

Те, кто знают исследования Левинтона, обращают внимание на их примечательную особенность: привычная сноска у него превращается в пространственный текст, который составляет значительную часть статьи и вызван необходимостью не просто назвать дату, факт, источник, но нередко дополнить параллелью, привести аллюзию, реминисценцию с цитированием и оригинальным комментарием [2: 267–296], [8: 596–610], [9: 744–761]. И все это, несомненно, следствие его огромной образованности и эрудиции.

Левинтону (в соавторстве с Ю. А. Клейнером) принадлежат перевод и комментарии одного из важнейших исследований в области теории эпоса во второй половине XX века – книги Альберта Лорда «Сказитель», ставшей эпохой в истории изучения эпоса. Сейчас готовится второе издание этой монографии об учении Пэрри – Лорда [4].

Георгий Ахиллов – непререкаемый и постоянный участник филологических чтений в разных городах России и за рубежом (более 200): Лотмановских, Тыняновских, Мандельштамовских, Пропповских, Пушкинских, Топоровских, Эткиндовских, Набоковских, в честь Бродского и др. Он один из редакторов таких серьезных изданий, как сборники статей «Эткиндовские чтения 1» [15], «Вторая проза» [3], «Фольклор, постфольклор, быт, литература» [14], «АБ-60» [1], книга Е. В. Романовой «Массовые самосож-

жения старообрядцев в России в XVII–XIX веках» [11] и др.

Его лекции и доклады слушали и слушают преподаватели и студенты множества российских и зарубежных университетов: Санкт-Петербургского, Тартуского, Таллинского, Петрозаводского, Лондонского, Оксфордского, Кембриджского, Римского, Миланского, Страсбургского, Нью-Йоркского, Лос-Анджелесского, Беркли, Токийского и др. [16].

Немного личного. Присутствие в моей жизни, и научной в частности, Г. А. Левинтона сделало ее другой, и для меня оно бесценно непрерывной связью с высоким профессионалом и оригинальным мыслителем. Его дар, талант дружить, сердечность я сполна ощущаю уже более 27 лет после смерти сына. Их профессиональное общение и, главным образом, работы Я. И. Гина неизменно побуждают Георгия Ахилловича привлекать к ним внимание других исследователей. Левинтон вообще обладает редким качеством ценить, откликаться на работы коллег, о которых у него множество статей и рецензий. Первая личная встреча произошла в 2003 году на семинаре в Европейском университете. Случилось так, что в вагоне поезда потерялся резиновый наконечник от канадского костыля, что чревато было для меня опасностью в передвижении. Попытки его найти в аптеках ничего не дали. Выручил Георгий Ахиллович, он привез мне наконечник. Второй раз встретились в апреле 2011 года, когда Георгий Ахиллович приезжал в Петрозаводск с чтением лекций («Жанровое пространство фольклора», «Литература и фольклор») для преподавателей и студентов ПетрГУ, КГПИ, слушателей Открытого университета. Главный инструмент нашей многолетней дружбы – письма, которыми Георгий Ахиллович постоянно держит меня в курсе всех главных событий в фольклористике и литературоведении, присылая программы или описания конференций, симпозиумов, чтений. Я не помню случая, когда бы он не откликнулся на посланную или прочитанную работу не просто вежливой отпиской, а побуждающим к размышлениям рассуждением или посылом. Его многознание инициирует при чтении чужих опусов нестандартные комментарии, замечания и дополнения. Приведу выдержку из письма от 4 декабря 2015 года:

...я на днях получил по e-мэйлу 13 и 14 выпуск Кормановских чтений и прочел с большим удовольствием Вашу статью «“Я селезня, да я его любила...” (О новом варианте бесёдной песни)». Я вообще-то не знаю, как надо называть эти песни, которые в сущности представляют собой распеты песенным стихом кумулятивные сказки (это, разумеется, перифраза формулировки Богатырева: «сказка, распетая былинным стихом» – не помню, где он это сказал). Я не помню, учитывает ли Амроян (в книге о цепевидных структурах) песни. Но сама песня – очаровательна. Однако пишу я не для того, чтобы похвалить песню или статью. Может быть, Вас заинтересует одна параллель. Это английская и американская песня

считается сравнительно новой (по непроверенным данным, впервые записана и опубликована в 1903 году). В жанровом отношении она отличается – это никак не кумулятивная сказка, и даже если оставить вопрос о сказке, то и как песня она отличается, в ней нет кумуляции, но есть цепевидная структура.

Привожу с подстрочником один из вариантов из интернета.

Привожу только две из трех строф песни и две строфы перевода:

Soldier, soldier, will you marry me,
With your musket, fife and drum?
Oh, how can I marry such a pretty girl as thee,
When I have no hat to put on?
Off to the haberdasher she did go,
As fast as she could run,
Bought him a hat, the best that was there,
And the soldier put it on...

Soldier, soldier, will you marry me,
With your musket, fife and drum?
Oh, how can I marry such a pretty girl as thee,
When I have no coat to put on?
Off to the tailor she did go,
As fast as she could run,
Bought him a coat, the best that was there,
And the soldier put it on...

Солдат, солдат, женишься ли ты на мне
(или: возьмешь ли меня в жены) – можно
понять и как «возьми меня в жены».
Со своим мушкетом, дудкой и барабаном.
Как я могу жениться на такой хорошенькой
девушке, как ты (или взять в жены такую...) –
здесь архаичное «ты» вместо обычного «вы»
(в других вар. может быть и «вы»),
когда у меня нет шляпы на голову
(букв. нет шляпы, чтобы надеть).
Она отправилась к шляпнику,

побежала со всех ног,
купила шляпу, лучшую, какая была,
И солдат ее надел.

Солдат, солдат, женишься ли ты на мне
Со своим мушкетом, дудкой и барабаном.
Как я могу жениться на такой
хорошенькой девушке, как ты,
когда у меня нет кафтана.
Она отправилась к портному,
побежала со всех ног,
купила кафтан, лучший, какой был,
И солдат его надел.

В одном из недавних писем Георгий Ахиллович сообщает, что вычитывает корректуру второго издания книги А. Лорда «Сказитель». А еще у него за 2016–2017 годы около десятка публикаций, среди которых комментарий к сказке А. С. Пушкина «Царь Никита» во второй части 2-го тома ПСС (2016), заметки «Литература и этнография» в сборнике к 90-летию Б. Ф. Егорова, статья «Двойчатки Мандельштама» в сборнике статей и материалов о М. Л. Гаспарове, статьи о поэзии русского авангарда, заметки о камне у Гумилева, о дружеских надписях И. Бродского и др. Восемь докладов на научных конференциях – это Лотмановские дни в Таллине и XXV Лотмановские чтения в РГГУ, девятые Эткиндовские чтения в Пушкинском Доме, заседания, посвященные 90-летию З. Г. Минц в Тарту и памяти В. В. Иванова в Москве, [16]. Вот такая непрерывная научная жизнь.

**Здоровья Вам и многая лета, дорогой
Георгий Ахиллович!**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АБ-60: Сб. ст. к 60-летию А. К. Байбурина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2007. 572 с. (Studia Ethnologica. Труды факультета этнологии. Вып. 4.)
2. Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н. Богомолов. М.: Ладомир, 1996. 414 с.
3. «Вторая проза»: Сб. ст. Таллинн, 2004. 385 с.
4. Лорд А. Б. Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона; Послел. Б. Н. Путилова. М.: Изд. фирма «Восточная литература»: РАН, 1994. 368 с.
5. «Мудрости бо ти имя податся»: Сб. ст. к юбилею профессора Софьи Михайловны Лойтер / Сост и отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2011. 315 с.
6. Natales grate numeral?: Сб. Ст. к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб, 2008. 637 с. (Studia Ethnologica. Вып. 6.)
7. ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова / Ред. кол.: А. А. Гиппиус, Л. Г. Невская, Т. М. Николаева (отв. ред.), Т. В. Цивьян. М.: Индрик, 1998. 1040 с.
8. Ремизовский подтекст в «Четвертой прозе» // Лотмановский сборник. 1 / Ред.-сост. Е. В. Пермяков. М.: ИЦ-Гарант, 1995. 734 с.
9. Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С. И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. XXIV. 920 с.
10. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. М.; СПб.: Владос: Филол. ф-т СПбГУ, 2002.
11. Романова Е. В. Массовые самосожжения старообрядцев России в XVII–XIX веках. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2012. 288 с. (Studia Ethnologica. Вып. 10.)
12. Судьбы традиционной культуры: Сб. ст. и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998. 364 с.
13. Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб., 2001. 344 с.
14. Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию А. Ф. Белоусова. СПб., 2006. 364 с.
15. Эткиндовские чтения 1: Сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда (27–29 июня 2000 г.). СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2003. 271 с.
16. <https://eu.spb.ru/anthropology/faculty/3485-levinton> (Studia Ethnologica. Вып. 6).

С. М. Лойтер,
доктор филологических наук, профессор ПетрГУ

CONTENTS

First International Scientific Conference GRAVITY OF NORTH: LANGUAGE, LITERATURE, SOCIAL CONTEXT

LITERARY STUDIES

- Koblenkova D. V.*
PER CHRISTIAN JERSILD'S RELIGIOUS AND POLITICAL PAMPHLET *CALVINOL'S VOYAGE AROUND THE WORLD*. 7
- Lvova I. V.*
WOMEN'S WRITING OF KARELIA: THE POETICS OF RAISA MUSTONEN'S SHORT STORIES 14
- Sharapenkova N. G.*
DRAMA AS A WAY TO THE HEIGHT OF SPIRIT. ANDREI BELY AND HENRIK IBSEN: THE HISTORY OF THE DIALOGUE. 18
- Bakula V. B.*
LITERARY SPACE OF THE KOLA NORTH: THE SAMI LITERATURE 24
- Kundozerova M. V.*
TUONELA: OTHER WORLD IN THE SYSTEM OF THE UNIVERSE COORDINATES IN KARELIAN EPOS 28
- Ostapova E. V.*
ETHNOGRAPHIC INFORMATION IN THE FIRST KOMI NOVELS: CHALLENGES OF TRANSLATION . . . 36
- Safron E. A.*
MYTHOLEGEME OF THE ISLAND IN SCANDINAVIAN FOLKLORE. 41
- Shilova N. L.*
ART AND ARTISTS IN LITERARY REPRESENTATION OF KIZHI ISLAND 46

LINGUISTICS

- Tolstaya S. M.*
NORTHERN RUSSIAN DIALECTS AGAINST THE COMMON SLAVIC BACKGROUND. 53
- Berezovich E. L.*
NORTHERN RUSSIAN WEDDING VOCABULARY: ETYMOLOGICAL AND ETHNOLINGUISTIC NOTES. 60

- Vasilyev V. L.*
INFLUENCE OF THE 17TH CENTURY KARELIAN SETTLERS' LANGUAGE ON THE NOVGOROD REGION'S TOPONYMY 69
- Shestakova L. L., Yakovleva A. F.*
MODERN POLITICAL TERM AS A POTENTIAL ENTRY OF A COMMON LANGUAGE DICTIONARY. 78
- Zhukova O. J.*
ADJECTIVES WITH POSITIVE EMOTIONAL SEMANTICS IN THE VEPS LANGUAGE (ON THE BASIS OF DIALECTAL AND FOLKLORE MATERIALS) 83
- Zakharova E. V.*
THE COMPONENT "BOAT" IN THE GEOGRAPHICAL NAMES OF KARELIA: MOTIVES FOR DENOMINATION. 89
- Kotov A. A.*
"WAR AND PEACE OF LANGUAGES AND CULTURES" THROUGH THE EYES OF FOREIGN AND RUSSIAN STUDENTS 97
- Krivoshchapova J. A.*
TOPONYMS IN THE WEDDING LAMENTATIONS OF THE RUSSIAN NORTH. 104
- Mikhailova L. P.*
BELOMORYE AS AN OBJECT OF HISTORICAL, ETHNOCULTURAL AND AREAL RESEARCH THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE 109
- Danova M. Ya.*
WOMAN'S PLACE IN EDVARD MUNCH'S WORLDVIEW – BASED ON HIS TEXTS. 113
- Kogan E. S.*
SANCTITY AND SAINTS IN THE MIRROR OF THE DIALECT DISCOURSE OF THE INTERFLUVE AREA BETWEEN VOLGA AND DVINA. 120

Jubilation

- To the 70th birthday anniversary of G. A. Levinton. . . . 125